

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский государственный нефтяной технический университет»

На правах рукописи

Гаекулов Эмиль Наилевич

**ОСОБЕННОСТИ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТЕСТОВ
В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
(НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИК КАЗАХСТАН И КЫРГЫЗСТАН)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Специальность 5.5.2. – политические институты, процессы и технологии

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Ю. Н. ДОРОЖКИН

Уфа, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. Теоретико-методологические основы исследования массового политического протеста	18
1.1. Понятие массового политического протеста: подходы к изучению	18
1.2. Факторы массовых политических протестов как предмет современного научного дискурса.....	49
2. Сравнительный анализ массовых политических протестов в республиках Казахстан и Кыргызстан.....	73
2.1. Специфика массового политико-протестного движения в Республике Казахстан.....	73
2.2. Специфика массового политико-протестного движения в Республике Кыргызстан.....	109
Заключение	144
Список источников и литературы	149

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования связана с тем, что в последние годы в государствах, занимающих территорию северной части Центральной Азии наблюдался масштабный рост политических протестов, что оказало заметное влияние на политическую систему и государственную политику этих стран, которые тесно связаны с Россией и занимают важное геополитическое положение. Поэтому актуальной исследовательской задачей является определение специфики современного массового политического протеста в странах этого региона. Среди последних для изучения, фундированной оценки текущих событий и подготовки научно обоснованных прогнозов развития политической ситуации выбраны республики Казахстан¹ и Кыргызстан (далее - республики), так как они являются наиболее типичными, информационно доступными, в них произошло значительно число политических протестов.

Кроме того, исследование случаев выражения массового недовольства в республиках позволяет дополнить современное научное знание о политическом протесте, его факторах и особенностях в современных условиях.

Наконец, устойчивые противоречия между интересами рядовых граждан и системой власти в странах северной части Центральной Азии ведут к эскалации скрытых и явных конфликтов в обществе, политико-государственной дестабилизации, радикализации целых социальных групп, угрожают порядку на границах с Россией, что требует тщательного научного изучения с целью выявления и объяснения причинно-следственных связей и направленности политического протеста в республиках для проведения адекватных мер внутреннего и внешнего реагирования Российского государства.

Степень научной разработанности проблемы. Политические протесты в вышеуказанных республиках изучаются в рамках исследований массовых

¹ Многие географы относят западную часть Казахстана к Европе.

движений, политического поведения, политического участия, специфики политико-властных режимов.

К. Маркс сформулировал одно из наиболее влиятельных теоретических объяснений политического протеста². А. Лансело определил политическое поведение³. П. Лазарсфельд охарактеризовал специфику поведения избирателей⁴. Э. Даунс на основе экономических моделей доказал, что индивид рационально действует в политической сфере для достижения своей цели⁵. К. Бейме, Р. Далтон, П. Игнаци, А. Крувель, П. Мэйр, К. Госс, Р. Инглхарт, Р. Патнэм и другие проследили тенденцию снижения массовых движений в политическом протесте⁶. Г. Лебон, Г. Тард и другие изучили поведение и психологию толпы, участвующей в политическом протесте⁷. Р. Тернер выявил возникновение новых моделей поведения, отличающихся от общепринятых, которые возникают в толпе в каждой конкретной ситуации⁸. С. Московичи, Х. Ортега-и-Гассет и другие добавили много важных теоретических положений, раскрывающих социопсихологическую мотивацию участников массовых протестных политических акций⁹. Б. Гинзберг, Т. Лоуи, М. Уэйр показали специфику современного политического участия, в том числе протестного¹⁰. С. Верба, А. Лейпхарт, Н. Най проанализировали факторы, отражающие социально-

² Маркс К. Манифест коммунистической партии // Сочинения. Т. 4 / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Госполитиздат, 1955. 615 с.

³ Lancelot A. L'abstentionnisme électoral en France. Paris: Armand Colin, 1968. 290 pp.

⁴ Лазарсфельд П. Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской компании. Ульяновск: УлГУ. 2018. 151 с.

⁵ Downs A. Economic theory of democracy. Harper and Row, 1957. 320 pp.

⁶ Крувель А. Теория «партий-картелей» неверна // Русский журнал. 2008. № 10; Beyme K. von Party Leadership and Change in Party Systems: Towards a Postmodern Party State? // Government and Opposition. 1996. Vol. 31. № 2. P. 149-150; Ignazi P. The Crisis of Parties and the Rise of New Political Parties // Party Politics. 1996. Vol. 2. № 4. P. 550; Mair P. Continuity, Change and the Vulnerability of Party // West European Politics. 1989. Vol. 12. № 1. P. 177; Putnam R. D., Goss K. A. Introduction // Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society. Oxford, 2002; Dalton R. J. Value Change and Democracy // Disaffected Democracies: What's Troubling the Trilateral Countries? Princeton, 2000. P. 252-269; Инглхарт Р. Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М., 2010. С. 170 – 172.

⁷ Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2011. 238 с.; Мнение и толпа // Психология толп. М.: Институт психологии РАН; Издательство КСП+, 1999. 416 с.

⁸ Turner R. Collective behavior. Prentice-hall. New Jersey, 1987. Pp. 35-50.

⁹ Московичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. 509 с.

¹⁰ Ginsberg B., Lowi T., Weir M. We the People: An Introduction to American Politics. W. W. Norton & Company, 2012. 608 pp.

демографические характеристики действующих лиц в политическом протесте¹¹. С. Липсет установил взаимосвязь экономического роста в развитых демократических системах Запада с ростом демократически ориентированного политического участия¹². С. Барнс, М. Каазе и их соавторы исследовали новые формы политического участия, протестной активности¹³. Э. Хоффер показал специфику массового протестного движения¹⁴.

Р. Мертон в рамках конфликтологического подхода выявил необходимость нарушения «социального кодекса» в протестных движениях¹⁵. Т. Парсонс определил политический протест как элемент естественного движения общества к демократической форме правления¹⁶. Ч. Тилли показал, как накладываемые на граждан обременения ведут к недовольству, коллективным протестным действиям¹⁷. Дж. Шарп классифицировал 198 мирных способов выражения несогласия с действующей властью¹⁸.

З. Туфекчи исследовала современные формы и способы политического протеста в условиях цифровизации¹⁹. М. Олсон указал на рациональную мотивацию абсентеизма, объяснил этот феномен «проблемой безбилетника», постулировал «обязательность формализации объединений участников коллективного действия»²⁰. П. Пакстон определила степень давления рядовых граждан в форме массовых движений на поведение правящего класса²¹.

Г. О’Доннел довольно детально исследовал вновь образованные политические системы на основе большого сопоставительного анализа

¹¹ Verba S., Nie N. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. NY., 1972. P. 336; Leijphart A. *Language, Religion, Class and Party Choice // Electoral Participation. A comparative analysis*. L., 1988. P. 283 – 327.

¹² Липсет С. М. *Политический человек: социальные основания политики*. М: Мысль, 2016. 611 с.

¹³ Barnes S. H., Kaase M. et al. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, 1979. P. 524.

¹⁴ Хоффер Э. *Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения*. М.: Альпина Нон-фикшн, 2017. С. 124.

¹⁵ Мертон Р. К. *Социальная структура и аномия // Социология преступности*. М., 1966. С. 299-313.

¹⁶ Парсонс Т. *Система современных обществ*. М., 1998. С. 108-109.

¹⁷ Тилли Ч. *Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг.* М., 2009.

¹⁸ Шарп Д. *От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения*. М., 2012.

¹⁹ Tufekci Z. *The medium and the movement: Digital tools, social movement politics, and the end of the free rider problem // Policy & Internet*. 2014. Vol. 6. Is. 2. Pp. 202-208.

²⁰ Олсон М. *Логика коллективных действий*. М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. 174 с.

²¹ Paxton P. *Social Capital and Democracy: An Interdependent Relationship // American Sociological Review*. 2002. Vol. 67. P. 256

государственно-политической практики ведущих стран Южной Америки в условиях индустриализации²². В. Меркель и А. Круассан предложили концепт «дефектная демократия»²³. Г. Хейл исследовал трансформации политических систем в северной части Центральной Азии в период после распада Советского Союза²⁴.

А. Фисун определил специфику соединения политики экономических ресурсов и бюрократии в неопатримониальной системе²⁵. В. Гельман выделил основополагающую роль неформальных институтов и практик в постсоветских режимах²⁶. Ю. Левада исследовал фактор депривации как состояния общественно значимого недовольства²⁷.

И. А. Климов показал значение низкой респонсивности в политическом протесте²⁸. А. В. Кинсбургский и М. Н. Топалов указали на значение факторов слабости власти и ее раскола для превращения социального недовольства в масштабный политический протест²⁹.

В. Н. Пугачев, И. А. Савченко и другие исследовали политический протест как так называемую «цветную революцию»³⁰. А. Юрьев предложил обобщающую классификацию потребностей, детерминирующих политическое поведение, в том числе в рамках политического протеста.³¹

²² O'Donnell G. *Modernisation and Bureaucratic Authoritarianism*. Studies in South American Politics. Berkeley: University of California Press, 1970.

²³ Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010. С. 11.

²⁴ Hale H *Regime Cycles Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia* // World Politics. Vol. 58. Issue 1. October 2005. Pp. 133-165.

²⁵ Фисун А.А. К переосмыслению советской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. 2010. № 4. С. 172.

²⁶ Гельман В. Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории) // Полис. 2001. № 1. С. 19.

²⁷ Левада Ю. А. Сочинения: Проблема человека. М., 2011. С. 177.

²⁸ Климов И. А. Респонсивность власти как баланс суверенитета и социальной поддержки // Социолог. журн. 2006. № 3/4.

²⁹ Кинсбургский А. В., Топалов М. Н. Два условия роста массовой протестной активности // Россия реформирующаяся. М., 2002. С. 279.

³⁰ Савченко И. А. Политический протест в современном обществе: технологический подход // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2.

³¹ Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб.: СПбГУ, 1992. 232 с.

Тенденции политического протеста в современном Казахстане определили Е. А. Иванов, А. А. Керимов, С. Ю. Малков, Ю.В. Морозов, Г. Насимова, К. Смагулов и другие³².

Тенденции политического протеста в современном Кыргызстане выявили И.Д. Звягельская, Е. Ионова, А. Д. Мурзакулова, А. Темиркулов, Н. Шукуралиева и другие³³.

Анализ состояния научной разработанности проблемы, рассматриваемой в диссертации, позволяет сделать вывод, что в трудах большинства упомянутых выше специалистов, в основном, исследуется общая направленность политических протестов в отдельных странах северной части Центральной Азии, однако, не проводится сравнительный анализ форм и способов протестных действий в этих государствах с соответствующими обобщениями.

Актуальность, недостаточная научная разработанность и высокая практическая значимость определила выбор объекта, предмета, цели и задач исследования.

Объект исследования – массовые политические протесты в Казахстане и Кыргызстане.

Предмет исследования – специфика массовых политических протестов в Казахстане и Кыргызстане.

32 Иванов Е.А., С.Ю. Малков. Анализ уровня социально-политической нестабильности в Казахстане и Киргизии: современное состояние и прогноз // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. М., 2020. С. 592–614; Керимов А. А., Алещенко П.С. Анатомия политических кризисов на постсоветском пространстве (на примере январских событий 2022 г. в Казахстане) // СССР и его наследие: проблемы мировой политики и международных отношений: V Чемпаловские чтения, посвященные 100-летию образования СССР: сборник научных статей и сообщений. Екатеринбург: УрФУ, 2023. С. 42 – 46; Морозов Ю. В. Внутренние и внешние факторы событий в Казахстане в начале 2022 года и возможные стратегии Запада и России в республике // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 1. С. 6-16; Смагулов, К., Насимова, Г. Анализ протестных настроений в западных областях Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. № 3. С. 42-51.

³³ Звягельская И.Д. Протестный пейзаж и политические режимы (Арабские государства и страны Центральной Азии) // Уральское востоковедение. 2018. Вып. 8. С. 51-69; Ионова Е. О смене власти в Киргизии // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 4. С. 73-86; Мурзакулова А. Д. Проблемы развития политических процессов в Кыргызстане. // Известия ВУЗов. Серия: социально-гуманитарные науки. 2011. № 4 С.26-31; Шукуралиева Н. Феномен цветных революций // PolitBook. 2017. № 17. С. 16-29; Temirkulov A. Kyrgyz “revolutions” in 2005 and 2010: comparative analysis of mass mobilization // Nationalities Papers. 2010. Vol. 38. № 5. P. 589-600.

Цель работы – в процессе сравнительного исследования выявить и сопоставить общее и особенное в массовых политических протестах в Казахстане и Кыргызстане.

Задачи исследования:

- систематизировать современные теоретико-методологические подходы к исследованию массового политического протеста;
- рассмотреть факторы массовых политических протестов как предмет современного научного дискурса;
- определить специфику массовых политических протестов в Казахстане;
- выявить специфику массовых политических протестов в Кыргызстане;
- показать общее и особенное в массовых политических протестах в Казахстане и Кыргызстане.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в комплексном сравнительном исследовании массовых политических протестов в республиках Казахстан и Кыргызстан, в результате которого определены особенности массовых политических протестов в республиках Казахстан и Кыргызстан в современных условиях. Получены следующие основные результаты:

1. Систематизированы теоретико-методологические подходы к исследованию массовых политических протестов в современных политических системах северной части Центральной Азии.
2. Рассмотрены факторы массовых политических протестов как предмет современного научного дискурса.
3. Выявлена специфика массовых политических протестов в Казахстане.
4. Выявлена специфика массовых политических протестов в Кыргызстане.
5. Проведен сравнительный анализ, выявлены сходства и различия массовых политических протестов в Казахстане и Кыргызстане.

Положения, выносимые на защиту:

1. Под политическим протестом (от лат, protestor-публично доказываю; возражение) в данной работе понимается вид политического поведения и

политического участия, сущностью которого является выражение резкого, порой радикального, недовольства деятельностью структур государственной власти. В широком смысле речь идет о неприятии государственной политики (экономической, социальной экологической и так далее); в узком – несогласии с организацией и функционированием собственно политико-властной сферы (форма правления, государственное устройство, политический режим, права и свободы человека и так далее), деятельностью конкретных политиков или чиновников. Протесты могут быть стихийными и организованными, мирными и немирными, внутриэлитными и массовыми. Они выполняют социальные функции реагирования гражданского общества на неадекватную, с точки зрения протестующих, политику, осуществляют общественный контроль за деятельностью власти, обеспечивают обратную связь между государством и обществом.

Массовые политические протесты публичны, мотивированы, имеют активный тренд к масштабированию и высокой степени психоэмоциональной заряженности, нацелены на воздействие на власть, действия которой, по мнению протестующих, противоречат интересам определенных социальных групп, общностей или большинства общества. Вместе с тем, подталкивая власть к переменам, протестующие выражают лишь эмоциональную неудовлетворенность положением вещей, критикуют власть, не соглашаются с ее политикой, своими действиями они скорее отрицают существующие реалии, чем предлагают некую альтернативную и конкретную программу этих будущих перемен. Массовые политические протесты несут в себе существенную разрушительную составляющую, они как бы расчищают «площадку» для возможных, уже рационально просчитанных вариантов дальнейших созидательных действий государства либо оппозиционных политических акторов, ориентированных на реализацию артикулированных требований протестующих.

2. Протесты есть во всех политических системах – демократических, тоталитарных и авторитарных. В демократических государствах мирные

политические протесты – это, как правило, естественное явление, имеющее легальность и легитимность в обществе и системе власти, политико-конституционное закрепление. Они не представляют угрозу для действующих политических систем, рассматриваются как способ их демократического совершенствования, улучшения качества государственной политики в интересах граждан, укрепления экономической, социальной и политической стабильности. В абсолютных монархиях, тоталитарных и авторитарных режимах протесты рассматриваются как нечто противоестественное, подрывающее конституционно-правовые основы государства, угрожающее национальной безопасности, а потому нуждающееся в политическом, нормативном и информационном пресечении и подавлении. В свою очередь, политические системы с преобладанием неформальных практик, особенно в государствах с неразвитой экономикой и низким уровнем жизни населения, сами создают наиболее благоприятную политико-режимную питательную среду для постоянных политических протестов.

3. На основе анализа выделены и систематизированы основные и общие для Казахстана и Кыргызстана факторы массовых политических протестов. К ним относятся:

- социально-экономическая нестабильность, диспропорции в развитии регионов, города и села;
- растущее социальное расслоение и неравенство, охватившее значительную часть населения (ключевыми выгодополучателями экономического роста в Казахстане стали олигархические группы, а не большинство населения);
- повсеместная коррупция, разъедающая общество;
- политический режим, исключавший реальное разделение властей и функционирование системы сдержек и противовесов, развитие институтов гражданского общества, демократические процедуры представительства и учета интересов всех социальных групп, реализацию прав и свобод граждан, разрешение возникающих конфликтов в рамках правового государства,

демократически ориентированного политического участия и мирного выражения политического протеста, диалога и компромисса;

- раскол политических элит и внутриэлитная борьба;
- регионализм, клановость (включая силовые структуры) и неэффективность государственных институтов и государственной политики при запредельной бюрократизированности госаппарата;
- недовольство критической массы населения положением дел в стране, депривация, ощущение фрустрации и несправедливости, отсутствие возможности влияния общественности на государственную политику;
- чрезмерные препятствия и запреты для проявления гражданской активности, подавление всех форм политического протеста, нетерпимость к любым альтернативным инициативам оппозиции.

4. В процессе исследования выявлены следующие особенности политических протестов в современном Казахстане:

- неприятие власти Н. Назарбаева и его семьи, усталость от несменяемости власти;
- неоднородность и размытость состава протестующих, включенность исламско-экстремистских элементов;
- стихийный, во многом спонтанный, даже иррациональный характер протестов с плохо осознанными целями и средствами их достижения;
- преобладание в протестах психоэмоциональной составляющей над рационально-преобразующей программой требований и действий;
- отсутствие общенационального организующего начала в виде публичной политической силы (партии, движения) и авторитетного (харизматического) лидера;
- быстрый переход от социально-экономических требований к политическим, радикализация неконтролируемых протестов, использование разрушительных методов вандализма, криминального насилия и кровопролития.

5. В результате исследования установлены следующие особенности политических протестов в современном Кыргызстане:

- Кыргызстан – лидер среди стран северной части Центральной Азии по количеству и масштабу массовых выступлений граждан и групп интересов, стремящихся повлиять на политический протест и принятие решений, а также изменить систему власти;

- массовые протесты проходили в рамках внутриэлитной клановой борьбы (в том числе в формате выборов) политиков запада и юга страны;

- протесты имели сразу политическую окраску, отличались волнообразностью, затяжным характером, перманентной незавершенностью и очередной сменой власти;

- массовое протестное движение использовалось системной политической оппозицией как инструмент давления на правительство «снизу», при этом «дивиденды» получают политические силы и их лидеры, а ставшие причиной волнений потребности общественности, как правило, остаются без должного удовлетворения;

- ведущей силой политического протеста часто выступали не политические партии, а периферийный патронаж, клиентелы, традиционные институты, которые обеспечивали массовую протестную мобилизацию; отмечалось участие в политическом протесте иностранных акторов;

- существенным фактором влияния на протесты оказала политическая культура населения Кыргызстана, которая сочетает современные и традиционные (региональные, клановые и родоплеменные) факторы социализации и общественной жизнедеятельности;

- протесты, при всём радикализме ожесточенности, характеризовались меньшим, чем в Казахстане, силовым давлением на протестующих, большей информационной открытостью, возможностью к самоорганизации и институционализации – были видны лидеры, мобилизационные организации, предлагались некие программы перемен;

- участниками массовых политических протестов в Кыргызстане стало все многонациональное население страны, в то время как в Казахстане – только этнические казахи.

6. Отмечая различия массовых политических протестов в Казахстане и Кыргызстане, необходимо видеть то общее, что их объединяет. Протесты в обеих странах происходили в контексте проблем постсоветского развития, транзита политических систем с неопределённым вектором дальнейшей трансформации. Вышеуказанные протесты не соответствовали современным стандартам демократического гражданского протеста. Насильственный характер действий как власти, так и ее оппонентов в ходе протестов свидетельствует о неразвитости демократических институтов, предусматривающих цивилизованные формы влияния на власть без насилия и крови путем конструктивного диалога, взаимных уступок и компромисса. В этих странах не сложилась консолидированная независимая оппозиция во главе с лидером, представляющим убедительную альтернативу действующей власти, что позволяет последней не принимать в расчет позицию и интересы своих оппонентов. При этом власть продемонстрировала неспособность быстро и адекватно реагировать на требования общества. С другой стороны, нельзя игнорировать незрелость экономических, социальных и социально-культурных факторов, традиционный регионализм и клановость. Сказалась известная патриархальность социальной структуры в Казахстане и Кыргызстане, а также присутствие в общественном сознании населения этих стран все еще сильных кланово-семейных, религиозных, племенных связей и интересов, которые сыграли важную роль в политических протестах.

Теоретико-методологической основой исследования являются положения, изложенные в трудах Р. Инглхарта, Х. Линца, Р. Мертона, Ч. Тилли, Э. Хоффера и других.

Ведущими методами исследования стали бихевиоралистский, неинституциональный и сравнительный подходы. Бихевиоралистский метод позволил изучить поведение протестующих групп и выявить их специфику. Неонституциональный метод позволил определить особую роль структур власти и протестных организаций в ходе массовых выражений политического

недовольства. Сравнительный анализ позволил сопоставить специфику казахстанского и кыргызского политического протеста.

Контент-анализ был полезен в осмыслении различных документов с учетом обстоятельств и времени их составления, позиций и установок авторов.

В работе также использовались общенаучные методы: моделирование, анализ и синтез, индукция и дедукция и другие.

Эмпирическая база исследования состоит из публикаций СМИ, положений нормативных правовых документов. Кроме того, материалами для исследования стали:

- 70 случаев политических протестов на западе Казахстана и 92 случая политических протестов в Кыргызстане за последние десять лет (получены из каталога массовых протестных событий с применением насилия, составленного экспертами ACLED);

- данные анонимного опроса 138 казахских и 156 кыргызских граждан о представлениях, сложившихся у них о политических протестах в их стране, а также об опыте их участия в таковых, подготовленных диссертантом лично на условиях анонимности в июне-августе 2023 г. на основе стандартизированной анкеты, включающей 19 закрытых вопросов (с возможностью комментирования);

- 123 публикации медиа Казахстана («Караван», «Tengrinews», «Newtimes», «Fergana.ru», «Centrasia.ru», «Paruskg.info» и др.) и 156 материалов медиа Кыргызстана («Вечерний Бишкек», «АКИпресс», «К-News»), а также интернет-ресурсов Fergana.ru, Azattyk.org, Centrasia.ru, и Paruskg.info по тематике политических протестов, обработанные с помощью ивент-анализа, контент-анализа, системного, сравнительного и неинституционального анализа; также рассматривались публикации российских СМИ («Новая газета» и сюжеты «Первого канала») с целью сопоставления ракурсов интерпретации случаев политического протеста.

Для решения задач диссертационного исследования базовая единица наблюдения – массовое политико-протестное событие – определено как

ограниченный во времени и пространстве публичный акт выражения гражданами (не менее десяти человек) недовольства положением дел в стране (регионе, городе, а также на предприятии, если наличествуют политический контекст) и предъявления требований структуре власти и третьим лицам. Иными словами, для включения в каталог событие должно быть обусловлено политическими причинами, связано с раздражением граждан по поводу текущей повестки дня, произойти в определенное время, быть локализовано в четко очерченном общественном пространстве, содержать требования по изменению ситуации. В связи с назначением порога численности в 10 человек от каталога отсекаются одиночные пикеты, голодовки, флешмобы и другие немассовые формы мобилизации. Вместе с тем довольно низкий порог чувствительности позволяет одновременно отслеживать динамику форм коллективного протестного действия, оценивать их роль в развитии цикла протеста и делать замеры состояния мобилизации в определенный период.

При определении переменных для определения временной и пространственной локализации события используется правило, согласно которому выбираются такие показатели, которые позволяют, во-первых, без существенных затрат агрегировать (деагрегировать) данные о событиях и вывести их в нужный класс, что имеет особое значение исследования протестов на межрегиональном и национальном уровнях, состоящих из взаимосвязанных событий. Кроме того, это важно для четкого разграничения одних событий от других (например, введение условия о том, для разделения событий, временной промежуток между ними должен составлять не менее 24 часов), а также для определения продолжительности протяженных во времени событий.

На этапе организации процесса сбора и обработки данных о политико-протестных событиях определяется список источников информации, правила кодировки и хранения, составляется протокол действий в ситуациях неоднозначности. Выбор источников информации – это значительная и проблематичная задача, т.к. от него прямо зависит характер смещения в данных.

Оптимальным источником для решения задач диссертационного исследования стали СМИ, а также сводки МВД Казахстана и Кыргызстана. Для решения проблем смещения использовались только итоговые выпуски ежедневных изданий.

Автор использовал каталог событий, составленный специалистами ACLED. Это открытый и свободный проект по сбору, анализу и составлению карт протестных событий с разбивкой по категориям. ACLED собирает даты, действующих лиц, места, погибших и типы всех зарегистрированных случаев политического насилия и акций протеста по всему миру³⁴.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что авторские выводы дополняют современные знания о политическом протесте в Казахстане и в Кыргызстане, а также в возможности использования их в текущей и планируемой деятельности органов государственной власти и управления Казахстана, Кыргызстана, России и других стран.

Апробация результатов исследования состоялась в трех публикациях в журналах из перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ объемом в 1,5 п.л., а также на научно-практических конференциях: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Современное российское общество: социально-политические тренды и вызовы» (04.12.2020, Ярославль), Всероссийская (национальная) научно-практическая конференция «Актуальные проблемы совершенствования системы государственного и муниципального управления в условиях возрастающей роли этноконфессиональных факторов» (15.12.2020, Уфа), XII Всероссийская научно-практической конференции «Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы» (11.11.2021, Москва), Международная научно-практическая конференции «II Соловьевские историко-философские чтения «Россия и мир: осмысление опыта и перспектив полилога культур. К 300-летию Российской империи» (1-2.12.2021, Москва) и др.

³⁴ About ACLED [Электронный ресурс]. URL: <https://acleddata.com/about-acled/> (дата обращения: 30.04.2023).

Структура исследования обусловлена нормативными требованиями включает в себя введение, две главы, заключение и список литературы.

1. Теоретико-методологические основы исследования массового политического протеста

1.1. Понятие массового политического протеста: подходы к изучению

Феномен политического протеста целесообразно рассмотреть в рамках более общих категорий политического поведения и политического участия.

Ален Лансело определил политическое поведение как образ действий индивида или группы при их реакции на какое-либо общественное событие или идею³⁵.

Наиболее скрупулезное и точное исследование политического поведения стало возможно с разработкой и активным внедрением одноименного (поведенческого или бихевиористского) подхода, произведшего в 1950-е гг. буквально революцию в политической науке.

Один из основоположников бихевиоризма Пол Лазарсфельд в работах «Выбор народа» и «Голосование» новаторски проанализировал представленные в динамике и полученные с помощью панельного метода³⁶ статистические данные о поведении избирателей³⁷. Выводы и методы этой работы легли в основу базовой схемы исследований электорального поведения, которую сформулировал диссертант:

- разные социальные статусы и демографические характеристики обуславливают различное голосование;
- политический образ мысли индивида зависит от того, как он рефлексирует над социальными проблемами;

³⁵ Lancelot A. L'abstentionnisme électoral en France. Paris: Armand Colin, 1968. P. 90.

³⁶ Периодический опрос представителей выбранной социальной группы для выяснения изменений ее мнения относительно какой-либо проблемы.

³⁷ См.: Лазарсфельд П. Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской компании. Ульяновск: УлГУ. 2018. 151 с.

- политические предпочтения граждан детерминированы их общественным положением и социальным опытом;
- наибольшее влияние на голосующего оказывает его ближайшее окружение – первичная группа (семья, друзья, коллеги);
- воздействие СМИ и политических технологий на формирование политических предпочтений существенно зависит от социальных характеристик того, на кого оно направлено.

Качественно новую концептуальную призму для рассмотрения политического поведения индивидов предложил Энтони Даунс. В работе «Экономическая теория демократии» на основе экономических моделей было показано, как индивид рационально действует в политической сфере для достижения своей цели. По сути, автор применяет положения экономической теории в политике, а именно утверждает о стремлении политических акторов (по аналогии с экономическими) к сокращению издержек и максимизацию выгоды, что у партии и кандидатов выражается в нацеленности на получение наибольшего числа голосов и должностей, а у избирателей – в увеличении личных преимуществ при минимальных затратах в обоих случаях. Иными словами, речь идет о рациональном выборе. Одна из возможных моделей такого выбора – это схема двухпартийной конкуренции, в которой люди участвуют в выборах в том случае, если ожидают, что их голос принесет реальную пользу, которая превысит затраты на голосование (времени – на ознакомление с программами кандидатов, денег – на транспорт до избирательного участка и т.д.). Этот тезис может быть распространен на участие индивида во всех политических акциях.

Важный вывод Энтони Даунса состоит в том, что граждане заметно экономят на «информационных издержках» – на приобретении и анализе политических сведений, так как для этого требуются время, деньги, знания, навыки и так далее³⁸. Этим объясняется низкий уровень компетентности

³⁸ Downs A. Economic theory of democracy. Harper and Row, 1957. P. 290.

граждан, их слабая информированность о политических вопросах, их готовность пользоваться разъяснениями политиков, журналистов, экспертов.

Большое значение для анализа политического протеста имеют тезисы теоретиков политического конфликта, которые уверены в том, что политическое поведение неизбежно приводит к внутривнутриполитическому или внешнеполитическому конфликту, и это есть норма, как и согласие. В частности, на это указал Гарри Экстайн³⁹.

Таким образом, категория «политическое поведение» означает:

- действия индивидов и групп, а также массовые акции в политике;
- формы организованных выступлений и стихийные выражения настроений общественности;
- акты поддержки системы власти или противостояния с ней.

К проявлениям политического поведения в политологии также относятся голосование «против» и феномен абсентеизма (неявки на выборы, отстранение от политического участия).

Категория «политическое поведение» в целом и в третьем своем значении, в частности, является базовой для анализа политического протеста и протестных движений.

Специалисты выделяют три формы политического поведения⁴⁰: инстинкты (жестокость, насилие, агрессия, самосохранение, солидарность), навыки (знание того, что нужно делать, и умение — это сделать) и разумные действия (целеполагание).

Спецификой политического поведения, на которую указал, например, Фред Гринстайн (который уточнил схему Брюстера Смита)⁴¹, является наличие некоего промежуточного звена в стандартной схеме «стимул – реакция», то есть некоего опосредующего элемента в виде ценностей, установок, находящихся в

³⁹ Ekstein H. A theory of stable democracy. Princeton University, 1961. P. 350.

⁴⁰ Данливи П. Политическое поведение: институциональный и эмпирический подходы // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999. С. 281-296.

⁴¹ Greenstein F. Personality and Politics: Problems of Evidence, Inference, and Conceptualization. Chicago: Markham Publishing Company: 1969. P. 150.

сознании акторов и обуславливающих осмысление стимула, который дается политической системой, и определяющих реакцию на данный стимул, выражающийся в образе политических действий акторов, участвующих в политическом протесте.

Александр Юрьев предложил обобщающую классификацию потребностей, детерминирующих политическое поведение (Табл. 1.)⁴².

Табл. 1. Классификация потребностей

1. Потребность в сохранении жизни	Потребность в продолжении рода	Потребность в сотрудничестве	Потребность в ориентации
2. Безопасность, защита от боли, страха, гнева	Любовь, нежность, признание, голод, жажда	Самоактуализация, самоуважение, достижение самоидентификации	Понимание, осмысление, знание, идентификация
3. Длительное существование, жизнеспособность, готовность идти на жертвы во имя выживания и самосохранения нации	Энергия, упорство, изобретательность, восставление численности населения после катастрофических потерь	Расовое, этническое разнообразие; юридическое и фактическое равенство наций	Способность изменять режим, подходящий для защиты независимости и национальных ценностей

В рамках настоящего диссертационного исследования важно определить различие политического поведения в организованных и стихийных формах.

Организованные формы для протеста – это, прежде всего, массовые партии классического типа и движения, которые имеют юридическую регистрацию,

⁴² Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб.: СПбГУ, 1992. С. 23.

иерархию, нормы, утвержденные в уставах, идеи, провозглашенные в программах, характеризуются дисциплиной. Деятельность таких объединений осуществляется с четким разделением обязанностей и функций, с постоянной работой по привлечению и обучению новых сторонников, поддержанию их лояльности и должной степени мобилизации. Как правило, наличествует определенный лидер, вдохновляющий однопартийцев и являющийся лицом организации.

На сегодняшний день роль и значение таких движений заметно снижается в сравнении с прошлыми веками. Эта тенденция, которую заметили еще в 1980-е гг. К. Бейме, П. Игнаци, А. Крувель, П. Мэйр и другие⁴³, коснулась левую и правую стороны политической сферы без исключения. В качестве причин называются изменения социальной структуры (размывание рабочего и среднего класса, миграция, повышение роли женщин и прочее); ослабление традиционных ценностей; утрата авторитета классических идеологий; подрыв общественного доверия в связи с коррупционными скандалами, сделками с действующей властью, лоббизмом; информатизация и цифровизация и так далее.

В силу изложенного сегодня наблюдается нарастание значения стихийных форм политического протеста. Многие современные гражданские активисты часто объединяются спонтанно, намеренно избегают какой-либо институционализированности.

Сами по себе стихийная форма протеста известна очень давно – со времен первых незапланированных бунтов и заранее не обдуманных восстаний, отличающихся иррациональностью, начавшихся самопроизвольно возникающими группами, которые распадаются вскоре после событий. Эта форма и ее движущая сила – толпа – в политическом измерении основательно изучена еще Гюставом Лебоном и Габриэлем Тардом. В ходе исследования

⁴³ Крувель А. Теория «партий-картелей» неверна // Русский журнал. 2008. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Teoriya-partij-kartelej-neverna> (дата обращения: 30.04.23); Бейме К. von Party Leadership and Change in Party Systems: Towards a Postmodern Party State? // Government and Opposition. 1996. Vol. 31. № 2. P. 149-150; Игнаци П. The Crisis of Parties and the Rise of New Political Parties // Party Politics. 1996. Vol. 2. № 4. P. 550; Мэйр П. Continuity, Change and the Vulnerability of Party // West European Politics. 1989. Vol. 12. № 1. P. 177.

политических событий XX в. Владимир Бехтерев, Серж Московичи, Хосе Ортега-и-Гассет и др. добавили много важных теоретических положений, раскрывающих социопсихологическую мотивацию участников массовых политических акций⁴⁴.

Исследователи XX века отмечают, что в массовых акциях индивид сохраняет анонимность, что снижает ответственность и открывает дорогу рискованным поступкам как положительного (взаимовыручка), так и отрицательного свойства (вандализм, хулиганство). В XXI веке в связи с повсеместным распространением систем уличного видеонаблюдения, изображение с которых анализируется машинным интеллектом на основе базы данных лиц, участникам массовых мероприятий становится заметно труднее оставаться неузнанными. Поэтому все чаще используются кепки, банданы, маски, повязки, капюшоны, балахоны, скрывающие внешность.

Авторы указывают на свойственное массе стадное чувство, на заметное снижение интеллектуального и культурного уровня того, кто оказывается в ее среде, на повышение уровня внушаемости, на преобладание бессознательного и автоматического в действиях толпы. На первый взгляд масса кажется однородной, однако, при ближайшем рассмотрении видно, что она разнообразна и разнолика. Именно поэтому очень часто у массовых движений отсутствует лидер. Конечно, это не правило, скорее, наиболее частый случай. В целом, всех в массе протестующих можно разделить на две группы – на лидера (при его наличии) и на последователей.

Сильное влияние на толпу оказывают внешние раздражители – громкие звуки (речь и музыка из усиливающих динамиков), резкие запахи, что часто используется для манипулирования эмоциями согласно эффекту циркуляторной реакции, характеризующейся многократным усилением массовых настроений под влиянием внушения или заражения. Здесь наиболее податливыми и

⁴⁴ См.: Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: Изд-во К.Л. Рикера, 1903. 144 с.; Московичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. 509 с.

восприимчивыми являются маргинальные слои.

Положение об упомянутом выше эффекте «заражения», имеющем место в толпе, дополняется Гордоном Олпортом и другими разработчиками принципа конвергенции, в котором массовое политическое поведение связывается со скрытыми желаниями предрасположенных к влиянию людей, которые в толпе становятся способны на обычно несвойственные им поступки⁴⁵.

Ральф Тернер обратил внимание на то, что внутри толпы в каждой конкретной ситуации вырабатываются новые модели поведения именно для данной ситуации, отличающиеся от общепринятых⁴⁶. Например, в толпе может спонтанно возникнуть агрессия к какой-либо социальной группе и соответствующая ей норма насилия, которая сразу же может найти себе применение, включая сопротивление представителям власти, которые решат вмешаться.

Нил Смелзер на основе системного подхода для рассмотрения протестного движения и его причин (народное недовольство) разработал модель прирастающей ценности. В этой модели коллективное действие связывается с недовольством социальной системой, которая перестает выполнять свои функции. В ней наличествуют следующие элементы:

- структурные факторы (конфликтная ситуация и условия ее развития, например, число людей, имеющих опыт участия в протестных движениях, число социально неблагополучных участников, наличие свободного времени у протестующих и так далее);
- структурная напряженность (характер протекания конфликта, а также содержание претензий протестующих);
- усиление и распространение обобщенного верования (наличие общей оценки ситуации участниками конфликта);
- активизирующие факторы (те моменты, например, слухи, которые

⁴⁵ Rosenzweig S. Converging approaches to personality: Murray, Allport, Lewin // Psychological Review. 1944. Vol. 51(4). 248-256.

⁴⁶ Turner R. Collective behavior. Prentice-hall. New Jersey, 1987. Pp. 35-50.

способствуют перехода конфликта из скрытой фазы в открытую);

- мобилизация к действиям;
- общественный контроль (отражает реакцию граждан на действия или бездействие носителей власти)⁴⁷.

Еще одна категория, с помощью которой можно анализировать политический протест, – это политическое участие. С одной стороны, она является менее общей, чем политическое поведение, так как последнее соединяет в себе и участие, и неучастие в ответ на любые политические события. С другой стороны, политическое участие – это базовая научная категория для анализа политического протеста, так как она означает индивидуальные или групповые действия, цель которых – оказать влияние на структуры власти любого уровня. По определению Бенджамина Гинзберга, Теодора Лоуи, Маргарет Уэйр, «политическое участие – это различные формы политической деятельности, такие как голосование, назначение политиков на должность, работа добровольцев в избирательной кампании или участие в протесте... все те формы активности, целью которых является воздействие на правительство»⁴⁸.

Исследователи выделяют три основных типа политического участия:

- несвободное и неосознанное (например, принудительное; пароксизмальное в терминах Габриэля Алмонда и Сидня Вербы);
- сознательное, но несвободное (осмысленное следование заданному извне порядку; подданническое в терминах Габриэля Алмонда и Сидня Вербы);
- сознательное и свободное (основанное на самостоятельном выборе; гражданское в терминах Габриэля Алмонда и Сидня Вербы).

Рассмотрение политического участия целесообразно проводить по следующим критериям:

- легитимность/нелегитимность (наличие или отсутствие согласования с властями, нормативных правовых оснований и т.п.);

⁴⁷ Smelser N. Theory of collective behavior. Free Press, 1962. P. 43.

⁴⁸ Ginsberg B., Lowi T., Weir M. We the People: An Introduction to American Politics. W. W. Norton & Company, 2012. P. 60.

- институционализированность/неинституционализированность (добровольное участие в деятельности зарегистрированных политических организаций, массовые стихийные волнения и так далее);

- масштаб (местный, региональный, общегосударственный).

В целом политическое участие предполагает или явное добровольное и действительное выражение в виде какого-либо политического акта с наличием какой-либо альтернативы, реального выбора, или принудительное выражение подданнической ориентации.

В политической науке сформулировано несколько моделей политического участия. В основе аналитической схемы Сиднея Вербы и Нормана Ная лежат факторы, отражающие социально-демографические характеристики действующих лиц в политике (пол, возраст, образование, социальный статус, место проживания и т.д.)⁴⁹. Здесь прослежена и обоснована зависимость между политической активностью и социально-демографическими характеристиками. Так, было установлено, что люди со средним и выше образованием, относительно высоким уровнем дохода, старше 30 лет участвуют в политике заметно больше, нежели такие группы, как молодежь, малообразованные и/или безработные молодежь.

В разработку данной модели внес заметный вклад Арендт Лейпхарт, который показал, что люди со схожим социальным статусом будут объединяться в группы, которые затем будут определять политические установки и предпочтения, политическое поведение их членов⁵⁰.

Сеймур Липсет обратил внимание на то, что динамичный экономический рост в развитых демократических системах Запада позволяет сглаживать социальное неравенство и способствует росту демократически ориентированного политического участия⁵¹.

Иные политические системы, в том числе авторитарные, стараясь

⁴⁹ Verba S., Nie N. Participation in America: Political Democracy and Social Equality. NY., 1972. P. 336.

⁵⁰ Leijphart A. Language, Religion, Class and Party Choice // Electoral Participation. A comparative analysis. L., 1988. P. 283 – 327

⁵¹ См.: Липсет С. М. Политический человек: социальные основания политики. М: Мысль, 2016. 611 с.

сохранить стабильность и власть, не имея возможностей (часто желания и мотивации) эффективно решать экономические проблемы, прибегают к популизму, самостоятельно перераспределяют социальные блага путем прямого вмешательства для скорейшего успокоения и недовольных, и лояльных, что не только не способствует разрешению трудностей, но в долгосрочной перспективе усугубляет их, а также подрывает классическую схему политического участия, приводит к политическому кризису. В итоге система становится неустойчивой, число социальных проблем увеличивается, общественное недовольство растет.

В центре внимания другой модели политического участия – когнитивной – находится внутренний мир индивидов, их знания (информация) и личные представления о действительности в целом и, в частности, о политической сфере. Такие ментальные конструкции становятся средствами, с помощью которых люди или отгораживаются от воздействий окружающей среды, или, напротив, выстраивают свою деятельность для эффективного достижения какой-либо цели в политике. Как отмечает Данило Дзоло, акторы, имеющие в наличии ресурсы, могут более результативно осознавать информацию (углубленно, всесторонне), распоряжаться имеющейся у них информацией, в отличие от тех, кто не обладает возможностью (достаточным уровнем компетентности, доступом к процессу принятия решений, влиянием на политический протест) извлечь подобную выгоду. Такая ситуация повреждает, искажает, нивелирует мотивацию политического участия, служит причиной конформизма⁵².

Третья из наиболее известных классических моделей политического участия – это ценностная, разрабатываемая, например, Рональдом Инглхартом применительно к тенденциям постиндустриализма⁵³. Здесь рассматриваются политические ценности как совокупность идей и целей, которые влияют на вовлеченность граждан в политический протест. С точки зрения сторонников данной модели, политические ценности, выражающие политическое

⁵² Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М., 2010. С. 293.

⁵³ Инглхарт Р. Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М., 2010. С. 170 – 172.

целеполагание, служат координатами, в которых функционирует политическая система, осуществляются политические отношения и связи, действуют политические акторы. Именно политические ценности являются источником побуждения к политическим действиям (например, к революции может вдохновить идеал всеобщего равенства) или, напротив, могут останавливать их (от революции может уберечь консервативный настрой большинства). В случае отсутствия, размытости, заведомой недостижимости политических ценностей граждане остаются политически безучастными и пассивными, чем широко пользуются авторитарные системы.

Дополнительный свет на проблему политического участия проливает концепт депривации, позволяющий понять, как социопсихологическое самочувствие детерминирует различные формы политической активности: например, как неудовлетворенность и фрустрация становятся причиной нарастания протестных движений⁵⁴.

Обсуждение проблемы политического участия в странах СНГ должно учитывать фактор социальной травмы, понятие о которой разработал Петр Штомпка применительно к сообществам, которые вышли из коммунистической формации. Речь идет о деструктивном воздействии «специфических форм прошлого социального изменения»⁵⁵. Иными словами, для понимания анализа характера и направленности социально-политических трансформаций следует учитывать обусловленность текущего состояния общества предшествующими событиями, которые детерминировали возможные изменения в будущем, а также необходимо рассматривать рассматривать негативное воздействие прошлого (в основном, тормозящего, парализующего) на будущую социально-политическую динамику.

Если обобщить, то политическое участие, которое осуществляется в нормальном режиме, – это электоральное поведение, которое весьма подробно и обстоятельно изучено в т.ч. в рамках концепций рационального выбора,

⁵⁴ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-пресс, 1996. 414 с.

⁵⁵ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.

ретроспективного голосования (Морис Фиорина), потребительского голосования (Хильда Химмельвейт). В кризисных случаях политическое участие – это политический протест.

Кризис политического участия происходит в ситуации, когда политическая система, институциональные условия, находящиеся у власти группы не способны правильно понять и эффективно интегрировать политические требования общественности, не способны дать адекватный ответ и действенные решения на запросы со стороны общественных сил.

Майрон Вайнер связывает нарастание кризиса политического участия со вступлением в эпоху Модерна, в котором люди стали более активно объединяться на добровольной основе, создавать группы интересов, партии, иные организации для оказания влияния на правительство на местном и национальном уровне⁵⁶.

Кризис политического участия усугубляется спецификой авторитарных систем, правящие группы которых относятся к закрытому типу и воспроизводят сами себя, в отличие от элит демократических режимов, открытых для новых членов, в том числе с более низким социальным статусом.

Доминирование демократически ориентированной элиты основано на компетентности, достижениях в деле общественного развития, личных и профессиональных качествах. Напротив, правящий класс авторитарных систем, как выразился бы Гаэтано Моска «принимает решения, осуществляет власть, принуждает и надзирает»⁵⁷ исключительно в соответствии со своими интересами, не будучи ответственен ни перед кем и ни перед чем; главные принципы властвования здесь – абсолютная лояльность и полное подчинение. В демократических системах должностные лица получают власть в ходе электоральных процедур, в которых участвует большинство взрослого населения (согласно краткому определению демократии Сэмюэля

⁵⁶ Weiner M. Political Participation: Crisis of the Political Process // Crises and Sequences of Political Development; Binder L. et al. (eds). Princeton 1971. Pp. 159-204.

⁵⁷ Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187-198.

Хантингтона⁵⁸) и могут быть отстранены этими же избирателями в случае нарушения закона, пренебрежения общественными интересами, утраты доверия. Напротив, правящий класс авторитарных систем использует выборы лишь как фасад, за которым скрывается лишь кооптация – введение во власть лиц только по собственному решению, которое принимается, как правило, единоличным правителем (или его приближенным и доверенным лицом).

Гаэтано Моска для более глубокой характеристики правящего класса ввел понятия «морального чувства» и «юридической защиты». Моральное чувство означает «естественное сострадание» к окружающим, в особенности к тем, кто ущемлен, оно ограничивает произвол и препятствует эгоистическим устремлениям власть держащих. С этической точки зрения тот политический режим более хорош, в котором сильнее развито моральное чувство. Юридическая защита представляет собой социальные и конституционно-правовые механизмы, обеспечивающие сохранность и способы реального выражения морального чувства.

В большинстве случаев кризис политического участия возникает, когда правящий класс не отвечает на требования общественности и не устанавливает диалог с теми, кто стремится вовлечься в политический процесс. Причинами этой ситуации, в основном, могут быть:

- уверенность правящей группы в том, что только она легитимна и способна осуществлять власть в данной системе, остальные не имеют ни прав на это, ни возможностей;
- непризнание правящей группой статуса тех, кто выдвигает требования и пытается оказать влияние на процесс принятия решений;
- неприятие правящей группой содержания требований оппонентов.

Кризис политического участия, как правило, можно разрешить или в ходе институциональной адаптации или авторитарным давлением. В первом случае делаются какие-то изменения институционального дизайна (расширение

⁵⁸ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 16.

перечня прав и свобод, запрет чего-то нелицеприятного и так далее), способствующие включению требований оппонентов в повестку дня. Во втором случае система вводит запреты и репрессивные меры или делает видимость положительных изменений. Например, в авторитарных системах могут создаваться имитационные институты, принудительные формы политического участия. Так, Майрон Вайнер указывает, что в ряде случаев правящий класс инициирует управляемое участие для укрепления национальной идентичности, увеличения «экстрактивных возможностей государства» (тех, что позволяют эксплуатировать население), демонстрации национального единства перед международными акторами, для создания образа легитимности власти и т.д.⁵⁹

В целом кризис политического участия связывается с постиндустриальными тенденциями, наметившимися с 1970 г. Именно они заметно изменили общественное сознание, сократили социальный капитал, обусловили нарастание политической пассивности и стали причиной упадка либеральной демократии на Западе. Одними из первых на это обратили внимание Джорджи Ватануки, Майкл Крозье и Сэмюэль Хантингтон, которые заявили о парадоксальном ослаблении либеральной демократии в период, казалось бы, ее триумфа и повсеместной поддержке ее идей, которые победоносно шествуют по всему миру⁶⁰. В начале 2000-х гг. Роберт Патнэм и Кристин Госс продолжили эту тему и отметили, «что некоторые фундаментальные предпосылки эффективной демократии за последние десятилетия размываются в результате постепенного, но масштабного ослабления гражданской активности»⁶¹.

Рональд Инглхарт и Кристиан Вельцель, напротив, настроены более оптимистично, не считают, что политическое участие испытывает трудности, но полагают, что имеет место трансформация ее привычных форм. Здесь, по мнению авторов, можно выделить две тенденции: «С одной стороны,

⁵⁹ Weiner M. Political Participation: Crisis of the Political Process // Crises and Sequences of Political Development; Binder L. et al. (eds). Princeton 1971. Pp. 159-204.

⁶⁰ См.: Crozier M., S. H. Huntington, J. Watanuki. The Crisis of Democracy. N. Y., 1975. 221 p.

⁶¹ Putnam R. D., Goss K. A. Introduction // Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society. Oxford, 2002. P. 4.

забюрократизированные и управляемые элитами формы участия народа в политическом процессе, такие как голосование и членство в партиях, действительно переживают упадок. С другой стороны, резко расширился масштаб движимых внутренней мотивацией, экспрессивных и противозэлитных форм такого участия»⁶². Авторы на основе эмпирических данных доказывают, что граждане стран, приближающихся к постиндустриальной формации, нисколько не снижают степень своего политического участия. Наоборот, наблюдается «расширение масштабов противозэлитных действий»⁶³.

Ульрих Бек также указывает на преобразования в сфере политического участия, порожденные социально-экономическим развитием. Основной причиной здесь он называет растущую диверсификацию межличностных отношений, которая разрывает основанные на принуждении и необходимости традиционные связи и открывает возможности для свободного выбора новых социальных ролей и создания новых социальных связей, основанных на взаимных интересах⁶⁴.

К схожему выводу приходит Рассел Далтон, подтверждающий снижение именно традиционного политического участия, а именно – касающегося членства в иерархических политических организациях, доверия к органам государственной власти, повышения критического отношения к структурам власти, что отражается, в частности, на явке на выборах⁶⁵.

Таким образом, многие авторы заметили происходящую трансформацию политического участия и дали ей свои объяснения. Если придерживаться оптимистической трактовки, то можно сделать вывод, что политическое участие само по себе не находится под угрозой. Действительно, все меньше граждан обращаются с письмами к депутатам и готовы стать дисциплинированными членами массовых и кадровых партий и голосовать по призыву их вождей.

⁶² Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М., 2011. С. 175.

⁶³ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М., 2011. С. 177.

⁶⁴ Beck U. Losing the Traditional: Individualization and “Precarious Freedoms” // Individualization. London, 2002. P. 1–21.

⁶⁵ Dalton R. J. Value Change and Democracy // Disaffected Democracies: What’s Troubling the Trilateral Countries? Princeton, 2000. P. 252-269.

Однако растет число тех, кто выражает требования в виде гражданских бойкотов, кто подписывает петиции в Интернете, кто проводит одиночные пикеты, участвует во флешмобах, в обсуждениях проблем в социальных сетях Интернета и т.д.

Сэмюэль Барнс, Макс Каазе и их соавторы, которые исследуют новые формы политического участия, протестной активности в том числе, назвали их неортодоксальными и считают их «устойчивой характеристикой общественности демократических стран»⁶⁶.

Аналитическое рассмотрение феноменов политического поведения и политического участия позволяет дать фундированный анализ природе, особенностям и факторам современного политического протеста.

Одно из наиболее влиятельных теоретических объяснений политического протеста сформулировал Карл Маркс. В его представлении политический протест – это классовая борьба эксплуатируемых наемных работников, отчужденных от результатов собственного труда (пролетариат, прежде всего) против несправедливого порядка с теми, от кого они зависят, кто контролирует капитал и средства производства (буржуазия). Для разрушения порочной капиталистической системы и восстановления справедливых общественных отношений необходимы насильственные действия – восстание всех угнетенных и совершение революции при помощи компетентной, организующей, защищающей интересы трудящихся силы – коммунистической партии, что и провозглашается в «Манифесте коммунистической партии»⁶⁷.

Справедливости ради надо отметить, что после анализа восстаний в Италии, Германии, Франции в 1849 г. Карл Маркс отошел от идеи о том, что исключительно революция является единственным способом положительных изменений, и допустил возможность мирного борьбы за права пролетариата.

⁶⁶ Barnes S. H., Kaase M. et al. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, 1979. P. 524.

⁶⁷ См.: Маркс К. Манифест коммунистической партии // Сочинения. Т. 4 / К. Маркс, Ф. Энгельс. М. : Госполитиздат, 1955. 615 с.

В широком смысле политический протест можно вслед за Э. Хоффером рассматривать с точки зрения мотивации участников посредством феномена «массового движения» как силу (разрушительную или созидательную), которая питается недовольством существующим состоянием общественных и государственных дел и начинает политические изменения. По мнению Эрика Хоффера, «все формы приобщения к массовому движению: посвящение, преданность, верность, самоотверженность, по сути дела, – отчаянное цепляние за то, что может придать цену и значение нашей опустошенной и обанкротившейся жизни»⁶⁸. Массовое протестное движение помогает человеку найти свое место в жизни и стать частью единой коллективной машины, устремленной к высоким целям перемен. Здесь Эрик Хоффер сходится с идеями Ханны Арентс, которая очень обстоятельно исследовала феномен массы и массовых движений как прибежища потерянных людей, утративших социальные статус и связи⁶⁹.

Хотя массовые движения приходят и уходят, однако, остается их социальная база – люди с определенным социопсихологическим типом с признаками пассионарности, как выразился бы Лев Гумилев. Поэтому общественные и политические изменения могут породить агрессивный национализм, а затем и воинствующий религиозный фундаментализм. Питательной средой для массовых движений служат социально-политические противоречия, в т.ч. наличие оппонентов. Последние часто создаются искусственно, как «образ врага» (по Карлу Шмитту), с целью укрепления единства массового движения.

Примечательно, что люди ощущают неудовлетворенность состоянием дел в обществе и государстве тем сильнее, чем более они добились уже для их улучшения. Те, кто ранее не достиг каких-либо результатов, обычно не хотят

⁶⁸ Хоффер Э. Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения. М.: Альпина Нон-фикшн, 2017. С. 124.

⁶⁹ См.: Арентс Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.

чего-то большего и не подвержены сильному недовольству происходящими политическими событиями.

Для воодушевления сторонников прибегают к воспеванию подвигов прошлого (часто сконструированных, искусственно созданных), к лозунгам о прекрасном будущем, столь отличном от мрачного и безнадежного настоящего: «Вера в будущее куда важнее, чем обладание инструментами власти... Человек с надеждой может получить силу из самых невероятных источников»⁷⁰.

Также наблюдается взаимовлияние оппонирующих сил друг на друга, выражающееся в скрытом восхищении противником и вытекающем из этого стремлении (бессознательном) подражать ему.

Эрик Хоффер выделяет несколько этапов в жизненном цикле массового движения. Возникновение массового движения в связи с активизацией оппозиционной интеллигенции – «людей слова», которые показывают промахи действующей власти, разъясняют людям значение происходящего, своей критикой обнажают все нелицеприятные черты системы и предлагают идеи для изменений, которые становящиеся основой новой идеологии. На второй фазе эти идеи подхватывают обладающей необходимой политической волей и сознанием своей правоты харизматические лидеры фанатического типа, которые используют их для создания группы единомышленников и начинают совместную борьбу с существующим порядком. Созданные таким образом массовые движения одерживают верх над системой. На этом роль «фанатика» завершается, в т.ч. и потому, что он становится опасен для массового движения. Далее, на третьей фазе, на передний план выдвигается «человек действия», который завершает начатое, устраивает новый порядок и управляет им.

Американский исследователь Джеймс Дэвис предложил собственное теоретическое разъяснение причин протестного политического поведения. Он заметил, что радикальные политические изменения очень часто происходят после экономической стагнации (которая сменила период длительного

⁷⁰ Хоффер Э. Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения. М.: Альпина Нон-фикшн, 2017. С. 124.

экономического роста). Причиной здесь является сильный разрыв между ожиданиями граждан, привыкших к высокому уровню достатка, и ухудшающейся обстановкой. Растет массовая фрустрация, ширится общественное недовольство, что находит выражение в увеличивающейся агрессии в политической сфере. Последнюю выражают, в основном, представители среднего класса, так как полностью занятые проблемами простейшего жизнеобеспечения бедные не имеют времени на участие в массовых акциях, а богатые в силу своего положения имеют возможность решать вопросы иными способами, без вовлечения в массовые протесты. Именно поэтому люди со средним достатком, которые имеют время и которым есть, что терять (экономическая и психологическая мотивация), составляют основную социальную базу политического протеста, оппозирующего властям, не справляющимся с решением текущих проблем.

Конечно, в изложенной схеме есть недочеты, на которые уже указывали критики, однако, в целом она служит вполне релевантным объяснением ряда аспектов протестных движений.

Смежную объяснительную модель разработал Тед Гарр. В ее центре находится концепт «относительной депривации» (человеческого состояния, вызванного лишением каких-либо материальных благ). Идея ее состоит в том, что недовольство населения относительно. Оно возникает в том случае, когда люди начинают думать (внушают себе), что достойны лучшего, однако, не имеют возможности достичь этого⁷¹. Интересно, что в действительности они могут быть довольно успешны, находится на относительно высокой ступени социальной лестницы, обладать вполне солидным доходом и статусом. Вместе с тем, сравнивая себя с более богатыми, исходя из субъективных представлений о справедливости, эти люди могут путем самовнушения впасть во фрустрацию. Распространение такой фрустрации в обществе может привести к росту массового недовольства, к агрессивному поведению, возникновению

⁷¹ Гарр Р. Т. Почему люди бунтуют. СПб., 2005. С. 61.

социальных протестов и волнений. Относительная депривация подразделяется на два вида:

- убывающую (сокращение возможностей при сохранении ожиданий на прежнем уровне);
- устремленную (сохранение возможностей на прежнем уровне при нарастании ожиданий).

Иной теоретический подход сформулировал Питирим Сорокин, который сам имел личный опыт участия в революции. Исследователь исходит из того, что политическое протестное поведение относится к сфере безусловного (бессознательного)⁷². Человек от рождения следует как созидательным, так и разрушительным инстинктам, безусловным инстинктам (пища, самосохранение, кров, самовыражение, собственность, борьба, секс и др.). Социальные институты и общественные нормы издавна служат ограничителями низменных страстей людей, обеспечивают порядок, охраняют мир от хаоса. Однако характерной приметой современности стала трансформация поведения людей, обусловленными масштабными изменениями социальных норм. Сегодня люди перестают покорно следовать воле властей, все меньше боятся угрозы наказания и разобщенности⁷³. В случае возникновения серьезного препятствия для удовлетворения безусловных инстинктов, их необоснованного ущемления индивид меняет поведение, отходит от социальной нормы, переступает через правила, даже совершает преступление.

Исследователь выделяет следующие факторы негативного изменения (деформации) поведения в обществе:

- речевой (выражение мотивации жестокости);
- повиновения и властвования;
- трудовой (нарастание паразитических настроений и лени);
- собственнический (пренебрежение чужим правом частной собственности);

⁷² См.: Сорокин П. А. Социология революции. РОССПЭН, 2005. 704 с.

⁷³ Сорокин П. А. Социология революции. М., 2005. С. 49.

- половой (изменение норм семейного права, рост половой свободы),
- религиозный и морально-этический (деморализация).

Ущемление каких-либо безусловных инстинктов влечет за собой «массовую дезорганизацию поведения, массовый взрыв и социальное землетрясение, носящее название бунта, мятежа, смуты, революции»⁷⁴. Хотя это ущемление всегда относительное, однако, власть не в состоянии противостоять протесту, возникающему вследствие этого ущемления. Вследствие подрыва традиционных социальных норм и массового (относительного) ущемления безусловных инстинктов среди людей нарастает деструктивный настрой, способствующий их объединению в агрессивную толпу. Поэтому современности свойственны социальные потрясения и массовые волнения, перерастающие в революции, которые еще более заметно меняют не только социальные отношения, но и демографические характеристики населения.

Концепт деформации поведения в обществе Питирим Сорокин используют для определения причин возникновения и протекания революции. Так, выделяется две стадии:

- революционная мутация (ослабление социальных институтов и норм, сдерживающих деструктивное проявление безусловных инстинктов, массовый отход от привычной модели поведения, нарастание борьбы как новой формы выражения деструктивных безусловных инстинктов, появление новых институтов для осуществления этой борьбы – революционных движений, партий, советов и др.);

- истощение революционной энергии (массовый возврат к нормативному поведению, который обеспечивается, прежде всего, жесткими мерами принуждения, воздействующими на такие безусловные инстинкты, как страх, самосохранение)⁷⁵.

На подготовительном этапе и в самом ходе революции особая роль отводится структурам власти и поддерживающим ее силам – «группам порядка».

⁷⁴ Сорокин П. А. Социология революции. М., 2005. С. 54-59.

⁷⁵ Сорокин П. А. Социология революции. М., 2005. С. 54-59.

Именно от их действия в политическом протесте зависит, какой оборот примут происходящие события. Здесь у правящего класса имеются следующие возможности:

- устранить причину ущемления безусловных инстинктов;
- подавить недовольных;
- расколоть протестное движение и сыграть на противоречиях;
- обеспечить возможность для реализации тех безусловных инстинктов, которые не ущемлены⁷⁶.

В случае некомпетентности власти, не справляющейся с возникающим и нарастающим массовым протестом, не умеющей верно воздействовать на безусловные инстинкты, революция становится неизбежной. Так же неизбежно структуры власти слабеют и теряют влияние одна за другой.

В целом Питирим Сорокин негативно оценивает революции и считает, что они уничтожают лучшую часть населения, в итоге приводят к ухудшению жизни общества⁷⁷.

В отличие от тех, кто рассматривает революции как отклонение от нормы, Роберт Мертон полагает, что при определенных обстоятельствах нарушение «социального кодекса» не только допустимо, но даже необходимо⁷⁸. Речь идет о том, что в случаях разрастания коррупции, увеличении числа преступлений, расширении обмана, когда реальность значительно отличается от того, что декларируется структурами власти, общественность может отказаться от повиновения этой власти. Именно в этом случае политический протест и даже мятеж воспринимается как нормальная реакция граждан. Особенно если у граждан нет иных допустимых институциональных способов эффективного решения обострившихся проблем. Таким образом, при отсутствии результативных законных инструментов влияния на процесс принятия решений и на структуры власти общество имеет право для радикального выступления в

⁷⁶ Сорокин П. А. Социология революции. М., 2005. С. 394.

⁷⁷ Сорокин П. А. Социология революции. М., 2005. С. 394.

⁷⁸ Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966. С. 299-313.

защиту своих законных интересов, невзирая на средства достижения. Право народа на восстание против незаконно действующей власти, обосновывал многие, в том числе Платон, Джон Локк и др.

Толкотт Парсонс переводит фокус с психологических и социально-экономических факторов на тему эволюционного социального развития и общественного прогресса и воспринимает политический протест как элемент естественного движения общества к демократической форме правления⁷⁹. Здесь он ссылается на опыт Великой французской революции, в которой было впервые так наиболее зримо и масштабно выражено недовольство общества отсутствием гражданской свободы, сословным строем, деспотизмом и тиранией.

Чарльз Тилли обращает внимание на то, что налоги и другие обременения, которые государство накладывает на граждан, неизбежно вызывает недовольство последних. При нарастании таких обязательств население выражает недовольство, начинает скрыто уклоняться от их исполнения или даже открыто бойкотировать и саботировать. Если это сопровождается вторжением государства в повседневную жизнь рядовых граждан, закономерно и неизбежно общественность начинает высказывать возмущение и прибегать к коллективным протестным действиям⁸⁰. Успех политического протеста возможен при выполнении следующих четырех условий⁸¹:

1. Требования действующей власти подрывают основы коллективной идентичности, нарушают права больших групп, или оскорбляют общественность;
2. Наличие устойчивых социальных связей между людьми, чьи интересы, права, чувства затронуты действиями власти;
3. Недовольные действиями власти имеют поддержку влиятельных сил как внутри государства, так и за его пределами;

⁷⁹ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. С. 108-109.

⁸⁰ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009. С.153.

⁸¹ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009. С.153.

4. Действия или бездействия власти демонстрируют ее некомпетентность и слабость.

При масштабном политическом протесте на Западе власть, как правило, пытается договориться с лидерами несогласных или, при их отсутствии, напрямую обращается к массам. Для стабилизации обстановки чаще всего делаются заметные уступки, даются новые права и свободы. Именно по этой схеме широко интерпретируемого политического протеста, как считает американский политолог, возникло современное право и гражданское общество. В ходе осуществления этой схемы согласовываются интересы правящего класса и других групп общественности.

Ален Турен предлагает классификацию протестных движений, созданную на основании характера требований и специфики поведения тех, кто недоволен действиями власти.

Первый тип – это коллективное действие как реакция общественности на какие-либо нарушения в социально-политической системе, направленная на предотвращение угроз своей безопасности, не притязающая на полноценное переустройство или глубокие изменения, нацеленное на исправление какой-либо дисфункции или деформации.

Второй тип – это борьба, выражающаяся в акциях граждан аналогично предыдущему типу, не ставящая задачей сломать действующую систему власти, однако, ориентированная на внесение корректив в процесс и механизмы принятия политико-государственных решений. Причем в последнее время наблюдается тенденция преобладания локальных и частных форм борьбы над глобальными и общенациональными.

Третий тип – это общественное движение или наступление больших групп населения единым фронтом на структуры власти, открытое конфликтное противостояние с политико-государственной системой под лозунгами коренных реформ, революционных преобразований. В рамках общественных движения выделяются три вида протестующих в зависимости от их политического поведения: недовольный, обороняющиеся и наступающие. Последние

последовательно выступают резко против власти и любой ее позиции, отличаются наибольшей влиятельностью, способностью и навыками достижения поставленной цели⁸².

Французский исследователь показал различия между протестом против государства и протестом против правящего класса. Первые происходят крайне редко, вторые, участники которых выступают против групп, захвативших управление в государстве, наоборот, наблюдается очень часто⁸³.

Масштабное сравнительное исследование наиболее крупных протестных движений в мировой политической истории провела Теда Скочпол, которая на основе положений концепции депривации, марксистской теории, тезисов о прирастающей ценности проанализировала события Французской революции, Октябрьской революции в России и революции в Китае.

После обобщения данных, американский политолог выделила внутренние и внешние причины, которые привели к этим революциям:

- внутренние: общественный потрясения, ослабление системы государственного управления, раскол элит, экономический упадок и др.
- внешние: вмешательство иностранных государств, участие в войне с зарубежными странами и другое.

Американская исследовательница полагает, что во всех трех революциях решающим фактором стал конфликт между классами землевладельцев и крестьян, которые вызвали недовольство последних. Поэтому в фокусе рассмотрения находятся структурные противоречия и классовая борьба как причины недовольства и протестной мобилизации. Последняя нарастает с числом трудностей, с которыми не может справиться система власти, по этой причине теряющая легитимность. Действия оппозиции и революционных организаций, нацеленные на революционные изменения, не имеют определяющего значения для политического изменения. Их значение состоит в том, чтобы окончательно разрушить прежнюю политическую систему в ходе

⁸² Туррен А. Возвращение человека действующего : Очерк социологии. М., 1998. С. 56-58, 70.

⁸³ Туррен А. Возвращение человека действующего : Очерк социологии. М., 1998. С. 70.

революции, начавшейся вследствие неразрешимых противоречий, нерешенных проблем, внутренних и внешних причин, перечисленных выше.

Были выделены последовательные положения и закономерности, которые являются общими для основных теоретических подходов к политическому протесту, обусловленному общественными трансформациями, а именно:

- возникают новые социальные группы, права и интересы которых не соблюдаются, в связи чем появляется новый потенциал протестной активности и мобилизации;
- формируется влиятельная оппозиционная организация, имеющая намерение и способности противостоять системе власти;
- оппозиция начинает борьбу с правительством, которая при благоприятных условиях перерастает в революции, затем устанавливается новый политический режим.

Хосет Ортега-и-Гассет сфокусировал внимание на объяснении насилия, которое совершается массами, восставшими по политическим мотивам. Он исходит из того, что широкое распространение ориентации на равенство прав и свобод для всех и повсеместная борьба за эти права и свободы, ведущаяся с XIX веке стали почвой для появления «массового человека». Таковой представляет собой заурядность, однако, будучи под защитой общественного мнения, утверждающего равенство, использует свое право голоса и возможность артикулировать свое мнение, продвигает это мнение в обществе и приобретает сторонников. В этой ситуации «свобода мнений», к которой стремились как к общему благу, не привела к открытости и расширению сознания, но стала причиной «закупорки заурядных душ и породила то возмущение масс, которое становится серьезной проблемой для человечества»⁸⁴. Дело в том, что в современных массах нет устремленности к диалогу и сотрудничеству, нет установки на логическое и разумное обоснование своей позиции. Напротив, господствует желание навязать собственное мнение и

⁸⁴ См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. С. 20.

волю окружающим. Для того чтобы доказать свою правоту массы, не способные к конструктивной коммуникации с государственной властью, используют самый простой и доступный для них способ – прибегают к прямому действию – к насилию, восстанию, революции. Это поведение стало правилом.

Шмуэль Эйзенштадт разделил понятия мятежа, восстания и революции, назвал пять основных признаков идеальной революции:

- уничтожение существующего режима насильственным путем;
насильственная ротация элит;
- отказ от накопленного ранее управленческого опыта;
- глубокие изменения в социально-экономической сфере жизни общества;
- вера революционеров в идейное и морально-этическое обновление общества после падения «старого» режима⁸⁵.

Большое внимание рассмотрению проблем и способов организации политического протеста в авторитарных системах уделил Джин Шарп. Его труд можно рассматривать как пошаговую инструкцию по самостоятельной организации политического протеста рядовыми гражданами, не имеющими соответствующего опыта. Всего было отмечено 198 мирных способов выражения несогласия с действующей властью⁸⁶.

Как справедливо отмечает специалист, в авторитарных системах, в которых права и свободы граждан серьезно ограничены и ущемлены, применение самого жестокого насилия к протестующим со стороны специальных подразделений является обычной практикой, только мирное заявление граждан о своих интересах и ненасильственное сопротивление бюрократическому и полицейскому произволу оказывается наиболее безопасным и эффективным средством. При этом подчеркивается, что залогом успеха является именно системное сочетание и последовательная реализация как можно большего количества методов – с постепенным нарастанием и

⁸⁵ См.: Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. 416 с.

⁸⁶ Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М., 2012. С. 35.

расширением от разовых и немногочисленных символических акций, в том числе виртуальных (в которых нет признаков открытого противостояния со структурами власти), до крупных массовых событий в масштабах всей страны. Иными словами, необходима хорошо спланированная долгосрочная стратегия, подкрепленная дисциплиной тех, кто ее претворяет в жизнь. Такой подход позволяет привлечь даже самых пассивных и запуганных граждан к борьбе за свои права и против незаконных действий власти.

Новые формы политического участия и объединений граждан в политике в последнее десятилетие заняли стали одним из важнейших предметов исследования⁸⁷. В центре особого внимания находятся такие актуальные тенденции, как:

- изменение значения отдельной личности и роли лидера;
- снижение доверия к органам государственной власти;
- нарастание неинституализированных проявлений политической активности.

Выводы об этих характеристиках протестных движений делает, в частности, Зейнап Туфекчи. Исследователь, исходя из данных, полученных в ходе изучения протестных движений в Турецкой республике, показывает, что все больше рядовых граждане готовы принять участие в коллективных действиях. Более того, все больше рядовых граждан самостоятельно ставят цели, берут на себя заботу о решении организационных трудностей и ответственность за решение поставленных задач⁸⁸. Из опросов протестующих выяснилось, что они не доверяют представителям государственной власти и не желают как-либо институционализировать свое движение (в защиту парка Таксим-Гези в Стамбуле)⁸⁹. Объяснением этому служит опасение снижения степени

⁸⁷ Патрушев С.В. Доверие, гражданское действие, политика: опыт «старых» и «новых» демократий // Россия реформирующаяся. 2008. Вып. 7. С. 518-540.

⁸⁸ Tufekci Z. The medium and the movement: Digital tools, social movement politics, and the end of the free rider problem // Policy & Internet. 2014. Vol. 6. Is. 2. Pp. 202-208.

⁸⁹ Движение набрало силу в июне 2013 под хэштегом #occupygezi, объединило более десяти тысяч участников и получило известность ввиду жестких действий полиции, которая применила водометы и слезоточивый газ для разгона протестующих. В итоге от 5 до 11 человек погибло, около 3 тысячи человек были арестованы. Парк удалось сохранить, и теперь его часто называют «кровавым». См.: Как зачищали парк Гези // Коммерсант. 2013. 16 июня.

вовлеченности в события и потери влияния на процесс принятия решений. Именно поэтому представителям органов государственной власти не дают доступ к микрофону во время многих митингов, в том числе в парке Таксим-Геги. Как известно, схожей позиции придерживаются во многих движениях типа Оссиру.

Сегодня подвергаются сомнениям считающиеся классическими положения теории коллективного действия Мансура Олсона, в которых отказ от политического участия называется проявлением рационального поведения субъекта и объясняется «проблемой безбилетника», а также постулируется «обязательность формализации объединений участников коллективного действия»⁹⁰.

Так, исследователи указывают на широкое распространение и возрастающую доступность информационно-коммуникативных средств. В ходе информатизации граждане становятся более осведомленными, они получают новые компетенции, увеличивается их знание о возможностях влияния на политику, о способах и последствиях эффективного политического участия или неучастия (тактика безбилетника). У общественности появляется понимание о том, что информационно-коммуникационные технологии позволяют снизить затраты и издержки и дает новые и более весомые преимущества от коллективных действий. Все это способствует изменению установок и логики рационально действующего индивида, и, следовательно, – способствует изменению поведения всех возможных субъектов политического участия.

Стремление к коллективным действиям базируется на природном стремлении людей к совместной деятельности для эффективного достижения общей цели. На сегодняшний день чаще всего коллективные действия осуществляются в рамках таких социальных систем, которые являются гражданскими обществами.

⁹⁰ См.: Олсон М. Логика коллективных действий. М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. 174 с.

Памела Пакстон указывает, что «одним из наиболее мощных способов воздействия рядовых граждан на поведение правящего класса (политической элиты вообще) является вдохновленное идеей свободы «давление масс» в форме массовых движений, широких общественных кампаний, масштабных акций протеста»⁹¹.

В более узком смысле политический протест означает проявление недовольства и агрессии в политической сфере в результате ухудшения социально-экономической ситуации и появления значительного расхождения между ожиданиями и реальностью, что приводит к фрустрации⁹².

Таким образом, на основе изложенного можно сделать следующие основные выводы. В целом политический протест целесообразно рассматривать как вид политического поведения и политического участия, особенностью которого является выражение общественного недовольства деятельностью структур государственной власти, общим ходом дел, социально-экономическим состоянием и тому подобное. В связи с этим к основным факторам формирования политического протеста относятся: массовые ощущения фрустрации, несправедливости, неудовлетворенности (депривации), широко распространенные в социальных группах, недостаток или полное отсутствие возможностей у общественности влиять на принимаемые политические решения, неразвитость институтов гражданского общества, создание препятствий для гражданской активности.

Сегодня наблюдается серьезная трансформация политического протеста. На фоне заметного падения доверия к органам государственной власти снижается значение политических партий, профсоюзов и других, ставших привычными, форм политического участия. Напротив, нарастают неинституализированные проявления политической активности, повышается значения отдельной личности и роль лидера.

⁹¹ Paxton P. Social Capital and Democracy: An Interdependent Relationship // American Sociological Review. 2002. Vol. 67. P. 256

⁹² Селле П. J-кривая Дэвиса // Теория и методы в соврем. полит. науке: первая попытка теоретического синтеза. М., 2009. С. 373.

Под политическим протестом (от латинского, *protestor*-публично доказываю; возражение) в данной работе понимается вид политического поведения и политического участия, сущностью которого является выражение резкого, порой радикального, недовольства деятельностью структур государственной власти. В широком смысле речь идет о неприятии государственной политики (экономической, социальной экологической и так далее); в узком – несогласии с организацией и функционированием собственно политико-властной сферы (форма правления, государственное устройство, политический режим, права и свободы человека и так далее), деятельностью конкретных политиков или чиновников. Протесты могут быть стихийными и организованными, мирными и немирными, внутриэлитными и массовыми. Они выполняют социальные функции реагирования гражданского общества на неадекватную, с точки зрения протестующих, политику, осуществляют общественный контроль за деятельностью власти, обеспечивают обратную связь между государством и обществом.

Массовые политические протесты публичны, мотивированы, имеют активный тренд к масштабированию и высокой степени психоэмоциональной заряженности, нацелены на воздействие на власть, действия которой, по мнению протестующих, противоречат интересам определенных социальных групп, общностей или большинства общества, Вместе с тем, подталкивая власть к переменам, протестующие выражают лишь эмоциональную неудовлетворенность положением вещей, критикуют власть, не соглашаются с ее политикой, своими действиями они скорее отрицают существующие реалии, чем предлагают некую альтернативную и конкретную программу этих будущих перемен. Массовые политические протесты несут в себе существенную разрушительную составляющую, они как бы расчищают «площадку» для возможных, уже рационально просчитанных вариантов дальнейших созидательных действий государства либо оппозиционных политических акторов, ориентированных на реализацию артикулированных требований протестующих.

1.2. Факторы массовых политических протестов как предмет современного научного дискурса

Большой вклад в понимание и интерпретацию факторов массовых политических протестов внесли российские исследователи, которые работают в парадигме отмеченных в первом параграфе подходов. Так, Юрий Левада поддержал тезис Джеймса Дэвиса и Теда Гарра об относительной депривации, поясняя, что «состояние общественно значимого недовольства возникает как реакция на сравнение то ли с лучшим прошлым то ли с неосуществленным светлым будущим»⁹³.

И. А. Климов в качестве одного из главных факторов политического протеста рассматривает низкую респонсивность (восприимчивость к требованиям народа или оппозиции) власти⁹⁴. Однако практика показывает, что те системы, которые почти не восприимчивы к требованиям граждан и безответственны в отношении своего народа в целом могут функционировать неопределенно долго, пока не будут сломлены или внешними силами, или в результате заговора или мятежа.

Исследователи факторов политических протестов полагают, что кризис может разразиться «стихийно и неожиданно, под грузом неразрешенных системных противоречий и проблем»⁹⁵. В качестве причин называются противоречия в социально-экономической и управленческой сферах, а именно:

- затянувшийся экономический упадок, отсутствие результативных решений со стороны власти и действенной долгосрочной стратегии экономического развития нашего общества;

⁹³ Левада Ю. А. Сочинения: Проблема человека. М., 2011. С. 177.

⁹⁴ Климов И. А. Респонсивность власти как баланс суверенитета и социальной поддержки // Социолог. журн. 2006. № 3/4. С. 69-88.

⁹⁵ Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. М., 2012. С. 8.

- недовольство среднего класса фактическим отстранением от эффективного политического участия, невозможностью оказать какое-либо влияние на органы государственной власти;
- изолированность политических партий от граждан, их дисфункция в отношении подлинного представительства народных интересов;
- радикальное снижение общественного доверия к власти и падение легитимности власти;
- массовое недовольство систематической фальсификацией результатов выборов;
- усталость общества от несменяемого высшего руководства страны⁹⁶.

Ясно, что наиболее важными являются социально-экономические и социально-психологические факторы. Вместе с тем вряд ли верно было бы ограничиваться ими, как это делают те авторы, которые полагают, что структурные проблемы инициируют протесты⁹⁷. Иллюстрацией здесь является вся современная политическая история стран северной части Центральной Азии, где экономика, общественная жизнь и система управления находились долгое время в длительном застое, но протестная активность в большинстве стран относительно невелика, почти мизерна. Видимо, для активизации протеста необходимы и важны какие-то дополнительные движущие силы.

Так, А. В. Кинсбургский и М. Н. Топалов полагают, что само по себе массовое недовольство, сколь бы велико оно не было, не может самопроизвольно преобразиться в масштабный политический протест. По их мнению, для этого необходим еще один фактор, а именно – слабость власти или раскол в правящем классе, о котором стало широко известно, в том числе при помощи СМИ. Только

⁹⁶ Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. М., 2012. С. 5-7; Бызов Л. Г. Политические цвета новорусского протеста // Мониторинг обществен. мнения: эконом. и социальные перемены. 2012. № 1. С. 29-30; Левашов В. К. Гражданское общество: протест или консенсус? // Мониторинг обществен. мнения: эконом. и социальные перемены. 2012. № 1. С. 77-78; Римский В. Л. Причины и мотивы протестных акций в России 2011–2012 гг. // Мониторинг обществен. мнения: эконом. и социальные перемены. 2012. № 1. С. 110-113.

⁹⁷ Мамонов М. В. Возможности применения депривационного подхода при изучении протестных настроений // Мониторинг обществен. мнения: эконом. и социальные перемены. 2010. № 6. С. 49-54.

при сочетании этих факторов социальное недовольство имеет шансы перерасти в политический протест, который может рассчитывать на успех⁹⁸.

Довольно много отечественных авторов исследовали политический протест как так называемую «цветную революцию». Например, В. Н. Пугачев, анализируя события на Украине в ходе «оранжевой революции», выводит универсальный алгоритм реализации «цветных революций», в котором ощущается влияние работы Джина Шарпа. В свою очередь, И. А. Савченко формулирует тезис о том, что для успешного осуществления «цветной революции» помимо сильного социального недовольства требуется наличие «инфраструктуры протеста» и, возможно, иностранное финансирование⁹⁹.

Западные исследователи идут дальше. Так, Герберт Блумер и другие выдвинули тезис о том, что ведущим фактором формирования протестных групп является то, что в таковые объединяются изначально незнакомые люди, которые впоследствии налаживают связи и действуют совместно¹⁰⁰. С другой стороны, Адриан Авени и др. считают, что к совместному выражению несогласия с властями подключается только те, кто уже знаком друг с другом, состоит в определенных социальных связях¹⁰¹. Видимо, верны обе точки зрения. На практике часто встречается подтверждение и первой, и второй позиции.

Исследователи подчеркивают большое значение фактора спонтанности и спонтанной реакции (как общей, так и индивидуальной) в ходе коллективных действий и деятельности протестных движений, что особенно значимо для автократий, в которых за организаторами и участниками протестных движений установлено наблюдение и существуют серьезные угрозы дальнейшего преследования. Одним из первых это явление проанализировал Джордж Мид, который описал следующую схему спонтанной реакции при коллективном

⁹⁸ Кинсбургский А. В., Топалов М. Н. Два условия роста массовой протестной активности // Россия реформирующаяся. М., 2002. С. 279.

⁹⁹ Савченко И. А. Политический протест в современном обществе: технологический подход // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2.

¹⁰⁰ Blumer H. Elementary collective groupings // Principles of Sociology. N.Y.: Barnes and Noble, 1946. Pp. 178–198.

¹⁰¹ Aveni A.F. The not-so-lonely crowd: Friendship groups in collective behavior // Sociometry. 1977. № 40. Pp. 96–99.

действии: импульс, восприятие, манипуляция и консумация (потребление и встраивание в модели поведения)¹⁰².

Дэвид Сноу и Дана Мосс выделили четыре основные фактора, которые наиболее вероятно порождают спонтанные действия в рамках какого-либо массового движения:

- отсутствие иерархии и организации (хотя в организованных группах также может проявиться спонтанность, но с меньшей долей вероятности);
- двусмысленность и неопределенность происходящего;
- эмоциональный накал и насыщенный контекст (острые слова и фразы, актуализация стереотипов и предрассудков, отсылка к прошлому);
- пространство (включая расположение зданий, условия жизни и так далее), в котором возникает и действует протестное движение¹⁰³.

В целом авторы сделали вывод о том, что спонтанная реакция, возникшая в указанных выше условиях при массовом социальном и политическом протесте, приводит к отходу от первоначального плана, к непредсказуемым последствиям, к проявлениям насилия. Вместе с тем, на примере событий в Каире 25 января 2011 г. показывается, что внезапность каких-либо коллективных действий может оказаться весьма кстати и способствовать очень быстрому достижению такого успеха в протесте, который возможен в результате продолжительной, целенаправленной и организованной работы.

Джованни Травальино подчеркивает, что в политический протест вовлекаются, прежде всего, инакомыслящие, желающие публично выразить свое критическое отношение к власти, свои социальное недовольство и психологические обиды, желающие снять напряжение, в том числе посредством массовых неинституализированных акций¹⁰⁴.

¹⁰² Mead G. H. *The Philosophy of the Act*. Chicago: University of Chicago Press, 1938.

¹⁰³ Snow D., Moss D. *Protest on the Fly: Toward a Theory of Spontaneity in the Dynamics of Protest and Social Movements* // *American Sociological Review*. 2014. Vol. 79. № 6. P. 1125.

¹⁰⁴ Travaglino G.A. *Social sciences and social movements: the theoretical context* // *Contemporary Social Science*. 2014. Vol. 9. № 1. Pp. 1–14.

Густав Ле Бон указывал на благоприятные возможности оставаться анонимным, что служит важной мотивацией и одной из причин участия в движении политического протеста для несвязанных между собой индивидов. При этом в массе происходит нивелирование индивидуальностей ее участников и возникновение некоей коллективной сущности. Сохранение в тайне своих личных данных обуславливает снижение степени ответственности участников политического протеста¹⁰⁵.

С таким выводом не согласен Дэвид Нейл, который полагает, что анонимность, напротив, препятствует интенсификации и расширению протеста, т.е. незнакомые люди не склонны к объединению усилий для совместного достижения цели¹⁰⁶.

Карл-Дитер Опп отмечает важную роль групповой идентичности как фактора политического протеста, ибо участие индивида в политическом протесте зависит от того, насколько высоко он оценивает шансы изменить положение своей группы и оказать реальное влияние на распределение социальных благ¹⁰⁷. Кроме того, влияние оказывает наличие у индивида соответствующих моральных обязательств и актуальное членство в каких-либо активных политических группах, поощряющих правозащитную деятельность и не склонных к слепому повиновению властям. Поэтому при возникновении опасности для группы, индивиды, у которых наиболее высока степень групповой солидарности и идентификации, будут ощущать наибольшую тревогу и недовольство проблемной ситуацией, что усилит их мотивацию и подтолкнет к действиям, направленным на исправление положения. Отсюда специалист выводит следующую закономерность: групповая идентичность и стремление сохранить группу в проблемной ситуации обуславливает участие индивидов в коллективных действиях, вместе с тем, стремление к сохранению группы и

¹⁰⁵ См.: Le Bon G. *The Crowd: A Study of the Popular Mind*. Loki's Publishing, 2016. 138 p.

¹⁰⁶ Neil D.M. A further examination of anonymity, contagion, and deindividuation in crowd and collective behavior // *Sociological Focus*. 1993. Vol. 26. № 2. Pp. 93–107.

¹⁰⁷ Opp K-D. Collective identity, rationality and collective political action // *Rationality and Society*. 2012. Vol. 24. № 1. Pp. 73-105.

руководство групповыми интересами детерминирует поиск бесконфликтных стратегий (не связанных с противостоянием с властью) разрешения противоречия. Таким образом, связь между групповой идентичностью и протестной активностью оказывается не прямой, а в виде параболы с отрицательным коэффициентом (со сторонами, направленными вниз).

Иной вывод делают Б. Саймон и др. авторы, доказывающие, что с увеличением степени групповой идентичности у членов группы растет и готовность участвовать в акциях политического протеста среди ее членов¹⁰⁸.

Видимо, на практике работают обе схемы. Актуализация той или другой зависит от конкретных обстоятельств, в которой действует группа, а также от особенностей политической системы.

Еще один взгляд на факторы массового политического протеста предлагают разработчики концепции мобилизации ресурсов. В их представлении массовый политический протест является естественной формой общественной деятельности. Для эффективного достижения целей этой деятельности предполагается объединение в централизованную формальную организацию, которая имеет устав, структуру и иерархию, официальное членство и механизмы согласования интересов¹⁰⁹.

При этом коллективные действия рассматриваются весьма широко – как деятельность организованных групп в политической сфере (например, выступления общественных объединений в поддержку реформы здравоохранения, в защиту окружающей среды и т.д.)¹¹⁰.

Некоторые разработчики сужают взгляд и понимают под коллективными политическими акциями мероприятия религиозного и спортивного характера, при этом, однако, не разъясняется, под влиянием каких обстоятельств участники

¹⁰⁸ Simon B., Loewy, M., Stürmer, S., Weber, U., Freytag, P., Habig, C. et al. Collective identification and social movement participation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 74, № 3. pp. 646–658.

¹⁰⁹ Gamson W.A. *The Strategy of Social Protest*. Homewood: Dorsey, 1975. P. 108.

¹¹⁰ McCarthy J.D., Zald M. Resource Mobilization and Social Movements // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 82. № 6. Pp. 1212–1241.

акций могут превратиться в массу, толпу, склониться к насилию¹¹¹. Видимо, причиной здесь является то, что сама тема насилия как со стороны граждан, так и со стороны властей не находится в числе приоритетных в рамках теории мобилизации ресурсов. Дело в том, что акцент ставится на мирные коллективные действия типа встреч, официальных церемоний, забастовок и т.п. Конечно, насильственные действия возможны, но их интенсивность и масштаб зависят от реакции властей на требования, выдвинутые протестующими.

Дэвид Снайдер и Чарльз Тилли заключают, что «там, где правительство обладает существенной силой, именно оно совершает большую часть разрушений и арестов, которые наблюдаются в ходе коллективных действий»¹¹².

Легко заметить, что в этом подходе основное значение придается структурированным и институализированным формам политического участия, а иные формы по умолчанию рассматриваются как нерезультативные и/или нежелательные. Вряд ли возможно спорить, что концентрация ресурсов, объединение многочисленных и дисциплинированных сторонников и следование стратегии – это факторы, которые во многом способствуют достижению цели протестного движения. Однако столь сильный акцент на организованном протесте в наши дни выглядит неким анахронизмом, пережитком прошлого. Критики указывают на то, что политические организации подвержены олигархизации, отличаются установкой на поддержание конформистских настроений, склонны к непубличному принятию решений, поощряют инициативы, исходящие от спонсоров¹¹³.

Среди других слабых мест концепции мобилизации ресурсов стоит выделить замалчивание и игнорирование факторов, которые могут негативно сказаться на самой организации, а также боязнь слишком резких выступлений из опасения дальнейшего преследования организации и ее членов со сторон

¹¹¹ См.: McPhail C. *The Myth of the Madding Crowd*. New York: Aldine de Gruyter, 1991; Moore B. *The Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press, 1966.

¹¹² Snyder D., Tilly C. *Hardship and Collective Violence in France, 1830–1960* // *American Sociological Review*. 1972. Vol. 37, № 5. P. 526.

¹¹³ McAdam D. *Political Process and the Development of Black Insurgency 1930–1970*. Chicago: University of Chicago Press, 1982. Pp. 55–56.

властей. В этом отношении неинституализированные формы имеют большее преимущество, так как позволяют сохранять анонимность и более свободны в выборе методов и средств политического протеста.

Пожалуй, одним из основных недостатков рассматриваемой теории является игнорирование значения ценностей, идеологий, культуры и идентичности¹¹⁴, а также вопросов, связанных с общностью целей, групповой идентичностью, доверием.

Указанные недочеты в значительной степени были преодолены в трудах Берта Кландерманса, обратившего внимание на субъективное восприятие участниками коллективных действий своих целей и мотивации членов организаций, на их оценку выгод и издержек от политического участия¹¹⁵. Автор отмечает, что индивидуальная идентичность является производной от идентичности той социальной группы, частью которой является та или иная личность. Поэтому применительно к участникам коллективных действий правомерно говорить о «коллективной идентичности». Иными словами, люди, которые разделяют определенную коллективную идентичность, охотно принимают участие в совместных действиях и выступают от имени своего коллектива¹¹⁶. Помимо этого, участие индивидов в коллективных действиях обусловлено желанием изменить свои жизненные условия, выразить свои взгляды и эмоции, ощутить себя активным членом своей группы. Это является важным фактором массового политического протеста.

Согласно Альберто Мелуччи, «коллективная идентичность – это «интерактивная и обобщенная категория, создаваемая несколькими индивидуумами (или на более сложном уровне – их группой) и связанная с

¹¹⁴ Cohen J.L. Strategy or identity: New theoretical paradigms and contemporary social movements // *Social Research*. 1985. Vol. 52. № 4. P. 663–716.

¹¹⁵ Klandermans B. Mobilization and participation: Social psychological expansions of resource mobilization theory // *American Sociological Review*. 1984. Vol. 49. № 5. Pp. 583-600.

¹¹⁶ Klandermans P.G. Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and the Dynamics of Protest // *Political Psychology*. 2014. Vol. 35. № 1. Pp. 1–22.

представлениями о действиях, а также возможностях и ограничениях относительно данных действий»¹¹⁷.

Еще один метод, полезный для исследования факторов массового политического протеста, – это фрейм-анализ, разработанный Эрвином Гоффманом¹¹⁸. Автор исходит из посылки, что каждая личность усваивает социальный опыт посредством схемы, помогающей интерпретировать реальность, – фреймов, которые состоят из комплексов убеждений, верований и т.п. В силу того, что именно эти ментальные конструкции определяют человеческое поведение, общественные движения, в том числе протестные, можно воспринимать как структуры по производству и массовому распространению фреймов. Именно при помощи фреймов общественные движения приобретают и мобилизуют сторонников, а также навязывают массам свой способ истолкования общественных явлений. Метод фрейм-анализа для рассмотрения политического протеста использовали уже упомянутые Роберт Бэнфорд и Дэвид Сноу¹¹⁹.

Данные, представленные Джоном Друри и другими показывают, что коллективные действия образуют и укрепляют групповую идентичность: несвязанные друг с другом протестующие в ходе противостояния с полицией самоорганизуются и становятся сплоченной командой¹²⁰.

Многие исследователи согласны с тем, что большинство участников протестных движений и мероприятий ранее знакомы друг с другом и находятся в сетевом взаимодействии. Этот вывод поддерживаются результатами опросов почти 15 тысяч участников шестидесяти девяти акций протеста в восьми странах Западной Европы. Согласно исследованиям Магнуса Веннерхега и Матиаса

¹¹⁷ Melucci A. Challenging codes. Collective action in the information age. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 44.

¹¹⁸ См.: Goffman E. Frame analysis: An essay on the organization of experience. Cambridge: Harvard University Press. 1974. 586 p.

¹¹⁹ Benford R. D. An insider's critique of the social movement framing perspective // Sociological Inquiry. 1997. Vol. 67. № 4. Pp. 409–430; Benford R. D., Snow D. Framing processes and social movements: An overview and assessment // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. pp. 611–639; Snow D. A., Benford R. D. Ideology, frame resonance, and participant // Mobilization. 1988. Vol. 1. Pp. 197–217.

¹²⁰ См.: Drury J., Reicher S., Stott C. Shifting boundaries of collective identity: Intergroup context and social category change in an anti-roads protest: British Psychological Society Social Psychology Section Conference. University of Surrey, 1999.

Вольстрёма, только около 10% граждан из указанного числа не были ранее знакомы друг с другом и не состояли в совместных социальных связях, были одиночками. Специалисты определили следующие причины вовлечения одиночек в массовые акции:

- спонтанное решение проходящего мимо человека;
- осознанный выбор одиночного участия;
- отсутствие на месте кого-то или невозможность найти в толпе того, с кем изначально была договоренность об участии в мероприятии;

Число одиночек в акциях, по мнению авторов, зависит от следующих обстоятельств:

- от способов привлечения участников;
- от количества и степени вовлеченности различных социальных групп в организацию и проведение мероприятия;
- от различных событий особого рода.

В научной литературе можно найти два основных объяснения причинам того, почему люди участвуют в политических протестах, несмотря на малые шансы на успех. Виннифред Луис считает, что имеет место «парадокс настойчивого участия»¹²¹. Джон Друри и другие полагают, что это способствует укреплению групповой идентичности и создает ощущение наличия и реализации имеющегося потенциала¹²².

Массовое протестное движение помогает человеку найти свое место в жизни и стать частью единой коллективной машины, устремленной к высоким целям перемен. Как уже отмечалось, политический протест означает проявление недовольства и агрессии в политической сфере в результате ухудшения социально-экономической ситуации и появления значительного расхождения между ожиданиями и реальностью, что приводит к фрустрации. Такое понимание более всего подходит для анализа особенностей текущего

¹²¹ Louis W. Collective action - and then what? // Journal of Social Issues. 2009. Vol. 65, № 4. pp. 727–748.

¹²² Drury J., Reicher S. Collective psychological empowerment as a model of social change: Researching crowds and power // Journal of Social Issues. 2009. Vol. 65, № 4. pp. 707–725.

политического протеста в странах северной части Центральной Азии, где наблюдается действие таких факторов как затяжные экономические проблемы, постоянное сокращение политических возможностей для рядовых граждан, экспансия государства в социальную и частную сферы.

Довольно детально такие факторы проанализировал Гильермо О'Доннел на основе большого сопоставления государственно-политических практик ведущих стран Южной Америки в условиях индустриализации. Автор сформулировал понятие «бюрократический авторитаризм» и показал, как модернизация и экономическое развитие могут быть связаны с укреплением и консолидацией политических систем. Дело в том, что для решения задач индустриализации были созданы коалиции стоявших у власти военных и представителей крупного бизнеса, которые, будучи ограничены в средствах, прибегли к сокращению социальных расходов. Это вызвало выступления демократических сил. Со стороны правительства последовала реакция в виде их подавления и расширения собственных полномочий¹²³.

В дальнейшем внимание исследователей привлекли многочисленные новые политические системы, возникшие по всему миру в связи с крушением колониализма, особенно в Африке, Юго-Восточной Азии, Южной Америке¹²⁴. Они показали возможности причудливого соединения и искажения традиционных и современных политических институтов, дали обширный материал для изучения разного рода неформальных практик.

Ричард Снайдер указал, что для анализа политических протестов в системах с преобладанием неформальных практик необходимо ответить на следующие вопросы:

- кто управляет (партийная номенклатура, военные, единоличный правитель);

¹²³ См.: O'Donnell G. *Modernisation and Bureaucratic Authoritarianism*. Studies in South American Politics. Berkeley: University of California Press, 1970. 219 p.

¹²⁴ Roth G. *Personal Rulership, Patrimonialism and Empire Building in the New States* // *World Politics*. 1968. № 2. P. 194-206; LeVine V. *African Patrimonial Regimes in Comparative Perspective* // *The Journal of Modern African Studies*. 1980. Vol. 18. № 4. P. 657-673.

- как управляет (посредством этнических связей, через патрон-клиентскую сеть, при помощи партийной кооптации);

- почему управляет (ради иди, ради выгоды);

- как управляет с точки зрения возможностей и потенциала государства¹²⁵.

К описанным выше концептам примыкают два понятия, сформулированные Гильермо О'Доннеллом и Филиппом Шмиттером, которые проливают свет на системы, отошедшие от тоталитаризма, но не оформившиеся в демократии:

- «диктобланда» (либерализовавшиеся, но не установившие демократию);

- «демокрадура» (формально установившие демократические институты, но не позволяющие гражданам реализовать политические и гражданские свободы)¹²⁶.

Еще одним известным и продуктивным концептом стала «дефектная демократия», разработанная Вольфгангом Меркелем и Аурелем Круассаном. Авторы вслед за Робертом Далем выдвинули на передний план критерий открытого для всеобщего участия политического соревнования за приобретение властных полномочий¹²⁷. Данный критерий был операционализирован при помощи трех показателей: конкуренция, участие и конституционализм. В свой черед эти показатели были раскрыты посредством следующих шести характеристик: легитимация господства; доступ к господству; монополия на господство; притязание на господство; структура господства и способ осуществления господства. Таким образом, согласно предложенной схеме политическая система может быть оценена с точки зрения наличия/отсутствия всеобщего избирательного права; деятельности правительства; наличия/отсутствия верховенства закона и права¹²⁸. Если выполняются все три параметра, то мы имеем дело с демократией. Если не действует один или

¹²⁵ Snyder R. Beyond Electoral Authoritarianism: The Spectrum of non-Democratic regimes // Electoral Authoritarianism. Lynne Rienner Publishers, 2006. P. 229.

¹²⁶ O'Donnell G., Schmitter Ph. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore, 1986. P. 9.

¹²⁷ Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010. С. 11.

¹²⁸ Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // Полис. 2002. № 1. С. 7-15.

несколько из указанных параметров, то режим считается «дефектной демократией». Следовательно, «дефектная демократия» – это политическая система, в которой в той или иной степени повреждены тот или иной (или все) из вышеуказанных критериев, в которой имеются ограничения в демократическом процессе. Иными словами, «дефектные демократии являются политическими режимами, отвечающими некоторым, но не всем, центральным критериям ключевого концепта» либеральной демократии¹²⁹.

Дополнительный свет на факторы массовых политических протестов в системах с преобладанием неформальных практик проливают понятия «патримониализм» и «неопатримониализм», начало которых лежит в трудах Макса Вебера. Автор назвал патримониальным такой тип традиционного господства, при котором бюрократическое управление, экономика государства отрасли и структуры власти соединений в целом и являются собственностью и вотчиной верховного правителя, который в обмен на лояльность и полное подчинение наделяет сторонников частями своей собственности (должностями, полномочиями, активами и так далее), приносящими определенный доход. В этой системе место законопослушной и эффективной бюрократии, функционирующей в соответствии с конституционными нормами, занимает корыстная клика, посредством неформальных практик продвигающая интересы верховного правителя. Главной особенностью такой системы является финансовая и экономическая зависимость должностных лиц от главы государства, которая поддерживается вертикалью власти: суверен назначает на высшие посты наиболее преданных, а те, в свою очередь, формируют собственные клиентелы для непосредственного исполнения приказов сверху. Таким образом, функции государственно-политического управления сращиваются с материальными интересами ответственным за выполнение тех или иных задач. Само выполнение этих задач направлено, прежде всего, не на социальное и государственное развитие, а на сохранение положения и

¹²⁹ Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // Полис. 2002. № 1. С. 7-15.

обогащение правящего класса¹³⁰. Этот тип власти, произвол который ограничивается только какими-либо традициями (например, кровной мстью) и основанной на устрашении и подкупе подчиненных Макс Вебер обозначил термином «султанизм».

Впоследствии данный термин использовали Хуан Линц, Альфред Степан, Гюнтер Рот для рассмотрения специфических практик постколониальных стран Африки и Азии и др. При этом были разделены традиционный патримониализм (базирующийся на личной власти правителя, которая санкционируется традициями и принципом монархической наследственности) и современный неопатримониализм (основывающийся на экономическом распределении, осуществляемом правителем между лояльными сторонниками)¹³¹.

Тезисы Макса Вебера расширил и дополнил Шмуэль Эйзенштадт, который в ходе анализа функционирования централизованных бюрократических структур, построенных в процессе модернизации по образцам западных стран в традиционных обществах, пришел к выводу о возникновении неопатримониализма¹³². Система неопатримониализма – это экономическое господство центра над периферией, сочетающее современные институты и бюрократическую структуру, а также неформальные практики, клановые, этнические и другие связи, проникающие в современные институты и структуры и воспроизводящиеся под их прикрытием. Таким образом, складывается ситуация, при которой хотя и наличествует внешняя форма и атрибуты современного государства (бюрократическая структура, правовая система), однако, в действительности, власть осуществляется посредством неформальных практик, над экономическими ресурсами общества и государства установлен полный контроль узкой правящей группы во главе с сувереном, рационально-легальные институты и ресурсы государства и отрасли экономики захватываются этой группой и превращаются в частное владение. Иными

¹³⁰ Вебер М. Традиционное господство // Прогнозис. 2007. № 2. С. 156.

¹³¹ Теобаль Р. Патримониализм // Прогнозис. 2007. № 2. С. 166-176.

¹³² Eisenstadt S. N. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. London, 1973. P. 5.

словами, государство из механизма по производству и распределению социальных благ превращается в источник обогащения, монополизированный правителем и узкой группой его приближенных¹³³.

К аналогичному заключению пришли Майкл Брэттон и Николас ван де Валл, которые анализировали практику неопатримониализма в ходе политической трансформации стран Африки и заключили, что при осуществлении модернизации и при сохранении традиционных отношений формируется политическая система, в которой рационально-легальные институты являются не более чем формой, внутри которой скрываются неопатримониальная практика¹³⁴.

Схожие выводы получил и Генри Хейл, исследовавший политические протесты в ряде постсоветских государствах в период после распада Советского Союза¹³⁵. Он нашел, что сходство политических режимов этих государств состоит в наличии патронажного президентства и проблемы кризиса наследования власти. Патронажное президентство – это специфический политический институт, характеризующийся наличием президента с широкими полномочиями, выбранного путем прямого всенародного голосования, обладающего большим влиянием, оказываемым через разветвленную патрон-клиентскую сеть и основанным на фактическом присвоении ресурсов государства, на их захвате в свою собственность. В силу этого власть патронажного президента определяется взятыми под контроль экономическими и другими ресурсами государства, которые он единолично и по своему собственному усмотрению распределяет между участниками созданной им патрон-клиентской сети. Однако при приближении новых выборов, особенно если их победитель не вполне ясен, патрон-клиентские сети могут ослабеть, а в правящей группе возникнуть и усилится дезорганизация, что может привести к

¹³³ Eisenstadt S. N. *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*. London, 1973. P. 5.

¹³⁴ См.: Bratton M., van de Walle N. *Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective* (Cambridge Studies in Comparative Politics). Cambridge University Press, 2010. 330 p.

¹³⁵ Hale H. *Regime Cycles Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia* // *World Politics*. Vol. 58. Issue 1. October 2005. Pp. 133-165.

кризису наследования власти, выражающемуся в обострении внутривластных конфликтов и открытию новых возможностей для политической мобилизации и борьбы. Исходом кризиса наследования власти является или электоральная революция (что произошло в 2003-2005 гг. в Грузии, Кыргызстане и на Украине), или новый виток укрепления системы патронажного президентства и восстановление статус-кво и равновесия. Таким образом, политическая динамика системы патронажного президентства представляет собой не линейное движение (например, переход от тоталитаризма к демократии), а череду циклов ослабления-усиления президента и соответствующего поведения политических элит, реагирующих на вызовы неопределенности.

Развитие неопатримониального подхода применительно к странам северной части Центральной Азии продолжил Александр Фисун. Опыт стран СНГ позволил автору выделить три способа соединения политики экономических ресурсов и бюрократии в неопатримониальной системе:

- олигархический;
- бюрократический;
- персоналистский.

Соответственно этим способам определяются следующие три структуры власти:

- олигархический неопатримониализм (захват и раздел государства региональными баронами и/или олигархами);
- бюрократический неопатримониализм (контроль бизнеса и политики чиновниками со значительной ролью силовых структур и спецслужб);
- султанистский неопатримониализм (сильно персонифицированная власть, личный контроль верховного правителя над экономической политико-государственной сферой, сильная роль кланов, клик и других неформальных институтов)¹³⁶.

¹³⁶ Фисун А.А. К переосмыслению советской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. 2010. № 4. С. 172.

Владимир Гельман внес важный вклад в исследование специфики политических систем на пространстве СССР. Автор выделяет и подчеркивает основополагающую роль неформальных институтов и практик и рассматривает постсоветские режимы и системы как «исчерпывающую совокупность присущих данному политическому образованию акторов (с их ресурсами и стратегиями) и институтами»¹³⁷. Автор поясняет свою идею: «Подобно тому, как описания игры в теннис и шахматы отличаются характеристиками игроков, их действий и правил игры, политический режимы могут быть описаны в категориях акторов и институтов. В этом смысле идеальная демократия предстает как конкуренция акторов в рамках формальных институтов, а позднесоветский режим с его административным рынком как неконкурентный с прогрессирующим преобладанием неформальных институтов и постепенным замещением ими институтов формальных»¹³⁸.

Исследование факторов массовых политических протестов базируется на положении о том, что это явление массовой политической мобилизации четко выделяется в политическом протесте. Действительно, повседневная политика состоит из партийных собраний, правительственных заседаний, мероприятий по реализации программ государственной политики и прочего, которые представляют собой рутинные мероприятия, происходящие по стандартной программе. Однако политический протест имеет особые свойства и признаки: главным образом, эпизодичность и наличие последовательности связанных между собой событий, в которых ясно прослеживается начало, кульминация и упадок (пределы и структура мобилизации) непосредственно наблюдаемых и зафиксированных медиа коллективных действий рядовых граждан и общественных сил по выражению несогласия с решениями структуры власти. В рамках этой специфической событийности с ограниченным жизненным циклом стороны спора устанавливают коммуникацию, объединяются или разделяются,

¹³⁷ Гельман В. Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории) // Полис. 2001. № 1. С. 19.

¹³⁸ Гельман В. Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории) // Полис. 2001. № 1. С. 19.

координируются, предъявляют друг другу требования, реагируют на изменения, принимают решения, активно действуют, что получает освещение в СМИ. Здесь события – это видимая и фиксируемая (поэтому и не самая большая) часть политического протеста и политической мобилизации в целом. Именно их анализ позволяет внешнему наблюдателю установить, измерить, оценить место, время, продолжительность, состав участников, характер требований и многие другие параметры политического протеста. Поэтому ивент-анализ (анализ событий или событийный анализ) с его установкой о конституирующей роли событий в политическом протесте и является весьма продуктивным для исследования последнего.

Столь пристальное внимание к методу событийного анализа в диссертации отнюдь не случайно. Дело в том, что именно событийный анализ является адекватным и оптимальным инструментом для исследования политического протеста как типа социального движения. Так, С. Хуттер пишет, что событийный анализ стал «ключевой методологической новацией, возникшей в рамках изучения социальных движений»¹³⁹.

Используемые в событийном анализе методы квантификации позволяют определить основные мотивации, схемы, установки, модели поведения (паттерны) участников массового политического протеста.

Событийный анализ политического протеста как часть более общего исследования мобилизации базируется на положениях европейских теорий социальных движений (А. Турен, М. Кастельс, А. Мелуччи, Д. Делла Порты), а также на выводах американских авторов аналитического постбихевиристского направления¹⁴⁰. В центре внимания первых (европейцев) в качестве основополагающего фактора мобилизации находится классовая структура и ее трансформация в позднеиндустриальный период. Поэтому на первый план выходит социальная дифференциация, а отдельные события оказываются не

¹³⁹ Hutter S. Protest Event Analysis and Its Offspring // della Porta D. (ed.). *Methodological Practices in Social Movement Research*. Oxford: Oxford University Press. P. 335–367. P. 335.

¹⁴⁰ См.: Opp K. *Theories of Political Protest and Social Movements: A Multidisciplinary Introduction, Critique, and Synthesis*. L.: Routledge, 2009. 422 p.

имеющими большое значение. Напротив, вторые (американцы) сосредоточились на эмпирическом материале и разработке методов квантификации и способах разделения длительных процессов на составляющие их события.

В целом при помощи событийного анализа составляется описание обстоятельств совершенного действия, содержание которого сильно отличается от рутинного процесса, является экстраординарным в сравнении с повседневной действительностью (политических конфликтов с участием нескольких сторон, революций, восстаний и т.д.). Такое описание делается в виде текста (отчета) в форме систематического каталога, основанного на статистических данных статистики, донесениях и сводках полиции, публикаций в СМИ, дневников наблюдения и др.

При подготовке каталогов событий значительную трудность вызывает операционализация понятий. Главным является теоретический ответ на вопрос о том, каковы необходимые и достаточные характеристики того события, которое можно определить как политико-протестное? Иными словами, одна из основных проблем связана с определением события, и выбором переменных для его измерения. Ч. Тилли указывает, что «каждый, кто составляет каталоги событий, с необходимостью должен думать о проблемах селективности, надежности, верифицируемости, сопоставимости, границах и инклюзивности»¹⁴¹.

К аналитической категории «событие» в политической науке существует несколько подходов. Хотя в целом большинство исследователей сходится в том, что речь идет о некоей пространственно-временной связности, однако, о ее границах и о том, что их определяет, ведутся дебаты. На большую проблему в связи с процессуальной протяженностью мобилизации и неизбежной потерей информации при разделении длительных случаев на составляющие их эпизоды указал Д. Делла Порта¹⁴².

¹⁴¹ Tilly Ch. Event Catalogs as Theories // Sociological Theory. 2002. Vol. 20. № 2. P. 248–254.

¹⁴² della Porta D. Eventful Protest, Global Conflicts // Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory. 2008. Vol. 9. № 2. Pp. 27–56.

Сложность концептуализации связана и с возникновением новых форм социально-политической протестной активности в условиях цифровизации (организация бойкотов в Интернете и так далее) и под влиянием трансформацией социальной реальности (появление протестных граффити и так далее). Новые формы протеста диктуют необходимость постоянного уточнения предметного поля событийного анализа. И развитие событийного анализа связано с процессом концептуализации политического события в ходе непрерывных дебатов, которые делятся с 1960-х гг.

В ходе этих дебатов были сформулированы основные положения и понятия событийного анализа, некоторые из которых стали центральными в теориях политического протеста:

- понятие «структура политических возможностей» и тезис о том, что ее открытость или закрытость определяет основные параметры мобилизации¹⁴³;

- понятие «репертуар протестного действия», который отличает современную политическую мобилизацию (характеризующуюся универсальностью, направленностью на структуры власти, модулярностью) от ее более ранних форм (характеризующихся партикулярностью, локальностью, пароклиальностью)¹⁴⁴;

- понятие «цикл протеста», которое раскрывает волновой характер политической мобилизации, определяющийся интенсификацией социально-политического конфликта, его территориальным расширением, охватом общественных сфер и секторов, возникновением новых групп и организаций коллективного действия и новых форм коллективного действия¹⁴⁵.

Дальнейшая разработка событийного анализа позволила определить три основных источника систематических ошибок: избирательное внимание СМИ к политическим событиям (*selection bias*), противоречивость в описании

¹⁴³ Eisinger P. K. The Conditions of Protest Behavior in American Cities // *American Political Science Review*. 1973. Vol. 67. № 1. P. 11–28.

¹⁴⁴ См.: Tilly Ch. *Popular Contention in Britain*. Cambridge: Harvard University Press, 1995. 476 p.

¹⁴⁵ Tarrow S. Cycles of Collective Action: Between Moments of Madness and the Repertoire of Contention // *Social Science History*. 1993. Vol. 17. № 2. P. 281–307. P. 284.

политических событий (description bias), неточность ручного или автоматического кодирования данных исследований (research bias). Перечисленные ошибки влияют на качество и полноту каталогов событий, могут давать искажения в данных. Например, СМИ чаще всего и более подробно освещают события, происходящие в крупных городах и связанные с насилием, при этом отдельные аспекты могут игнорироваться вследствие самоцензуры, а другие – преувеличиваться для повышения рейтинга. По поводу медиа Д. Орtiz, Д. Майерз, Э. Уоллс и М.-Э. Диас отметили, что они готовят свои материалы не для социологических исследований и не ставят задачи полностью осветить все события и создать их репрезентативную выборку¹⁴⁶. СМИ, скорее всего, рассказывают о тех событиях, которые отличаются интенсивностью и новизной, находятся на повестке дня, происходят в зоне охвата корреспондентского пункта, привлекают полицию, сопровождаются насилием. Однако даже наличие всех пунктов из этого списка не гарантирует освещение события в медиа, особенно в условиях авторитарных систем, которые полностью контролируют медиа и информационное поле. Точность формулировок и строгое следование протоколу сбора и обработки данных помогает избежать систематических ошибок, перечисленных выше.

Составление каталога протестных событий, как и любое другое исследование, зависит от постановки исследовательского вопроса, который должен быть нацелен на определенную «единицу наблюдения» (событие, определенное в соответствии с четкими критериями, ключевыми характеристиками), например, на тип протеста, на формы предъявления требований, на предпосылки массовой мобилизации, на специфику конфликтной ситуации, на описание протестной кампании и т.д. М. Бейссингер указывает, что «исследователи должны решить, какие формы действий заслуживают анализа, какие характеристики этих действий заслуживают внимания, какие источники могут быть использованы, наконец, как будет организован процесс сбора

¹⁴⁶ Ortiz D., Myers D., Walls E., Diaz M.-E. Where Do We Stand with Newspaper Data? // Mobilization: An International Quarterly. 2005. Vol. 10. № 3. P. 397–419. P. 397.

информации. В хорошем исследовании решения относительно этих вопросов должны основываться на взаимодействии теории и контекста»¹⁴⁷. Кроме того, от постановки исследовательского вопроса и определения события зависит отсев тех ряда событий (проправительственных акций и так далее).

Например, Ч. Тилли и Р. Швейцер в своих исследованиях сосредоточились на «протестных собраниях» или «ситуациях, в которых десять и более человек, не связанных с правительством, собираются в одном месте для предъявления требований в видимой форме, и которые, будучи реализованными, затронут интересы отдельных людей или групп, не входящих в данное собрание»¹⁴⁸.

Д. Рухт и Т. Ольмахер определили протестное событие как «коллективные, публичные действия неправительственных авторов, посредством которых выражается критика или несогласие и артикулируются социальные или политические требования»¹⁴⁹. В свою очередь М. Бейссингер, сосредоточившись на демонстрациях, выявил для их определения такие наиболее важные характеристики, как добровольный характер участия, ограниченность во времени и пространстве, порог численности (не менее 100 человек) и другое¹⁵⁰.

Подытоживая вышеизложенное, можно утверждать, что в современном научном дискурсе проблем факторного анализа политических протестов необходимо опираться на все теоретико-методологические подходы, которые позволяют получить релевантные и достоверные знания о факторах и специфике политического протеста.

Мы исходим из того, что протесты есть во всех политических системах – демократических, тоталитарных и авторитарных. В демократических государствах мирные политические протесты – это, как правило, естественное

¹⁴⁷ Beissinger M. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 460.

¹⁴⁸ Tilly Ch., Schweitzer R. *Contentious Gatherings in Great Britain, 1828–1834: Provisional Plans for Enumeration and Coding*. URL: <https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/50925/150.pdf> (дата доступа: 04.03.2022).

¹⁴⁹ Rucht D., Ohlemacher T. *Protest Event Data: Collection, Uses and Perspectives* // Diani M., Eyerman R. (eds.). *Studying Collective Action*. 1992. L.: Sage. P. 76–106.

¹⁵⁰ Beissinger M. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge: Cambridge University Press. 2002. P. 462.

явление, имеющее легальность и легитимность в обществе и системе власти, политико-конституционное закрепление. Они не представляют угрозу для действующих политических систем, рассматриваются как способ их демократического совершенствования, улучшения качества государственной политики в интересах граждан, укрепления социальной и политической стабильности. В абсолютных монархиях, тоталитарных и авторитарных режимах протесты рассматриваются как нечто противоестественное, подрывающее конституционно-правовые основы государства, угрожающее национальной безопасности, а потому нуждающееся в политическом, нормативном и информационном пресечении и подавлении. В свою очередь, политические системы с преобладанием неформальных практик, особенно в государствах с неразвитой экономикой и низким уровнем жизни населения, сами создают наиболее благоприятную политико-режимную питательную среду для постоянных политических протестов. Это объясняется тем, что власть сосредоточена не на благе народа, а на собственном благополучии; коррумпирована; не меняется в ходе недемократических выборов; слабо контролируется оппозицией, имитационной системой сдержек и противовесов, институтами гражданского общества и так далее; опирается на силовые структуры, подавляет любые угрозы своему существованию вплоть до использования самых жестких форм репрессий и насилия.

Массовые политические протесты в политических системах с преобладанием неформальных практик – это борьба тех, кто фактически полностью отчужден от власти (возможности влиять на принятие решений) с теми, кто контролирует власть, теми, кто утратил доверие граждан, которые не могут достучаться до власти со своими накопившимися проблемами иными средствами, кроме уличных протестов. Вследствие такого характера взаимодействия власти и общества можно выделить следующие особенности массовых политических протестов в политических системах с преобладанием неформальных практик: во-первых, они имеют крен в сторону стихийности, радикализации, насилия и разрушительности, участия в них маргинальных

слоев, наиболее восприимчивых, внушаемых и податливых к воздействию манипулятивных технологий; во-вторых, они, как правило, не имеют четких требований по реконструкции власти, экономики, всех сфер общественной жизни; в-третьих, они, при достаточной масштабности и продолжительности, могут не только «смягчить» политический режим (принудить его к институциональной адаптации), но и подвергнуть глубокой эрозии и разрушить его, осуществить транзит власти, смену политической элиты, форму правления и государственного устройства.

2. Сравнительный анализ массовых политических протестов в республиках Казахстан и Кыргызстан

2.1. Специфика массового политико-протестного движения в Республике Казахстан

Теоретические обобщения и концептуальные подходы, сформулированные в первой главе, позволяют аналитически рассмотреть специфику и траекторию политико-протестного движения в Республике Казахстан. Выбор этой страны для исследования обусловлен тем, что она занимает второе место (после Республики Кыргызстан) среди стран северной части Центральной Азии по числу и масштабу политико-протестных акций с участием недовольных граждан и групп интересов, стремящихся повлиять на политический протест.

Исследователи выделяют следующие общие факторы турбулентности в странах, некогда входивших в состав СССР. П. Гуринчас отмечает изменения глобального контекста и шок от пандемии COVID-19, ведущие к рецессии всей мировой экономики¹⁵¹. Е. А. Иванов указывает на естественное старение политических режимов¹⁵². И. Н. Трофимова считает, что трудности обусловлены сменой поколений¹⁵³. В. Цветков усматривает корень проблем в состоянии национальных экономик¹⁵⁴. В свою очередь, М. Пулери выделяет кризис в идеологическом плане¹⁵⁵. Ясно, что эти общие обстоятельства имеют силу.

¹⁵¹ Gourinchas P. O. 2020. Flattening the Pandemic and Recession Curves. Mitigating the COVID Economic Crisis: Act Fast and Do Whatever 31.

¹⁵² Иванов Е. А. Четыре волны битвы за преемственность. Царь горы: Недемократический трансфер власти на постсоветском пространстве / Ред. К. Ю. Рогов. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2019. С. 16–21.

¹⁵³ Трофимова И. Н. Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2 (10). С. 5–17.

¹⁵⁴ Tsvetkov V. Economic Security and Economic Growth in Modern Russia: Five Key Problems // Review of Business and Economics Studies. 2016. № 2. С 5–14.

¹⁵⁵ Puleri M. In Search of “New Roots”: Towards a Situational Ideology in Putin’s Russia. Rekindling the Strong State in Russia and China. New York: Brill, 2020. Pp. 17–39.

Вместе с тем в Казахстане и Кыргызстане есть ряд факторов, которые активизировались именно в национально-региональных условиях.

Специалисты выделяют следующие факторы социально-политической нестабильности, общие для многих стран постсоветского пространства, включая Казахстан и Кыргызстан: социально-экономическое неравенство, размежевание между городом и селом, разделение религиозного (ислам) и светского, расколы внутри политического класса, внешнеполитическая ориентация¹⁵⁶.

Раскрывая эти и иные факторы, стоит отметить следующее. В Казахстане, представляющем собой политически стабильное централизованное государство, влиятельную макрорегиональную экономику, базирующуюся на эксплуатации природных ресурсов (на сырьевой ренте) и отличающемся более высоким уровнем жизни, чем его соседи (за исключением России), большую роль сыграл политически акт по передаче власти от Н. Назарбаева к К.-Ж. Токаеву. Данное мероприятие было предпринято для решения застоявшихся социальных и экономических проблем. При этом первоначальным условием стало скрытое сохранение под контролем назарбаевского клана главных рычагов государственного управления. Однако в ходе трансфера власти случился сбой, возникли новые вызовы, политическая стабильность пошатнулась, что потребовало заметных перемен на фоне массовых политических протестов.

Для понимания политической ситуации в динамике, проверки авторской гипотезы и причинно-следственной оценки протестных выступлений в Казахстане проведены три исследования.

Проведен сопоставительный анализ случаев и ивент-анализ политических протестов в Республике Казахстан на базе каталога массовых протестных событий с применением насилия (*violent demonstration* и *mob violence*), составленного экспертами ACLED – 70 случаев с 01.01.2000 по 28.03.2022¹⁵⁷.

¹⁵⁶ Иванов Е.А., Малков С.Ю. Анализ уровня социально-политической нестабильности в Казахстане и Киргизии: современное состояние и прогноз // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. М.: УРСС, 2020. С. 592–614.

¹⁵⁷ Dashboard [Электронный ресурс]. URL: <https://acleddata.com/dashboard/#/dashboard> (дата обращения: 26.06.2023).

Проделан контент-анализ 123 материалов медиа Казахстана («Караван», «Tengrinews», «Newtimes»), а также интернет-ресурсов Fergana.ru, Azattyk.org, Centrasia.ru, и Paruskg.info по тематике политических протестов. Также рассматривались публикации российских СМИ («Новая газета» и сюжеты «Первого канала») с целью сопоставления ракурсов интерпретации случаев политического протеста в 2011, 2016, 2017 и 2022 гг.

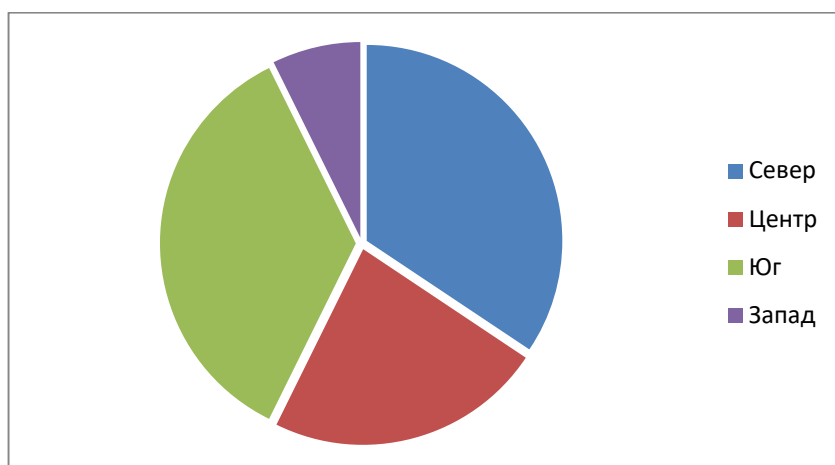
В феврале-мае 2021 г. анонимно опрошены 138 казахских граждан о представлениях, сложившихся у них о политических протестах в их стране, а также об опыте их участия в таковых. Выборка составлена следующим образом: посредством личных связей автора среди граждан Казахстана в возрасте от 20 до 45 лет была распространена анкета для добровольного заполнения.

Стоит отметить, что сбор необходимых и достоверных данных представляет собой значительную трудность по нескольким серьезным причинам, прежде всего, в связи с закрытым характером социальной и политической системы Казахстана.

Возраст двух третей опрошенных составляет 35–45 лет. 63% – мужчины, 37% – женщины.

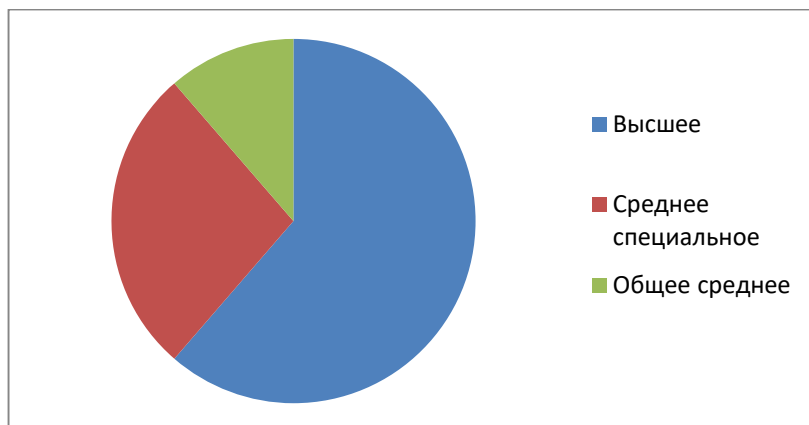
34% респондентов указали, что они родом из южных регионов, 38% – из северных регионов, 22% – из центральных регионов, 7% – из западных регионов Казахстана (Рис. 1).

Рис. 1. Регион происхождения опрошенных

10% заявили о своем общем среднем образовании, 54% – о высшем образовании, 24% – о среднем специальном образовании (Рис. 2).

Рис. 2. Образование опрошенных

Опрошенные заняты в следующих сферах: 26% – обслуживание, 25% – образование, 23% – финансы, 11% – торговля и общественное питание, 9% – транспорт (Рис. 3).

Рис. 3. Состав опрошенных

43% респондентов заявили о своем участии в какой-либо протестной акции. Причиной вовлеченности в политический протест 56% опрошенных назвали собственную инициативу, 29% присоединились по просьбе знакомых,

9% исходили из соображений материального характера, 4% затруднились ответить (Рис. 4).

Рис. 4. Причины вовлеченности в протест

Большая часть респондентов (72%) уверена в том, что участники в акциях протеста самостоятельно вышли на улицы вследствие недовольства положением дел в стране. Только 12% считает, что люди изначально приняли участие вследствие манипулятивного воздействия со стороны внешних акторов. Затруднились ответить – 8% (Рис. 5).

Рис. 5. Мотивация участников протестов

Почти такое же большинство респондентов (71%) определили целенаправленность акций политического протеста как привлечение внимания властей к наиболее острым проблемам общества и изменение положения дел в

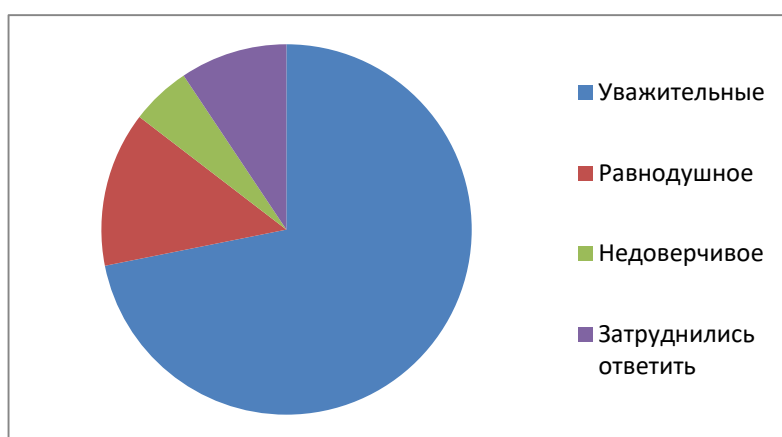
стране к лучшему. 15% ответили, что, по их мнению, цель протестов состояла в оказании поддержки знакомым единомышленникам, занимающимся политикой. 14% не ответили (Рис. 6).

Рис. 6. Цель протестных акций

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что 78% участников опроса оценили отношение участников протеста друг к другу как благожелательное и уважительное; 13% посчитали, что такое отношение было равнодушным, 5% ответили, что отношения были недоверчивыми (Рис. 7).

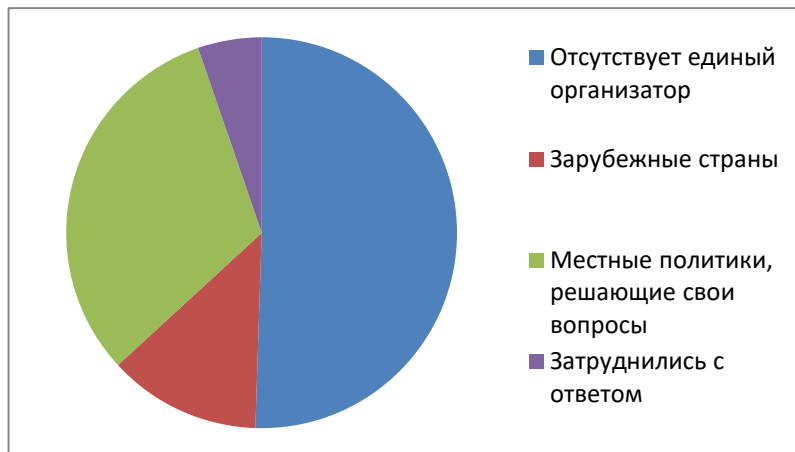
Рис. 7. Взаимоотношения граждан – участников протеста

При этом 68% респондентов высказались за то, что у акций протеста не было единого организатора, только 12% посчитали, что инициатива исходит из зарубежных стран. Однако 41% уверены в том, что акциями протеста

воспользовались местные политики, желающие укрепить свои позиции во власти (Рис. 8).

Рис. 8. Предположения об организаторах протеста

Важен тот факт, что 39% опрошенных были очевидцем каких-либо силовых действий со стороны участников митинга: в основном, захват правительственных зданий и столкновение с сотрудниками силовых структур. Порчу имущества наблюдали лишь 7%. С другой стороны, 95% респондентов стали очевидцем каких-либо силовых действий со стороны представителей власти и силовых структур. Более 80% указали на факты избиения людей и применение специальных средств к протестующим, 66% отметили стрельбу по участникам протеста; 83% указали на аресты протестующих (Рис. 9).

Рис. 9. Насилие в политическом протесте со стороны представителей власти

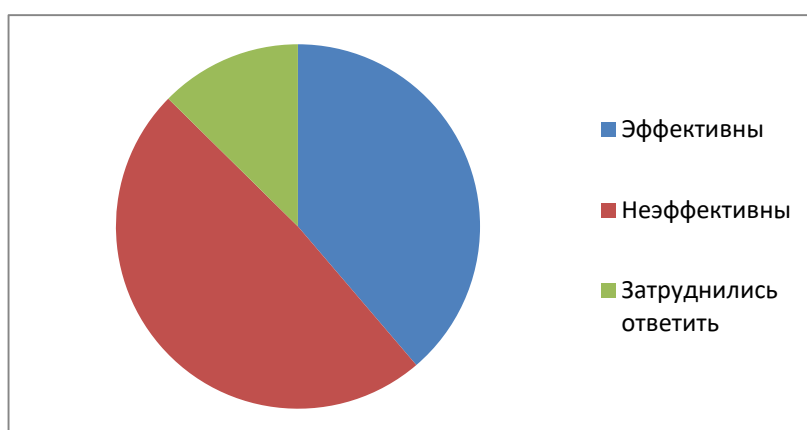
Только 19% опрошенных считают, что в ходе протеста удалось добиться желаемого результата. 26% полагают, что результат достигнут частично. 51% ответили, что результат не достигнут. 4% затруднились ответить (Рис. 10).

Рис. 10. Мнения об успехе протеста

43% респондентов уверены в том, что вообще протесты эффективны частично. 53% высказались за то, что сами по себе протесты неэффективны. 7% затруднились ответить (Рис. 11).

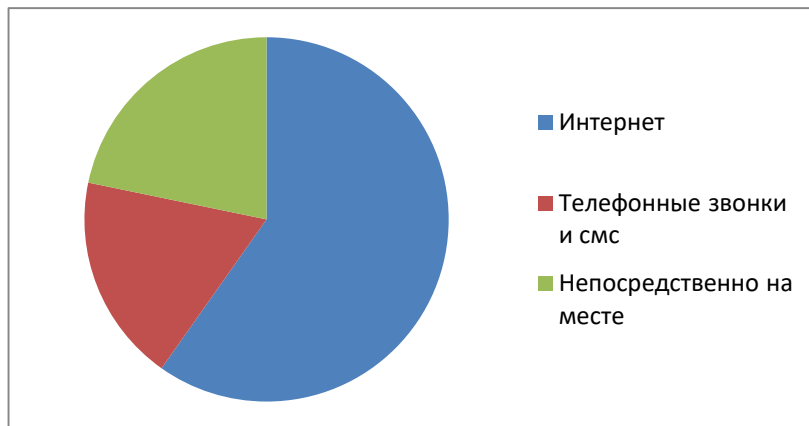
Рис. 11. Общая эффективность массовых политических протестов

Показательно, что 55% участников опроса узнали об акции протеста из Интернета (социальная сеть, ресурсы общественных или политических деятелей). 20% узнали о протесте непосредственно на их месте и

присоединились к ним. 17% опрошенных указали, что их пригласили знакомые по телефону (Рис. 12).

Рис. 12. Источники информации о протесте

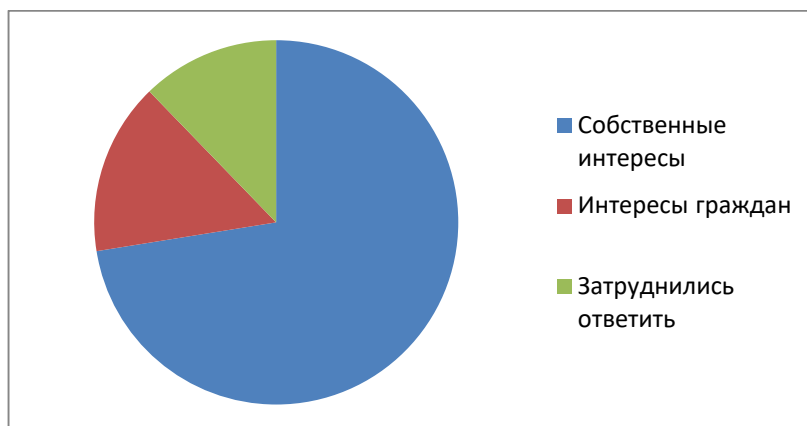
44% опрошенных не поддерживают действующую власть. 28% заявили о поддержке действующей власти. 3% затруднились ответить, 20% не ответили (Рис. 13).

Рис. 13. Поддержка власти респондентами

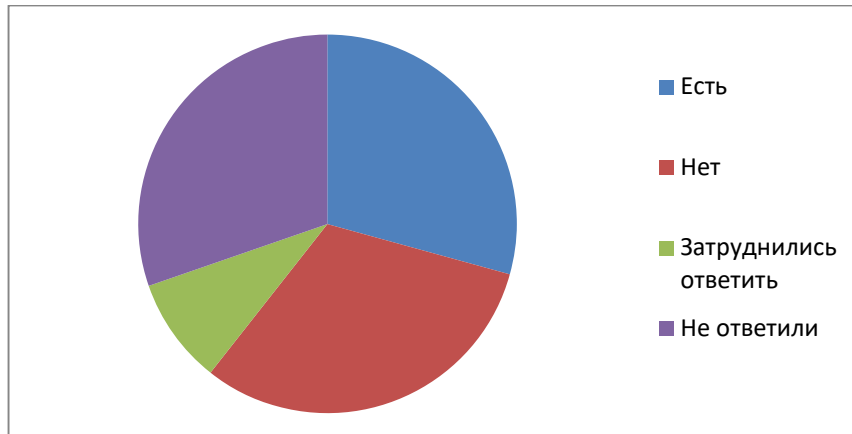
73% респондентов считают, что действующая власть руководствуется собственными интересами. 17% полагают, что действующая власть руководствуется интересами рядовых граждан. 12% затруднились ответить (Рис. 14).

Рис. 14. Мотивация системы власти

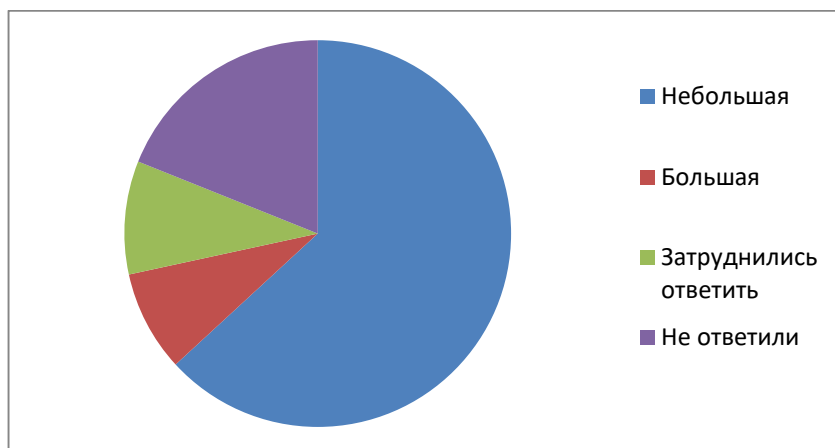
Касательно перспектив на будущее надо отметить, что лишь 29% опрошенных готовы самостоятельно принять участие в акциях протеста, если таковые снова начнутся. 31% не намереваются участвовать в протестах в дальнейшем. 9% затруднились ответить, 30% не ответили (Рис. 15).

Рис. 15. Намерение будущего участия в протесте

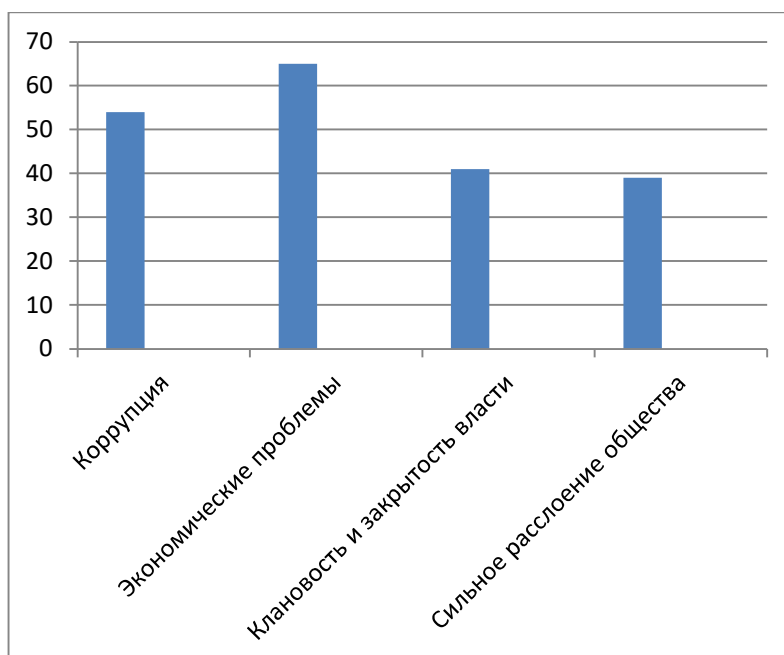
Во многом это может быть связано с тем, что 78% опрошенных считают, что у рядовых граждан мало реальных возможностей для влияния на политику, на власти в Казахстане. 8% полагают, что у рядовых граждан много реальных возможностей для влияния на политику, на власть. 9% затруднились ответить (Рис. 16).

Рис. 16. Возможность граждан влиять на политику

На вопрос о том, каковы главные причины недовольства граждан Казахстана, принимающих участие в протестах, ответы оказались следующими (с возможностью выбрать более одного пункта): 65% экономические проблемы; 54% отметили коррупцию; 41% отметили клановый и закрытый характер власти. 39% указали на сильное расслоение общества; 9% затруднились ответить (Рис. 17).

Рис. 17. Основные причины недовольства граждан Казахстана

87% респондентов посчитали, что большое значение в политике Казахстана имеет разделение населения по регионам: запад, юг и центр, в основном (север чаще всего отмечается как политически пассивный). 92% отметили, что в акциях протеста подавляющее число участников составляют представители казахского этноса.

Рассмотрение основных случаев политического протеста в Казахстане позволяет сделать вывод о том, что на протяжении последних двадцати лет система власти последовательно сокращает и без того небольшие возможности для институционального выражения недовольства населением государственной политикой. Если в 2004 г. для альтернативных политических сил и рядовых граждан Казахстана существовала реальная возможность выразить несогласие с действиями власти путем участия в парламентских выборах, то уже в 2007 г. она оказалось фактически ликвидирована. Эту негативную динамику можно проследить по данным голосования за старейшие оппозиционные движения: «Ак жол», «Демократический выбор Казахстана» (ДВК), организованный в 2001 г. оппозиционными местными олигархами, а также Коммунистическая партия Казахстана (КПК, преемница казахстанского подразделения КПСС, лишена официальной регистрации в 2015 г.). Так, в 2004 г. суммарно «Ак жол», ДВК, а также КПК по итогам парламентских выборов по партийным спискам получили довольно высокие результаты: в Актюбинской — 13,08%, Атырауской — 11,43%, Западно-Казахстанской — 17,63%, в Кызылординской области — 43,85%, в Мангистауской — 36,31%¹⁵⁸. При этом для размывания протестного электората в указанном году действующая власть совершила ряд успешных маневров: расколола КПК и ДВК на части: ДВК на умеренную «Ак жол» и более решительную и неуступчивую собственно ДВК¹⁵⁹, а КПК была разделена на Народную партию Казахстана и собственно КПК.

¹⁵⁸ Жусупов С. Какой парламент мы получили, или Размышления после выборов // Эксперт-Казахстан. 2004. № 19. 11-24 октября.

¹⁵⁹ Кармазина Л. Сравнительный анализ институционализации партийных систем Казахстана и России // Центральная Азия и Кавказ, 2009, № 1 (61). С. 132—144.

Как видно, доля протестного голосования весьма значительна, особенно с учетом давления и активного использования административного ресурса. Если к этим показателям добавить проценты неявки, которая, как выяснилось, отразила недоверие и недовольство избирателей, то в реальности оппозиционные силы могли бы рассчитывать, как минимум на половину голосов избирателей указанных регионов, ведь явка в западных областях составила от 42,70 до 57,69%¹⁶⁰. Таким образом, в начале 2000-х гг. в Казахстане наблюдался очень высокий политико-протестный потенциал, который практически не имел каналов для своего выражения, кроме участия в парламентских выборах.

В дальнейшем система власти нацелилась на ликвидацию этого канала. На парламентских выборах в Казахстане административный ресурс стал применяться в больших масштабах, что привело к радикальному снижению результатов голосования за оппозиционные силы и практически свело на нет возможность выражения политического протеста этим способом. Кроме того, в 2006 г. две умеренно протестные силы – «Ак жол» и «Народная партия Казахстана» (НПК) начали открытое сближение с системой власти. Видимо, в этот период еще одной реальной протестной партией (кроме ДВК и КПК) можно считать только Общенациональную социал-демократическую партию (ОСДП). Например, на внеочередных парламентских выборах 2007 г. за ОСДП проголосовали: в Актюбинской — 2,62%, Атырауской — 1,22%, Западно-Казахстанской — 3,66%, в Кызылординской области — 6,38%, в Мангистауской — 0,98%¹⁶¹. Как видно, согласно официальным данным, протестное голосование за три года снизилось в разных регионах в 10-40 раз. Такие цифры, конечно же, не могут не вызывать сомнения. Еще более низкие показатели голосования за ОСДП были зафиксированы в электоральных циклах 2011 г. и 2016 г., когда в разных регионах партия не набирала и 2% голосов избирателей. Примечательно, что, несмотря на очень заметные различия (этнические, экономические,

¹⁶⁰ Жусупов С. Какой парламент мы получили, или Размышления после выборов // Эксперт-Казахстан. 2004. № 19. 11-24 октября.

¹⁶¹ Смагулов К., Насимова Г. Анализ протестных настроений в западных областях Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. Вып. 3. С. 42-51.

географические и так далее), между шестнадцатью регионами Казахстана, особенно между южными и северными, официальные итоги голосования по всем политико-территориальным единицам республики мало отличаются друг от друга. ЦИК представляет данные, согласно которым избиратели разных субъектов голосуют практически одинаково, разница сравнима со статистической погрешностью в 2%. В связи с этим М. Казначеев отмечает, что за власть в Казахстане отдают голоса не граждане, а марионеточные избирательные комиссии, которые «нарисуют» любой результат на выборах», что «власть в Казахстане по факту не является электоральной и практически не зависит от настроений электората»¹⁶².

Ясно, что официальные итоги парламентских выборов после 2007 г. в Казахстане не могут считаться релевантным показателем для аналитического рассмотрения протестных настроений в казахском обществе.

Сопоставительный анализ случаев позволяет определить основную территорию политического протеста в Казахстане – это западные области республики: Атырауская, Кызылординская, Мангистауская области. На их пространстве сложились особые условия для роста политического протеста: узкая специализация; расширенная миграция; преобладание населения, не имеющего высшего образования; высокие цены.

Узкая специализация географического региона. На западе Казахстана наиболее развита лишь одна отрасль экономики – нефтедобывающая промышленность. Доля нефтедобывающей промышленности в ВРП западных областей Казахстана составляет от 89% (Актюбинская область) до 99% (Мангистауская область). Остальное – это сельское хозяйство. Нефтедобывающая промышленность – становой хребет казахстанской экономики – своими относительно высокими доходами привлекла в западные области множество мигрантов. Как отмечают эксперты, работники не слишком трудоемких нефтедобывающих компаний получают большие заработные платы

¹⁶² Казначеев М. Социально-политические последствия девальвации тенге [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31506099 (дата обращения 01.05.2023).

в сравнении с работниками предприятий других отраслей, особенно в аграрном производстве, где заработная плата в три-четыре раза меньше¹⁶³.

Фактор миграции. Мигранты на западе Казахстана – в подавляющем большинстве казахи по этнической принадлежности, которые, в основном делятся на две крупные группы: местные казахи и казахи, прибывшие из-за рубежа (репатрианты) – так называемые кандасы (или оралманы).

Эксперты подчеркивают, что «горизонтальная мобильность молодых казахстанцев в поисках хорошей работы нередко ограничивается именно властями»¹⁶⁴. Дело в том, что органы государственной власти в Казахстане искусственно сдерживают и ограничивают внутреннюю миграцию из села в город при помощи, прежде всего, репрессивных мер: постоянно проверяют прописку и назначают штрафы за проживание не по месту постоянной регистрации, отслеживают аренду квартир в городах и преследуют арендодателей, предоставляющих жилье сельчанам и прочие.

Фактор образования. На западе Казахстана в сравнении с другими территориями республики проживает менее всего людей, имеющих высшее образование. Так, в среднем по стране образование высшее имеют 56,5% населения, но, например, в Атырауской области этот показатель составляет 47,1%, в Кызылординской области – 43,7%, в Мангистауской области — 41,6%.

Те же самые кандасы, главным образом, являются рабочими низкой квалификации. Более 60% имеют только школьное (общее среднее) образование. Среднее специальное образование имеют 20,5%. Без образования – почти 10%. Высшее образование имеют 8,7%¹⁶⁵.

Фактор цен. Вследствие отмеченной выше ярко выраженной узкой отраслевой специализации на нефтедобыче и слабого развития сельского хозяйства западные регионы не могут обеспечить себя продовольствием и ввозят

¹⁶³ Ценности и идеалы независимого Казахстана; под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. С. 304.

¹⁶⁴ Мамырайымов, Т. Протестный потенциал в Казахстане: риски и прогнозы [Электронный ресурс]. URL: <https://cabar.asia/ru/protestnyj-potentsial-v-kazahstane-riski-i-prognozy-2> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁶⁵ За 24 года в Казахстан прибыло почти миллион оралманов [Электронный ресурс]. URL: <https://kapital.kz/gosudarstvo/47713/pochti-million-oralmanov-pribylo-v-kazakhstan-za-25-let.html> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

его извне, что обуславливает заметно более высокий уровень цен на продукты и, соответственно, более высокую стоимость жизни¹⁶⁶.

Жанаозен (Новоузенск), находящийся в упоминаемой выше Мангистауской области, является постоянным центром социальных волнений и политического недовольства, его жители имеют сравнительно большой опыт коллективных действий и участия в массовом протесте. Большой резонанс имели события 2011 г. – акции социального протеста и крупная забастовка работников компаний «Каражанбасмунай» и «Озенмунайгаз», являющихся дочерними предприятиями государственной нефтегазовой компании «КазМунайГаз».

Кстати, правительственные СМИ поспешили обвинить в произошедшем кандасы, однако, эта версия не выдерживает критики, потому что кандасы держатся обособленно, весьма слабо интегрированы в городское сообщество, не принимают местные нормы и устои¹⁶⁷. Со своей стороны местные казахи, как отмечалось выше, не проявляют симпатии к кандасам, относятся к ним настороженно и даже неприязненно.

Массовый протест 2011 г. сразу же обрел политическую окраску, хотя и был вызван сугубо трудовыми и социально-экономическими причинами (трудовые конфликты между работниками и администрацией предприятия, проблемы с заработной платой и условиями труда) и коренился в более ранних событиях, восходящих к 2008 г., когда открыто обозначились серьезные противоречия, и начались забастовки нефтяников.

Хронология событий, относящихся непосредственно к протесту 2011 г., началась еще в 2010 г. с трудового спора между работниками и дирекцией на нефтяном предприятии «Каражанбасмунай». Дело в том, что на протяжении более чем года на работников оказывалось разного рода давление, был жестоко избит заместитель руководителя профсоюза ОО «Профсоюз работников

¹⁶⁶ Киндоп И. Где в Казахстане жить хорошо, или рейтинг городов страны по стоимости жизни [Электронный ресурс]. URL: <https://kaztag.kz/ru/content/gde-v-kazakhstane-zhit-khorosho-ili-renking-gorodov-strany-po-stoimosti-zhizni> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁶⁷ Шибутов М., Шибутова Л. Индекс социальной напряженности в Казахстане в апреле [Электронный ресурс]. URL: https://vlast.kz/obshestvo/indeks_socialnoj_naprjazhennosti_v_kazahstane_v_aprele-582.html (дата обращения: 01.05.2023 г.).

Каражанбаса» А. Айдарбаев, дом его был подожжен. Обстановка особенно накалилась после проведения 2 июня мирного собрания бастующих нефтяников перед зданием администрации (акиматом) Мангистауской области в Актау, в ходе которой собравшиеся безрезультатно просили о встрече с главой области (акимом) К. Кушербаевым для передачи ему обращения президенту Н. Назарбаеву. После этого был убит профсоюзный активист Ж. Турбаев, была похищена и убита дочь председателя профсоюзного комитета рабочих компании «Озенмунайгаз» К. Карабалаева и так далее¹⁶⁸. По фактам совершенных преступлений протестующие в лице юриста независимого профсоюза Н. Соколовой безуспешно обращались к центральной власти: к премьер-министру и генеральному прокурору. Наиболее активные и заметные участники протеста – Н. Ажигалиева, А. Аминова, Н. Соколова – подверглись судебным преследованиям по обвинениям в разжигании розни.

По словам лидера партии «Алга» В. Козлова, «местная власть, руководство „Озенмунайгаз“ и правоохранительные органы Мангистау сознательно провоцируют бастующих и голодающих рабочих на бунт»¹⁶⁹. Впоследствии В. Козлов оказался под следствием как один из «организаторов беспорядков», в вину ему было вменено, помимо прочего, преднамеренная подготовка общественного мнения к бунту в Жанаозене.

На протесты откликнулась мировая общественность. «Международная амнистия» признала А. Аминова и Н. Соколову узниками совести. Член Европейского парламента, депутат, член Социалистической партии П. Мёрфи (Ирландия) выразил поддержку протестующим и направил им письмо¹⁷⁰. Также в поддержку протестующих выступила «Международная организация трудящихся и народов»: генеральный секретарь Алжирской партии трудящихся

¹⁶⁸ Казахстан: Нефтяники Жанаозена продолжают забастовку. Лидер стачкома Наталья Ажигалиева арестована на 15 суток [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fergananews.com/news.php?id=17270> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁶⁹ Власть открыто провоцирует рабочих Мангистау на бунт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.algadvk.kz/ru/about/coord/32/2071/> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁷⁰ Депутат Европейского парламента поддержал нефтяников Каражанбаса [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti.kz/society/deputat-evropeyskogo-parlamenta-podderjal-neftyanikov-87923/> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

Л. Ханун и секретарь Независимой рабочей партии Франции Д. Глюкштейн подписали обращение к президенту Н. Назарбаеву¹⁷¹.

Эти обстоятельства приводятся для того, чтобы показать крайнюю остроту и кровопролитность противостояния, в котором при бездействии власти для подавления протестующих применялись самые жесткие, радикальные, криминальные средства.

В этих условиях народное недовольство ширилось, протест нарастал и все более политизировался. 14 декабря 2011 года актив протестующих обнародовал обращение к нефтяникам с требованием отставки президента Н. Назарбаева¹⁷².

Кульминации протест достиг 16 декабря – в День независимости Казахстана. Тогда, если верить официальной версии, группы протестующих атаковали полицейских, подожгли транспортные средства силовых структур, нанесли повреждения городскому имуществу, попытались захватить, оружие, административные здания и другие объекты. В ходе акций силовые подразделения последние применили боевое оружие, открыли огонь по протестующим. В результате, по официальным данным, пятнадцать человек погибло, сотни было ранено и арестовано¹⁷³.

СМИ сообщили, что в уличных акциях массового протеста приняли участие от одной до трёх тысяч человек¹⁷⁴.

До сегодняшнего дня не представляется возможным дать объективный анализ событиям в Мангистауской области, так как в открытом доступе нет достаточного количества фото- видеоматериалов и свидетельств очевидцев. В распоряжении исследователей имеются только малое число любительских кадров невысокого качества, снятых на бытовые видеокамеры (телефоны). В

¹⁷¹ Растёт международная кампания солидарности с казахстанскими нефтяниками [Электронный ресурс]. URL: <https://nw.com.ua/> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁷² Долой президента! Выходим на площадь! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.respublika-kz.info/news/politics/19297/> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁷³ Пулями протест не залечишь [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/510056> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁷⁴ Более тысячи человек стали участниками массовых беспорядков на западе Казахстана [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/online/news/1043216/> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

период наиболее активной фазы уличных акций журналисты отсутствовали на местах происшествий, пресса прибыла позднее, после стрельбы.

Политической реакцией протестов стало решение Конституционный совета Казахстана и ЦИК Казахстана об отмене парламентских выборов в Жанаозене под предлогом чрезвычайного положения, объявленного в городе. Однако Н. Назарбаев со ссылкой на необходимость соблюдения избирательных прав граждан наложил вето на данное решение, и оно было отменено¹⁷⁵.

Официальной реакция действующей власти можно считать слова лице президента Н. Назарбаева, который заявил о том, что в Жанаозене прошли «беспорядки, устроенные организованной преступной группой лиц и противниками власти, находящимися за границей», которые «использовали нефтяников», что «трудовой спор нефтяников нельзя смешивать с деяниями бандитствующих элементов, которые хотели воспользоваться ситуацией для своих преступных замыслов»¹⁷⁶.

Ссылка на криминальный фактор небезосновательна. Статистика показывает рост преступности в областях Западного Казахстана. С 2005 г. по 2015 гг. число совершенных правонарушений возросло в Атырауской области в 2,8 раза, в Мангистауской области в 12,8 раза, в Западно-Казахстанской области – в 5,3 раза¹⁷⁷. При этом надо понимать, что в это же время приток внешних мигрантов снижался¹⁷⁸.

Эксперты объясняют рост преступности увеличением численности внутренних мигрантов, прибывающих в города из сельской местности, основную

¹⁷⁵ Конституционный совет Казахстана отменил свое постановление о невозможности проведения выборов в Жанаозене [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20120111191405.shtml> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁷⁶ Сегодня в Акорде под председательством Главы государства Нурсултана Назарбаева состоялось заседание Совета Безопасности [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/news/2011/12/segodnya_v_akorde_pod_predsedatelstvom_glavy_gosudarstva (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁷⁷ Смагулов К., Насимова Г. Анализ протестных настроений в западных областях Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. Вып. 3. С. 45.

¹⁷⁸ Смагулов К., Насимова Г. Анализ протестных настроений в западных областях Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. Вып. 3. С. 45.

часть которых – 48,3%¹⁷⁹ – составляет молодежь из южных областей Казахстана, где безработица достигает 60-70%¹⁸⁰. Эта группа населения пытается решить проблему трудоустройства, однако, на новом месте это происходит не всегда успешно. Напротив, возникают новые трудности финансового, социального, психологического характера. Прибывшие из сельской местности юга не спешат принимать городские порядки и устои, придерживаются собственной традиции, компактно селятся на окраинах и пригородах, создавая собственные ареалы. С одной стороны, это увеличивает разрыв между внутренними мигрантами и горожанами, с другой – ослабляет и подрывает городскую культуру, способствует расширению маргинальных слоев общества. В связи с этим как среди коренных горожан, так и среди новоприбывших растут протестные настроения, имеющие разную направленность. Если первые в большинстве своем недовольны ухудшением положения, условий жизни, бездействием местных властей (и отчасти центральных), то вторые чаще всего испытывают отчуждение, фрустрацию, озлобление.

Коренные горожане становятся заложниками «ложной урбанизации», отражающей превышение притока желающих трудоустроиться сельчан над реальным спросом на рабочую силу и обусловленную этим критическую нагрузку на мало подготовленную к миграционной экспансии городскую инфраструктуру и социальную сферу. В совокупности эти факторы ведут к общему снижению уровня жизни и обнищанию населения¹⁸¹.

В этих условиях выходцы из села, не находя решений имеющимся проблемам, под грузом новых трудностей, ищут помощь в традиционных институтах, создают землячества и другие неформальные организации. Ситуация с различиями между городом и селом в Казахстане и Кыргызстане, в целом, похожая, хотя в каждой из стран наличествует некоторая специфика.

¹⁷⁹ Ешпанова Д. Социально-демографические характеристики молодежи Казахстана / Социальная активность молодежи Казахстана в современных социально-политических реалиях. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2014. С. 16.

¹⁸⁰ Лим, В., Илеуова, Г.: Оппозиция до сих пор не может прийти в себя. [Электронный ресурс]. URL: <https://nomad.su/?a=3-200512311210> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁸¹ Мамырайымов, Т. Протестный потенциал в Казахстане: риски и прогнозы [Электронный ресурс]. URL: <https://cabar.asia/ru/protestnyj-potentsial-v-kazahstane-riski-i-prognozy-2> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

Общее состоит в том, что городское население в республиках сложилось преимущественно в советский период модернизации на социальной базе русских мигрантов. Поэтому города были, в основном, населены русскими, а села – коренными жителями республик. Таким образом, различия между городом и селом оказывались, прежде всего, межэтническими различиями. После падения СССР в города массово направились выходцы из сельской местности, что обусловило некоторый рост напряженности. Стабильность удалось сохранить во многом по причине оттока русских из обеих республик (что негативно сказалось на экономике и социальной сфере). В настоящее время от этого раскола остался лишь небольшой остаточный негативный фон, не представляющий большой угрозы, но оказывающий некоторое влияние на обстановку. Масштабный наплыв сельчан вызвал реакцию горожан, недовольных снижением культурного уровня и степени комфорта, угрозами безопасности, которые были небезосновательны. Дело в том, что выходцы из села, вырвавшиеся из оков местной традиции и надзора родственников, выражали свою свободу своеобразно, допускали неподобающее поведение, часто расшатывая стабильность, что приводило к уличным стычкам. Так, особенно в местах компактного проживания мигрантов, возникает питательная среда для радикализации общества, для возникновения преступных группировок, для расширения исламского фундаментализма.

Таким образом, наблюдается накопление и расширение протестного потенциала, что происходит на фоне укрепления исламской религии. Если ранее, в начале 2000-х гг., приверженцы ислама проживали преимущественно в селах Казахстана, то с ростом миграции и социальных проблем заметны быстро исламизируются городское население, особенно молодежь. Например, в Кызылординской области 36% молодых людей считают себя мусульманами и посещают мечети¹⁸².

¹⁸² Умбеталиева Т., Ракишева Б., Тешендорф П. Молодежь Центральной Азии. Казахстан. На основе социологического опроса. Алматы, 2016. С. 115.

Исламские фундаменталисты, которые организуют силовые акции и террористические акты, сегодня занимают особое место в политико-протестном движении в Казахстане. Как известно, фактический запрет не только на выражение несогласия с действиями властей, но и на выражение альтернативной точки зрения неизбежно усиливает скрытое недовольство в обществе, влечет за собой радикализацию тех его частей, которые или ощущают себя наиболее ущемленными, или чьи ценности и образ жизни серьезно расходятся с теми, что официально поддерживаются действующей властью. Поэтому в Казахстане запретительные и ограничительные действия власти стали значимым фактором в деле расширения исламского фундаментализма. Действительно, столь быстрое расширение круга приверженцев воинственных религиозных течений стало следствием многих нерешенных и замалчиваемых проблем, а также жесткого давления со стороны власти на инакомыслящих.

Примечательно, что исламские фундаменталисты в Казахстане чаще всего активизируются в периоды заметного нарастания протестных настроений у населения. Например, весной 2016 года в республике прошли многочисленные митинги против поправок в Земельный кодекс Республики Казахстан, разрешающих продавать или сдавать в аренду иностранным гражданам земли сельскохозяйственного назначения. Эти протесты прошли по всей стране, особенно много их было на западе (см. ниже). На фоне указанных событий пятого июня 2016 года в г. Актюбинске исламские фундаменталисты устроили серию терактов в оружейных магазинах и около воинской части была устроена.

Более ранние заметные теракты произошли в 2011 г. и 2012 г. годах в Актюбинской и Атырауской областях. Они также были направлены против силовых структур.

Серьезным препятствием для исследования исламских фундаменталистов как части протестного движения в Казахстане является то, что это они представляют собой отдельные группировки, которые максимально закрыты для внешнего наблюдателя и ведут подпольную деятельность.

Наиболее громко исламские фундаменталисты заявили о себе в западных регионах Казахстана: Актюбинской, Атырауской, Западно-Казахстанской, Кызылординской, Мангистауской областях. Помимо географии их объединяет специализация на добыче нефти и газа, что заметно влияет на их экономическое состояние.

Исламский фактор, углубляющий раскол между религиозным и светским началом в обществе и государстве, действует в равной мере как в Казахстане, так и Кыргызстане. И казахи и кыргызы вплоть до времен СССР были кочевыми народами, которые не отличались высокой степенью религиозности (в отличие, например, от узбеков), ислам в их среде тесно перемешивался с местными верованиями и традициями. В советский период секуляризация разделила общество на старшее поколение и новое, придерживающееся атеистических взглядов. В 1990-е гг. началось религиозное возрождение, которое сразу же разделило общественность. С одной стороны, среди старшего поколения восстанавливалась местная традиция умеренного ислама некогда кочевых народов. С другой стороны, среди молодежи набрало силу влияние ортодоксального и радикального ваххабитского учения, продвигаемого Саудовской Аравией и ее религиозными союзниками (Турция, Египет и другие) путем приглашения на учебу, строительства многочисленных мечетей и медресе, щедрого финансирования сторонников. По причине централизации и сильного административного контроля в Казахстане процесс исламизации проходит заметно сдержаннее, в нем довольно высока численность нерелигиозной молодежи, а также число умеренно религиозных людей среди всех поколений. Напротив, в Кыргызстане укрепились организации, признанные экстремистскими. Многие кыргызы (казахи в меньшем количестве, главным образом, из южных областей) оказались на службе запрещенной и признанной террористической в России организации «Исламское государство», что указывает на высокие риски для социально-политической стабильности в этой республике. Вместе с тем часть проблем в Казахстане может быть скрыта,

подлинный масштаб и глубина радикализации могут быть больше, что показали ряд акций.

Примечательно, что в Казахстане, согласно социологическим исследованиям, проведенным в 2013 году, 23,7% респондентов посчитали высокой вероятность акций протеста в Атырауской области, 16,7% посчитали высокой вероятностью акций протеста в Мангистауской области. В качестве главных проблем опрошенные назвали: задержки по выплате заработной платы (34,3%), коррупцию (33,4%), жилищно-коммунальное хозяйство (28%)¹⁸³.

По данным опросов, население часто «указывает на высокое доверие к центральным органам власти и сравнительно низкое доверие к местным администрациям и представительным органам. Это обусловлено тем, что население основные социальные проблемы – безработицу, бюрократизм, бедность, инфляцию, коррупцию и так далее – связывает с работой своего непосредственного руководства»¹⁸⁴. Такие данные говорят о низкой компетентности большинства казахстанцев, ведь система власти в Казахстане, вряд ли это преувеличение, является вертикально интегрированной, местные органы во всех отношениях (экономическом, политическом и так далее) находятся в зависимости от центральной власти.

Продолжавшиеся почти месяц (с 24 апреля по 21 мая 2016 г.) так называемые земельные протесты в Казахстане стали еще одной серией несанкционированных массовых акций выражения недовольства граждан, начавшихся с причин социального, правового и экономического характера, но быстро приобретшие политическую окраску. Начало было положено, как и в предыдущих случаях, на западе Казахстана – в г. Атырау 24 апреля 2016 г. Позднее акции прошли в Актюбинске, Жанаозене, Уральске, а также на Северо-Востоке республики – в Семее и Павлодаре. В Актау, Алма-Ате, Астане и Кызыл-Орде попытки проведения митингов были пресечены.

¹⁸³ Ценности и идеалы независимого Казахстана. Коллективная монография. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015.

¹⁸⁴ Ашимбаев Д. Электоральные предпочтения населения Казахстана в период избирательных кампаний 2004—2005 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://nomad.su/?a=2-200604040313> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

Поводом стали планируемые поправки в Земельный кодекс, разрешающие долгосрочную аренду земли для иностранцев, а также правительственное объявление о продаже на аукционах 1,7 млн га сельскохозяйственных земель с 17 июля 2016 г. Возможно, более важным фактором стало общее ухудшение финансово-экономического положения, вызванного снижением цены на нефть, девальвацией национальной валюты на 85,2%¹⁸⁵ (последнее произошло вопреки личным обещаниями Н. Назарбаева)¹⁸⁶, большой инфляцией (13,6% в 2015 г.), синофобскими настроениями и другими кризисными явлениями¹⁸⁷.

В первые дни акции проходили относительно спокойно и мирно. Полицейские подразделения, главным образом, наблюдали за происходящим со стороны, не предпринимали попыток силового подавления, представители администрации, вышедшие на переговоры, предлагали протестующим уйти с улиц и принять участие в других форматах обсуждения. Разгоны и задержания митингующих начались позднее. В этот раз, насколько известно, обошлось без стрельбы по протестующим, люди не погибли.

Как обычно, участниками в подавляющем большинстве были представители казахского этноса, русских почти не наблюдалось¹⁸⁸.

Политизация протеста началась еще до массовых уличных акций: 11 апреля группа известных общественных деятелей опубликовала открытое письмо президенту Н. Назарбаеву с предостережением о том, что «если землю сдадут в аренду или продадут иностранцам, то народ пойдет на чрезвычайные меры», «народ может восстать»¹⁸⁹.

Об этом протесте (как, впрочем, о других) известно немного вследствие традиционного замалчивания большинством казахстанских СМИ. Официальное

¹⁸⁵ Толеуханова А. Казахстан: «Земельные протесты» — отражение недовольства общим положением дел в стране? [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasianet.org/kazakhstan-land-issue-foundation-wider-anger> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁸⁶ Н. Назарбаев: Девальвации не будет, как работали, так и работаем [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/4706930-n.nazarbaev-devalvacii-ne-budet-kak.html> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁸⁷ Зубов А. Кризис наступает: в Казахстане продолжают увольнять работников. [Электронный ресурс]. URL: <https://365info.kz/2016/04/krizis-nastupaet-v-kazahstane-prodolzhayutsya-uvolneniya-rabotnikov> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁸⁸ Дуванов С. Куда делись бледнолицы? // Республика. 2016. 29 апреля.

¹⁸⁹ Интеллигенция призывает Назарбаева быть осторожным [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.azattyq.org/a/zemelnyy-vopros-obraschenie-k-nazarbaevu/27680758.html> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

информирование велось очень скупо, с большой задержкой, временным лагом. Единственным источником более или менее надежных сведений являются тематические группы в социальных сетях и отдельные оппозиционные сайты. Однако почти сразу после начала массовых протестов в Казахстане оказались заблокированы крупнейшие социальные сети (VK, Facebook, Twitter) и мессенджеры (Whatsapp, Viber), а также интернет-ресурсы, освещавшие выступления недовольных граждан¹⁹⁰.

Система власти использовала контрпропаганду. Так, 29 апреля и в середине мая в новостном выпуске на «Первом канале Казахстана» было сообщено, что организаторы протестов работали по заказу из-за рубежа и получали вознаграждение (50-150 долларов) за каждого, кого привели на митинги¹⁹¹. Однако сами организаторы при помощи доступных им каналов массовой коммуникации опровергли эти заключения¹⁹².

Реакция власти была несколько противоречивой. Вначале Н. Назарбаев заявил о том, что «необходимо наказать всех зачинщиков дезинформации» о поправках в Земельный кодекс Казахстана¹⁹³. Однако позднее под огнем критики за «недоработку земельной реформы» оказались правительственные чиновники профильных министерств в недоработке земельной реформы¹⁹⁴. В итоге Н. Назарбаев наложил мораторий на некоторые новации Земельного кодекса, отправил в отставку вице-министра национальной экономики К. Ускенбаева,

¹⁹⁰ Фролов А. В Казахстане временно оказались заблокированы крупнейшие соцсети и мессенджеры [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/flood/15628-kaz-block> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁹¹ За провокации в Казахстане хорошо заплатили. Первый канал Казахстана [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-48479267_456239019 (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁹² Программу Первого канала Казахстана высмеяли в соцсетях [Электронный ресурс]. URL: <https://informburo.kz/novosti/programmu-pervogo-kanala-kazahstana-vysmeyali-v-socsetyah-.html> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁹³ Даркеев Б. Назарбаев потребовал наказать провокаторов, поднявших шум вокруг продажи земель [Электронный ресурс]. URL: <https://informburo.kz/novosti/nazarbaev-potreboval-nakazat-provokatorov-podnyavshih-shum-vokrug-prodazhi-zemel.html> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁹⁴ Назарбаев отчитал министров за их закрытость [Электронный ресурс]. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-otchital-ministrov-za-ih-zakryitost-293913 (дата обращения: 01.05.2023 г.).

министр национальной экономики Е. Досаев и министр сельского хозяйства А. Мамытбеков подали в отставку¹⁹⁵.

Одним из наиболее примечательных результатов стало создание министерства информации и коммуникации Казахстана, которое, согласно по личному распоряжению Н. Назарбаева, должно заниматься «контролем информационного пространства и выработкой информационной политики государства»¹⁹⁶.

Новый этап роста протестных настроений в Республике Казахстане обозначился с 2017 г. Ключевым событием стала забастовка шахтеров угольного департамента транснациональной металлургической компании ArcelorMittal в Карагандинской области. В этих событиях четко обозначилась важная специфика казахстанского протеста – инициирование по экономическому и трудовому поводам с дальнейшим присоединением политических мотивов. Так, 11 декабря 2017 г. после смены рабочие не вышли из забоя и выдвинули ряд требований экономического характера, а именно: увеличение заработной платы с последующим ее индексированием в соответствии с уровнем инфляции, предоставление льготной пенсии с 50 лет, а не с 63 лет и другое.

Политическое измерение ситуация обрела ввиду того, что она произошла ввиду Дня независимости Казахстана и мгновенного вовлечения местных властей. С находящимися в забое шахтерами несколько раз встречались глава (аким) области и члены областного правительства. Кроме того, к переговорам подключились первый заместитель министра инвестиций и развития Казахстана, заместитель председателя Комитета по труду министерства труда Казахстана, прокурор Карагандинской области. Особые переговоры провели премьер-министр Казахстана Б. Сагинтаев и председатель совета директоров компании Л. Миттал. Однако попытки договориться не привели к результату, который

¹⁹⁵ Мамытбеков ушел с поста министра сельского хозяйства [Электронный ресурс]. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/ministr-selskogo-hozyaystva-asyiljan-mamyitbekov-podal-293985 (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁹⁶ Половинко В., Глушкова С. Министерство информации или «министерство правды»? [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.azattyq.org/a/ministerstvo-informacii-i-kommunikacij-kazakhstan-dauren-abaev/27719688.html> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

удовлетворил бы обе стороны и выступивших посредниками должностных лиц местного и центрального правительства. Ни к чему не привела и работа согласительной комиссии, в состав которой вошли представители трудового коллектива, представители администрации предприятия, представители работников угольной отрасли «Коргау»¹⁹⁷. Для протестующих оказалось неприемлемым предложение работодателей об увеличении заработной платы на 20%. Для преодоления кризиса был использован административный ресурс и задействован суд: дирекция предприятия подала иск, в котором просила признать забастовку незаконной, что и было сделано: вышло судебное постановление, обязывающее прекратить акцию. Вместе с тем были сделаны и некоторые уступки протестующим: в частности, заработная плата шахтерам была повышена на 30%.

Местные эксперты-политологи дали схожие оценки случившемуся. Большинство согласилось с тем, что профсоюз угольщиков наглядно показал свою недееспособность, его участие было декоративным, в сложившихся условиях он не смог бы сыграть какой-либо значимой роли в урегулировании конфликта. Д. Сатпаев предположил, что случай на шахте «с управленческой точки зрения, это провал ошибочной политики ослабления профсоюзного движения, которая ликвидировала один из социальных предохранителей трудовых конфликтов»¹⁹⁸. В свою очередь, Г. Ергалиева отметила, что «в Казахстане не может быть никакого независимого либо гражданского протеста – все это шантаж кланов, связанных с внешними игроками»¹⁹⁹.

Одна из крупнейших за последнее десятилетие серия акций политического протеста на всем евразийском пространстве также началась на западе Казахстана в Жанаозене (Мангистауская область), затем охватила соседнюю Атыраускую

¹⁹⁷ Ионова Е. Казахстан: тенденции политического развития // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 1. С. 68-81

¹⁹⁸ Забастовка шахтеров Караганды – удар по репутации властей [Электронный ресурс]. URL: <https://learngerman.dw.com/ru/застовка-шахтеров-караганды-справедливое-негодование-или-провокация/a-41795671> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

¹⁹⁹ Забастовка шахтеров Караганды – удар по репутации властей [Электронный ресурс]. URL: <https://learngerman.dw.com/ru/застовка-шахтеров-караганды-справедливое-негодование-или-провокация/a-41795671> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

область и далее Акмолинскую, Актюбинскую, Восточно-Казахстанскую, Западно-Казахстанскую, Карагандинскую, Туркестанскую, Костанайскую, Павлодарскую, Северо-Казахстанскую области, включая города республиканского значения Алма-Ату, Нур-Султан, Шымкент, и продолжалась со 2 по 7 января 2022 г.

Поводом вновь стали трудности социально-экономического характера, а именно – стремительное повышение цены на сжиженный газ, который очень востребован в Жанаозене, особенно среди автомобилистов. Также среди причин назывались, как и в 2011 г., большое неравенство доходов, сильное социальное расслоение, масштабная коррупция и незаконное обогащение чиновников, жестокость полиции, рост цен, грубые нарушения прав и свобод человека, нахождение у власти Н. Назарбаева и так далее²⁰⁰.

Как и прежде, протест практически сразу же обрел ярко выраженную политическую тональность. Одними из главных требований граждан, вышедших на улицы, помимо радикального снижения цены на сжиженный газ, стали отставка действующего правительства и уход из системы власти бывшего президента Н. Назарбаева. Буквально за считанные часы политический протест радикализировался стремительными темпами. Только в одной Алма-Ате были совершены поджоги правительственных зданий, а также бывшей резиденции президента и акимата (мэрии), был захвачен аэропорт, криминальные элементы начали мародерствовать, местная власть утратила контроль над городом. Центральная власть объявила в стране чрезвычайное положение, санкционировала силовое подавление протестов, разрешила стрельбу из боевого оружия в граждан, начала специальную операцию с помощью сил ОДКБ, объявленную миротворческой и антитеррористической. Войска ОДКБ за 2 дня зачистили города от протестующих.

²⁰⁰ В Казахстане участники «газовых» протестов призвали Назарбаева уйти из политики [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/01/04/ket> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

В ходе подавления протеста 206 митингующих погибло, 4353 было ранено. Со стороны силовых структур погибло 19 и ранено 3393 сотрудников²⁰¹.

Основными формами политического протеста стали митинг, шествие (демонстрация), интернет-активизм, перекрытие автодорог, строительство баррикад, захват правительственных зданий, погромы и поджоги, боевые столкновения с представителями власти и сотрудниками силовых структур.

Согласно данным, полученным корреспондентами Deutsche Welle и подтвержденным представителями партии «Ак жол», которые принимали участие в митингах, беспорядки в городах начали группы людей, никак не связанные с организаторами протеста и мирными протестующими. Поэтому независимыми СМИ и казахстанскими политическими активистами было сделано предположение о том, что беспорядки были устроены специально выпущенными из тюрем заключённые с целью дискредитации мирного политического протеста и создания повода его силового подавления²⁰². В доказательство приводятся факты того, что вначале сотрудники силовых структур не противодействовали погромам, поджогам, мародерству, даже оставляли свои посты, как это случилось перед захватом аэропорта в Алма-Ате.

Нарастанию политико-протестного потенциала способствует неуклонное увеличение социального расслоения и разрыв между минимальными и максимальными доходами населения. Если в 2005 г. наибольшие доходы богатых превосходили наименьшие доходы бедных в четыре раза, то в 2016 г. эта разница была уже в десять раз²⁰³.

Согласно данным, полученным депутатом А. У. Маминым от органов государственной власти Казахстана, в 2020 г. ежемесячная средняя заработная плата в этой стране составляла почти 198 000 тенге (примерно 466 американских

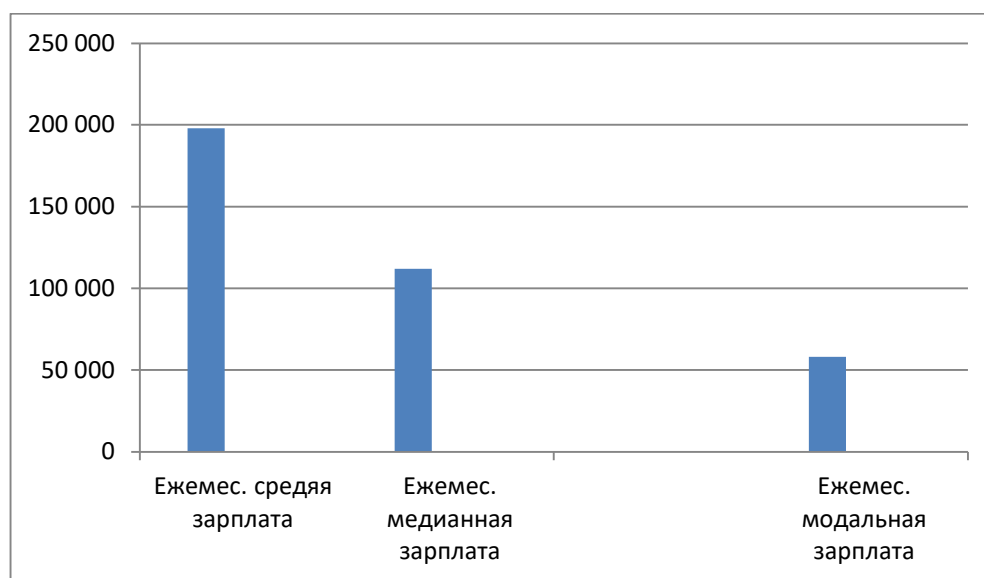
²⁰¹ Звенья одной цепи [Электронный ресурс]. URL: <https://ortcom.kz/ru/ism/16422629> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

²⁰² Протесты и беспорядки в Казахстане: революция, бунт или госпереворот? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/protesty-i-besporjadki-v-kazahstane-revoljucija-bunt-ili-gosperevorot/a-60401290> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

²⁰³ Илеуова Г. Анализ угроз национальной безопасности РК на среднесрочную перспективу [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ofstrategy.kz/index.php/ru/research/politic-research/item/189-analiz-ugroz-natsionalnoj-bezopasnosti-rk-na-srednesrochnuyu-perspektivu/> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

долларов), ежемесячная медианная заработная плата оказалась заметно меньше и составила около 112 000 тенге (почти 264 американских доллара). Таким образом, получается, что половина всех трудоустроенных казахстанцев имеет именно такую заработную плату. Но еще ниже оказалась наиболее часто встречаемая в экономике ежемесячная модальная заработная плата – порядка 58 000 тенге (137 американских долларов)²⁰⁴ (Рис. 18).

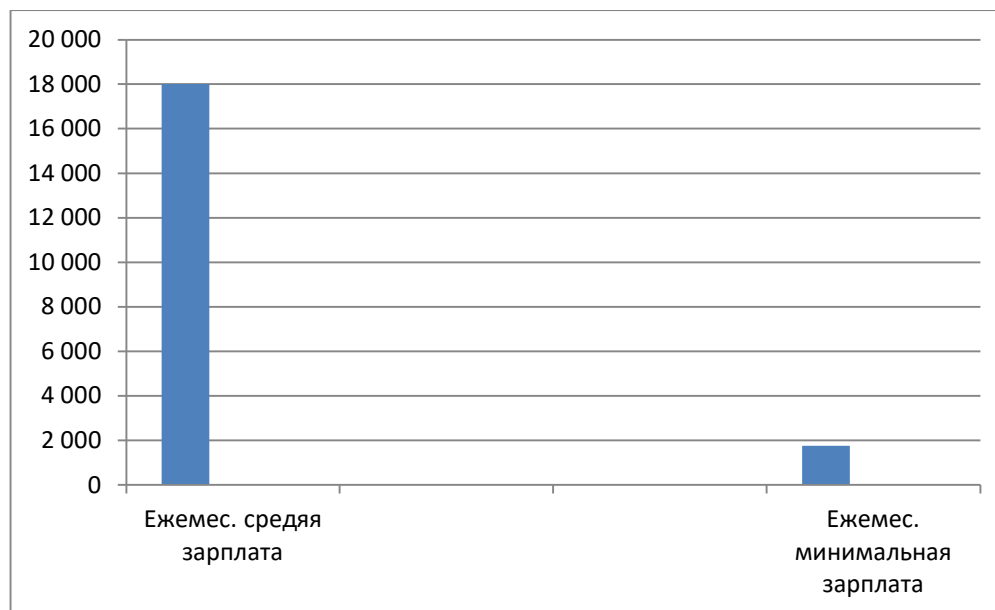
Рис. 18. Заработная плата в Казахстане в 2020 г. (тенге)

Для сравнения в Кыргызстане показатели заработной платы значительно ниже, чем в Казахстане. Так, согласно данным Национального статистического комитета Кыргызстана, минимальная заработная плата в республике составляет 1 750 сомов (21 американский доллар), средняя заработная плата – 18 000 сомов (212 американских долларов), что более чем в два раза ниже, чем в Казахстане. Показатели медианной заработной платы и модальной заработной платы государственные органы республики не публикуют, но ясно, что они низкие (Рис. 19).

²⁰⁴ Мамин А. У. 2020. Ответ на депутатский запрос о минимальной заработной плате и уровне жизни. Депутатские запросы. Официальный интернет-ресурс Мажлиса Парламента Республики Казахстан. URL: <http://www.parlam.kz/ru/mazhilis/question-details/18177>.

Рис. 19. Заработная плата в Кыргызстане в 2020 г. (сом)

При этом стоит иметь в виду о наличии большого разрыва в уровнях заработной платы по регионам. Например, на Западе Казахстана заработная плата заметно выше, чем на Севере и Юге страны, а на Юге Кыргызстана (Баткенская и Ошская области) заработная плата ниже почти в два раза, чем в остальных частях страны.

Кроме того, обсуждение социально-экономических показателей и сравнение их в Казахстане и Кыргызстане наталкивается на ряд значительных трудностей методологического характера. Так, Т. Алиев отмечает, что для определения, в частности, прожиточного минимума в Казахстане рассчитывают размер потребительной корзины, но, во-первых, ее состав обновляется реже, чем в странах Запада и, во-вторых, этот состав подвергается критике из-за явного перекоса в сторону продовольственных товаров в ущерб непродовольственным, а также по причине низкого количества калорий, потребляемых на душу населения (в сравнении со странами Запада)²⁰⁵. С учетом изложенного можно заключить, что социально-экономическое положение жителей обеих республик

²⁰⁵ Алиев Т. М. Бедность в Казахстане // Мировая экономика и международные отношения 2015. № 12. С 105–115.

вряд ли улучшается, скорее, наблюдается постепенное снижение качества жизни и общественного благосостояния. Эта негативная тенденция в сочетании с не самой благоприятной мировой конъюнктурой обуславливает нарастание недовольства среди жителей обеих республик и становится одной из ведущих причин массовых протестов.

Наибольшую фрустрацию и недовольство испытывает молодые люди, особенно из сельской местности, которым недоступны некоторые виды высшего образования, что, соответственно, лишает их перспектив получить престижную и высокооплачиваемую работу в будущем. Только в Атырауской области Казахстана классовое разделение остро ощущает 94% молодежи²⁰⁶.

Еще одним фактором, способствующим сохранению протестного потенциала, является низкая степень представительства западных и северных областей в системе власти Казахстана и в составе правящей группы. Дело в том, что в верховной власти республики преобладают южные кланы. По результатам выборов в Мажилис наблюдается схожая картина. Такая очевидная диспропорция в системе власти, отчуждение от принятия решений, разумеется, не может не волновать политически активную общественность на севере и западе Казахстана. Следствием этого становится в западных и отчасти северных областях повышенная политическая готовность, особенно среди молодых людей. По данным социологических опросов, участвовать в политическом протесте желает молодежь Атырауской (79,4%), Мангистауской (45,7%) и Кызылординской (36,4%) областей²⁰⁷.

Казахстанские эксперты отмечают, что для участия молодежи в работе государственных органов и политических партий республики мало возможностей, социальные лифты отсутствуют²⁰⁸. Также «казахстанские власти своими непропорциональными силовыми мерами способствуют расширению

²⁰⁶ Умбеталиева Т., Ракишева Б., Тешендорф П. Молодежь Центральной Азии. Казахстан. На основе социологического опроса. Алматы, 2016. С. 115.

²⁰⁷ Умбеталиева Т., Ракишева Б., Тешендорф П. Молодежь Центральной Азии. Казахстан. На основе социологического опроса. Алматы, 2016. С. 115.

²⁰⁸ Смагулов К., Насимова Г. Анализ протестных настроений в западных областях Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. Вып. 3. С. 51.

круга протестующих, протестно настроенных людей. Сегрегация, ущемление социальных прав аульчан, внутренних мигрантов в крупных городах практически уже сформировали в их среде отношение к власти, силовикам как основному источнику своих социальных проблем»²⁰⁹.

Таким образом, осуществление политического протеста в Казахстане серьезно осложняется тотальным контролем власти над политическим процессом и над партийной системой. Политическое пространство Казахстана практически закрыто для реальных оппозиционных сил. Действующие запреты на несанкционированные органами власти митинги, шествия, демонстрации, пикеты, а также полная зависимость СМИ от государства делают практически невозможным массовое или индивидуальное публичное выражение какого-либо социального и/или политического недовольства.

Представленные в Мажилисе формально оппозиционные партии Казахстана, а также политические партии, допущенные к участию в парламентских выборах, находятся под контролем действующей власти, фактически, аффилированы с системой власти, что на сегодняшний день мало для кого является секретом. Поэтому протестные группы населения все чаще проникаются неверием в возможность что-то изменить путем голосования, предпочитают не участвовать в выборах, которые считают марионеточными. Наиболее недовольные граждане примыкают к радиальным группировкам, использующим самые крайние методы политической борьбы. Так, с одной стороны, в электоральном поле Казахстана ширится абсентеизм, с другой – нарастает и усиливается политический радикализм. В связи с этим политолог Д. Сатпаев подчеркивает, что причиной радикализации части казахстанского общества стала сама действующая власть, которая провела зачистку умеренной, работающей в правовом поле оппозиции, привлекавшей к себе довольно большое количество граждан с протестными настроениями. Многие из последних, оставшись без прежнего центра политического притяжения,

²⁰⁹ Мамырайымов, Т. Протестный потенциал в Казахстане: риски и прогнозы [Электронный ресурс]. URL: <https://cabar.asia/ru/protestnyj-potentsial-v-kazahstane-riski-i-prognozy-2> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

естественным образом примкнули к радикальным группам, перешли к силовым методам политической борьбы²¹⁰.

Крупной проблемой для общественности Казахстана и одним из заметных источником протестных настроений является постоянно расширяющаяся и углубляющаяся коррупция, которая видоизменяется и принимает новые формы.

Существенным фактором и социально-политической напряженности в Казахстане является трансформация политического класса и его раскол. Так, в Казахстане изначально контролируемые кланом Н. Назарбаева политическая реформа и передача части властных полномочий изменили свой ход под влиянием внезапно занявшего собственную позицию К.-Ж. Токаева. Это отразилось в известных массовых протестах, приведших к ослаблению клана Н. Назарбаева, выразившееся в смещении его старшей дочери Дариги с должности председателя Сената парламента Республике Казахстан и отстранении многочисленных родственников, друзей и преданных сторонников Н. Назарбаева от занимаемых ими правительственных должностей.

Наконец, последний важный фактор, определяющий социально-политическую обстановку в северной части Центральной Азии, – это внешняя политика. В отношении Казахстана и Кыргызстана можно выделить три силы – США, КНР и Россию. Последняя пока остается главным торговым партнером для Казахстана, но более активно на Казахстан пытается влиять КНР, особенно в рамках проекта «Один пояс, один путь». Это не может не вызывать негативную реакцию Казахстана, перед глазами которого стоит Кыргызстан, оказавшийся в сильной зависимости от Поднебесной. В связи с этим в Казахстане распространены синофобские настроения. Ситуация в Кыргызстане осложняется не только выраженным влиянием КНР, но и тем, что около одной трети ВВП Кыргызстана составляют денежные переводы граждан, работающих за рубежом, преимущественно в России, а также воздействием США посредством разветвленной сети НКО.

²¹⁰ Сатпаев: властям следовало заниматься экстремистами, а не митингующими [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kz/20160605/11129.html> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

Подводя общий итог, можно утверждать, что в процессе исследования выявлены следующие особенности политических протестов в современном Казахстане:

- неприятие власти Н. Назарбаева и его семьи, усталость от несменяемости власти;
- неоднородность и размытость состава протестующих, включенность исламско-экстремистского элемента;
- стихийный, во многом спонтанный, даже иррациональный характер протестов с плохо осознанными целями и средствами их достижения;
- преобладание в протестах психоэмоциональной составляющей над рационально-преобразующей программой требований и действий;
- отсутствие общенационального организующего начала в виде публичной политической силы (партии, движения) и авторитетного (харизматического) лидера;
- быстрый переход от социально-экономических требований к политическим, радикализация неконтролируемых протестов, использование разрушительных методов вандализма, криминального насилия и кровопролития.

Кроме того, можно утверждать, что специфическими чертами современного протеста в западных регионах Казахстана являются: инициирование по экономическому и трудовому поводам с дальнейшим присоединением политических мотивов, сильное давление на протестующих и нетерпимость к альтернативным голосам со стороны системы власти, кровопролитность, криминализация, радикализация на основе исламского фундаментализма, децентрализация и цифровизация.

2.2. Специфика массового политико-протестного движения в Республике Кыргызстан

Теоретические обобщения и концептуальные подходы, сформулированные в первой главе, позволяют аналитически рассмотреть специфику и траекторию политико-протестного движения в Республике Кыргызстан. Выбор этой страны для исследования вряд ли нуждается в дополнительном обосновании, ведь она является, пожалуй, одним из лидеров по количеству и масштабу массовых выступлений недовольных граждан и групп интересов, стремящихся повлиять на политический процесс и принятие решений, а также изменить систему власти.

В Кыргызстане, который в отличие от соседнего Казахстана является небогатой страной с фрагментированным обществом, напротив, опасность политического застоя отсутствует, однако, есть явное злоупотребление уличными акциями, которые превратились в инструмент смены политической элиты вместо устойчивых демократических институтов и процедур, от чего обстановка в стране не может стабилизироваться. Отсюда во многом проистекает слабость кыргызской экономики, неспособность грамотно использовать для блага страны такое преимущество, как большие залежи золота, которые оказались в руках иностранной компании на не очень выгодных условиях.

Для проверки авторской гипотезы и причинно-следственной оценки рассматриваемых явлений проведены три исследования.

Проделан контент-анализ 156 материалов медиа Республики Кыргызстан («Вечерний Бишкек», «АКИpress», «K-News»), а также интернет-ресурсов Fergana.ru, Azattyk.org, Centrasia.ru, и Paruskg.info. по тематике политических протестов. Также рассматривались публикации российских СМИ («Новая газета» и сюжеты «Первого канала») с целью сопоставления ракурсов интерпретации случаев политического протеста.

Проведен сопоставительный анализ случаев и ивент-анализ политических

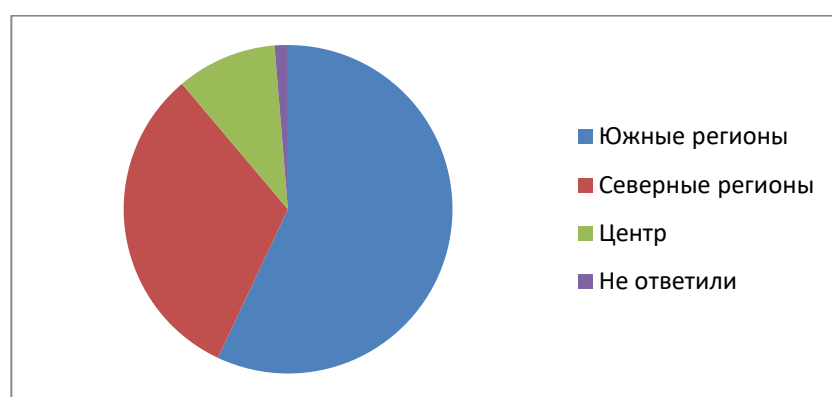
протестов в Республике Кыргызстан в 2004, 2010 и 2020 гг. на базе каталога массовых протестных событий с применением насилия (*violent demonstration* и *mob violence*), составленного экспертами ACLED – 128 случаев с 01.01.2000 по 28.03.2022²¹¹.

В феврале-мае 2021 г. анонимно опрошены 186 кыргызских граждан о представлениях, сложившихся у них о политических протестах в их стране, а также об опыте их участия в таковых. Выборка составлена следующим образом: посредством личных связей автора среди представителей кыргызской диаспоры в возрасте от 25 до 40 лет была распространена анкета для добровольного заполнения. Возраст двух третей опрошенных составляет 25–30 лет. Старше 30 – остальные 30%. 97% – мужчины, 3% – женщины.

Стоит отметить, что сбор необходимых и достоверных данных представляет собой значительную трудность по нескольким серьезным причинам, прежде всего, в связи с закрытым характером социальной и политической системы Республики Кыргызстан.

87% опрошенных работают в сфере обслуживания. 52% респондентов указали, что они родом из южных регионов, 29% – из северных регионов, 9% – из центральных регионов Республики Кыргызстан, 10% не ответили. 64% заявили о своем общем среднем образовании, 27% – о высшем образовании, 9% – о среднем специальном образовании (Рис. 20).

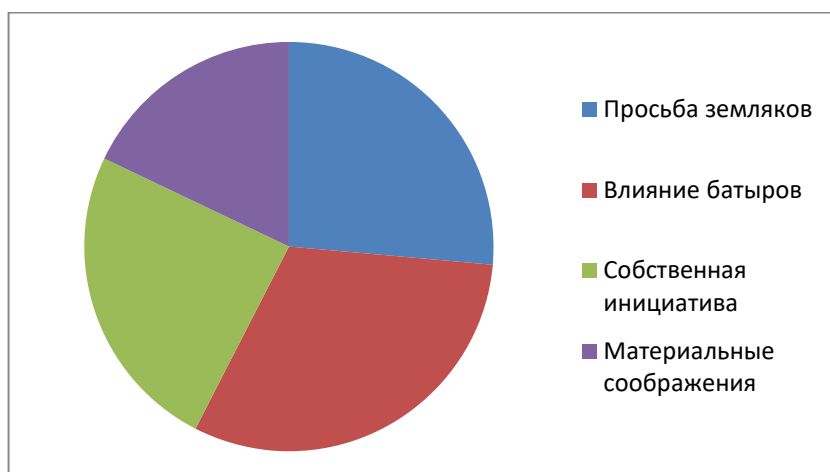
Рис. 20. Происхождение участников опроса

²¹¹ Dashboard [Электронный ресурс]. URL: <https://acleddata.com/dashboard/#/dashboard> (дата обращения: 01.05.2023 г.).

73% респондентов заявили о своем участии в какой-либо протестной акции. Ответы опрошенных о причинах вовлеченности в политический протест распределились почти поровну по трем основным группам: 28% откликнулись на просьбы земляков (сюда же относятся друзья, родственники, ближний круг), на 33% повлияли «батыры», 26% проявили собственную инициативу (характерно, что в этой группе преобладают жители городов – Бишкека, Оша, Джалал-Абада, Каракола), 19% мобилизовались по материальным соображениям (Рис. 21).

Рис. 21. Причины вовлеченности в протест

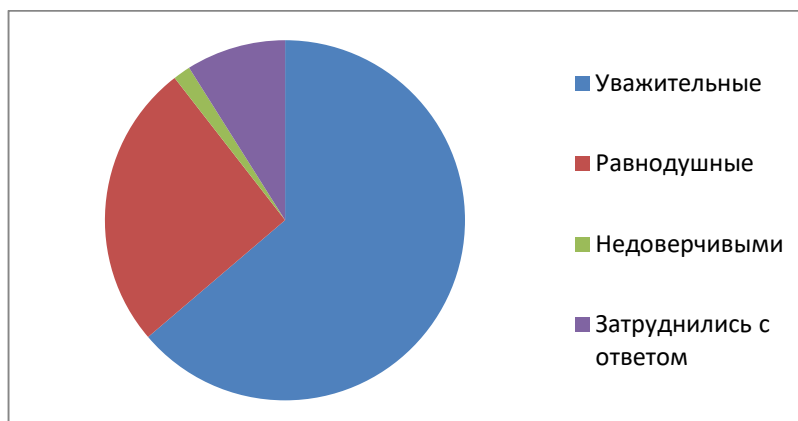

Большая часть респондентов (78%) уверена в том, что участники акций протеста вышли на улицы одновременно и вследствие недовольства положением дел в стране, и в ответ на чей-либо призыв.

Целенаправленность акций политического протеста 68% опрошенных определили совокупно: привлечение внимания властей к наиболее острым проблемам общества, изменение положения дел в стране к лучшему, оказание массовой поддержки землякам, друзьям, родственникам, покровителям.

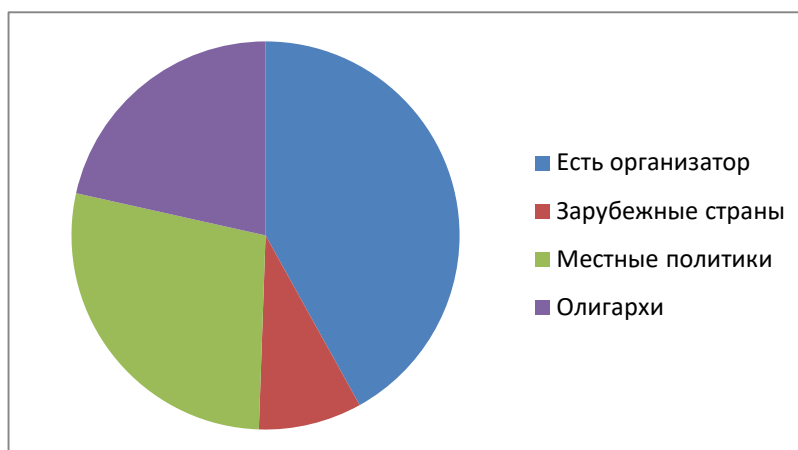
57% участников опроса оценила отношение участников протеста друг к другу как благожелательное и уважительное; 23% посчитали, что такое отношение было равнодушным, 10% ответили, что отношения были недоверчивыми (Рис. 22).

Рис. 22. Взаимоотношения между гражданами – участниками протеста

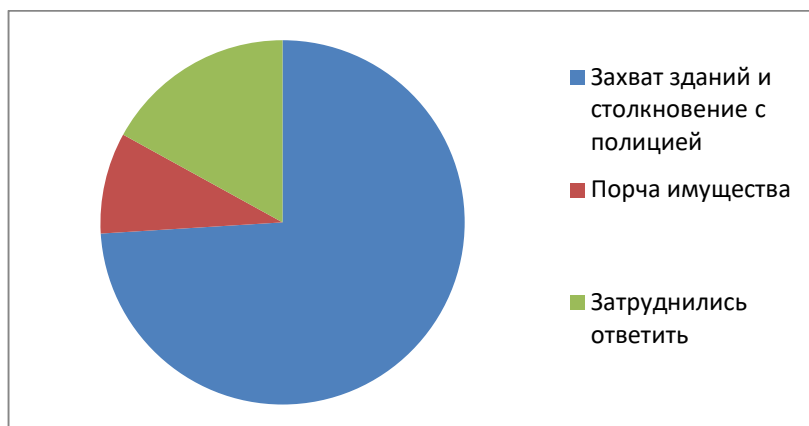
78% респондентов высказались за то, что у акции протеста был организатор, причем только 16% посчитали, что инициатива исходит из зарубежных стран. 62% выразили уверенность в том, что акции устроили местные политики, желающие укрепить свои позиции во власти, из них 40% полагают, что поддержку в проведении акции оказали местные олигархи (Рис. 23).

Рис. 23. Организаторы протеста

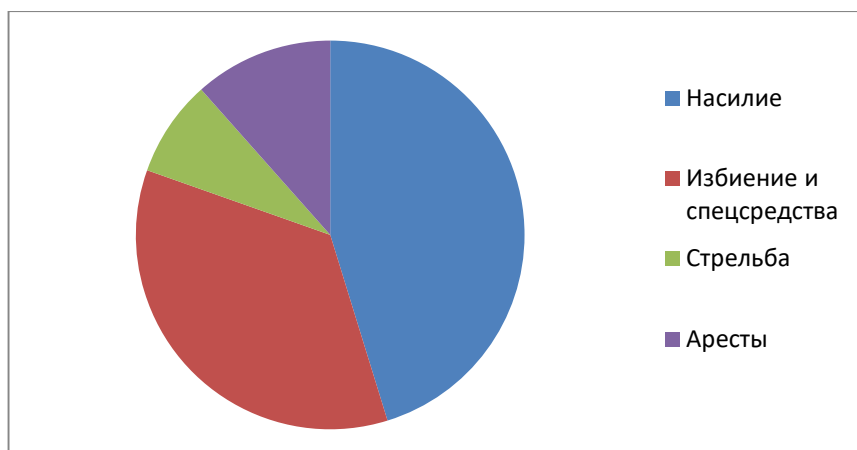
Важен тот факт, что 74% опрошенных были очевидцами каких-либо силовых действий со стороны участников митинга: в основном, захват правительственных зданий и столкновение с сотрудниками силовых структур. Порчу имущества наблюдали лишь 9%. Затруднились ответить – 17% (Рис. 24).

Рис. 24. Силовые действия в ходе протеста со стороны граждан

В то же время 90% респондентов стали очевидцем каких-либо силовых действий со стороны представителей власти и силовых структур. Более 70% указали на факты избиения людей и применение специальных средств к протестующим, 16% отметили стрельбу по участникам протеста; 23% указали на аресты протестующих (Рис.25).

Рис. 25. Силовые действия в ходе протеста со стороны представителей власти

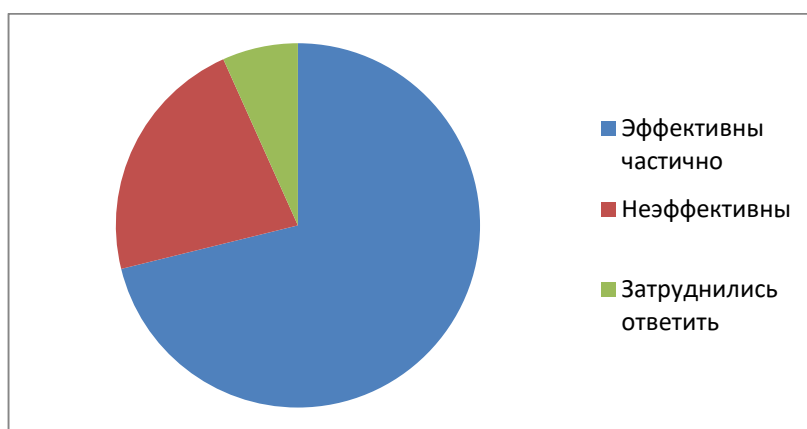
29% опрошенных считают, что в ходе протеста удалось добиться желаемого результата. 36% полагают, что результат достигнут частично. 31% ответили, что результата не достигнуто. 4% затруднились ответить (Рис. 26).

Рис. 26. Результаты протеста

63% респондентов уверены в том, что протесты вообще эффективны частично. 23% высказались за то, что сами по себе протесты неэффективны. 7% затруднились ответить (Рис. 27).

Рис. 27. Общая эффективность протестов

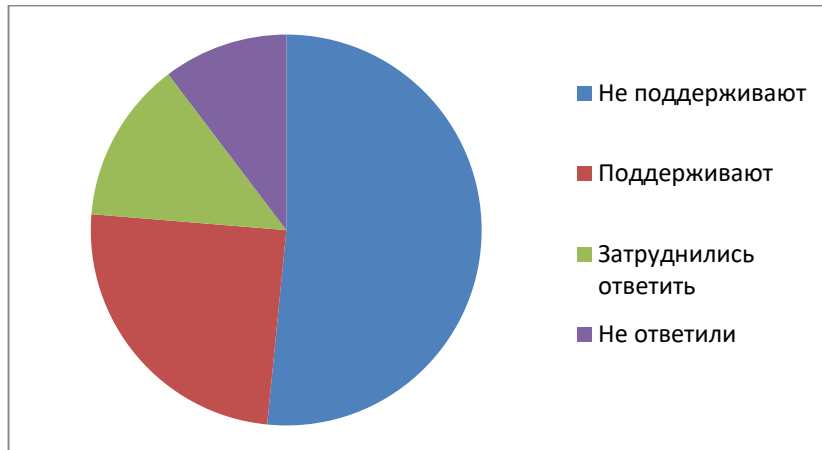
О способах получения информации и коммуникации говорят следующие данные: 71% участников опроса узнали об акции протеста из Интернета (социальная сеть, ресурсы общественных или политических деятелей); 27% респондентам позвонили или прислали сообщения на мобильные телефоны знакомые (Рис. 28).

Рис. 28. Источники информации о протесте

50% опрошенных не поддерживают действующую власть. 24% заявили о поддержке действующей власти. 13% затруднились ответить. 10 % не ответили (Рис. 29).

Рис. 29. Поддержка власти

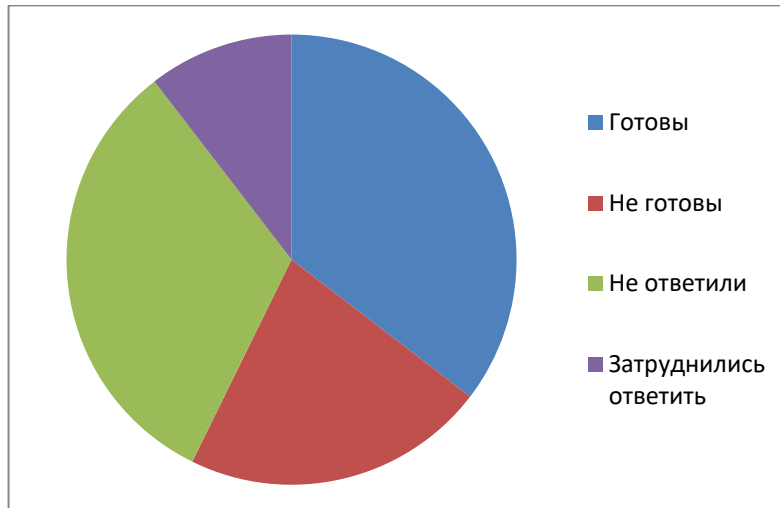
66% респондентов считают, что действующая власть руководствуется собственными интересами. 15% полагают, что действующая власть руководствуется интересами рядовых граждан. 14% затруднились ответить (Рис. 30).

Рис. 30. Мотивация власти

Если иметь в виду будущее, то 34% опрошенных готовы самостоятельно принять участие в акциях протеста, если таковые снова начнутся. 21% не намереваются участвовать в протестах в дальнейшем. 31% не ответили. 10% затруднились ответить (Рис. 31).

Рис. 31. Готовность принять участие в новых протестах

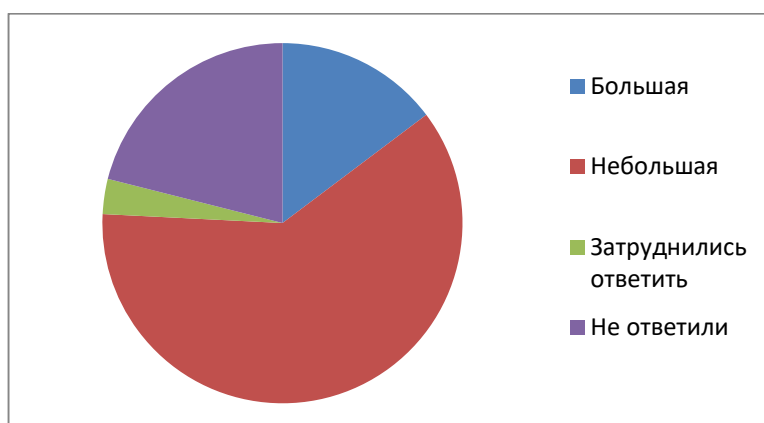
За большую роль народных традиций в кыргызской политике высказались 43% респондентов. В том, что народные традиции играют незначительную роль в кыргызской политике, уверены 21%. Затруднились ответить 34%. Мнение о том, что народные традиции не играют никакой роли в кыргызской политике, поддержали 2% (Рис. 32).

Рис. 32. Роль народных традиций в политике

Показательно, что 58% опрошенных считают, что у рядовых граждан мало реальных возможностей для влияния на политику, на власти в Республике Кыргызстан. 14% полагают, что у рядовых граждан много реальных возможностей для влияния на политику, на власти в Республике Кыргызстан. 20% не ответили. 3% затруднились ответить (Рис. 33).

Рис. 33. Возможность рядовых граждан влиять на политику

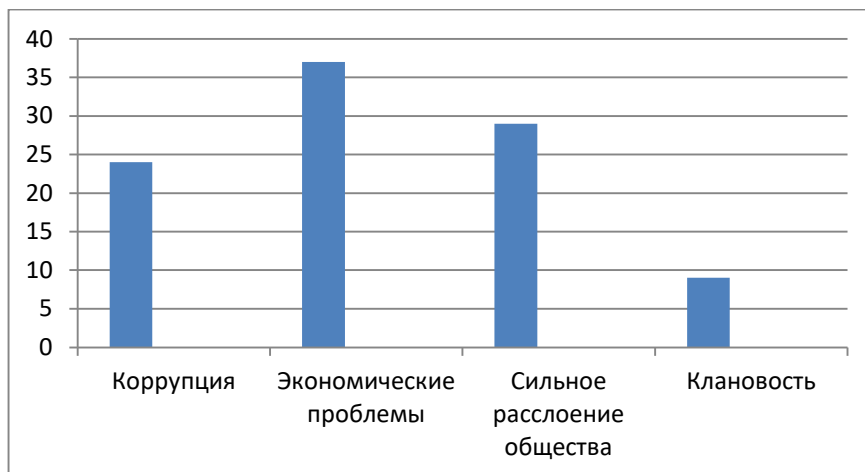

89% респондентов посчитали, что большое значение в политике Республики Кыргызстан имеет разделение населения на северян и южан.

На вопрос о том, каковы главные причины недовольства граждан Республики Кыргызстан, принимающих участие в протестах, ответы

распределились следующим образом: 37% заявили об экономических проблемах; 29% указали на сильное расслоение общества; 24% отметили коррупцию; 9% отметили клановость (Рис. 34).

Рис. 34. Главные причины недовольства граждан

Данные исследований подтверждают и эксперты по внутренней политике Республики Кыргызстан. Так, А. Мурзакулова полагает, что основным мотивом политического протеста в Республике Кыргызстан, внутренней движущей силой его развития является глубокое различие жизненно важных интересов и потребностей его участников (индивидов, социальных групп, организаций). Отсюда исследователь делает вывод, что применительно к кыргызской политике одной из основных функций политического протеста выступает раскрытие и постановка на политическую повестку дня наиболее острых и резонансных проблем²¹².

Начало современного этапа гражданской активности в Республике Кыргызстан четко обозначено в его политической истории – это «тюльпановая революция» в 2005 г. Данное событие получило разные оценки. Ясно одно – это был пик одного из наиболее массовых политических протестов, который привел к прекращению правления А. Акаева, трансформации государственного

²¹² Мурзакулова А. Д. Проблемы развития политических процессов в Кыргызстане. // Известия ВУЗов. Серия: социально-гуманитарные науки. 2011. № 4 С.26-31.

устройства, обусловил события, произошедшие в апреле 2010 г., и ряд других. В ходе «тюльпановой революции» четко обозначились основополагающие черты современного политического протеста и гражданской активности Республики Кыргызстан, а именно – радикальный характер, неспособность к конструктивному диалогу между представителями государственной власти, оппозиционными партиями и движениями, массой рядовых граждан, СМИ. Подтверждением этому стали периоды в марте 2005 г. и в апреле 2010 г. (электоральные циклы), когда почти все политические акторы не желали идти на уступки, не ставили перед собой задачу пойти прийти к компромиссу в деле проведения радикальных реформ, выдвигали самые сильные требования немедленной отставки должностных лиц, усугубляли конфликтную ситуацию путем мобилизации сторонников и эскалацией митингов.

Предпосылки массового политического протеста в современной Республике Кыргызстан сложились в ходе народных выступлений, состоявшихся в районе Аксы 17.03.2002 г. в ответ на арест оппозиционного депутата А. Бекназарова, выступавшего с критикой территориальных уступок Казахстану и Китаю, санкционированных А. Акаевым. Для разгона протестующих полиция впервые в новейшей кыргызской истории применила боевое оружие. Несколько мирных граждан было убито. Под давлением общественности А. Акаев был вынужден принять меры для сглаживания конфликта: был показательно уволен высокопоставленный сотрудник администрации президента, а А. Бекназарова выпустили на свободу.

Так был создан прецедент, и сложились условия для последующей массовой протестной мобилизации. Оппозиционные группы убедились, что сами выступления возможны, несмотря на жертвы, и что их требования были хотя бы частично выполнены. Ценным стал и приобретенный практический опыт политического противостояния и уличных акций, которые получили оппозиционные политики, правозащитники и рядовые граждане. В Республике

Кыргызстан наиболее часто используются следующие формы политического протеста: митинг, демонстрация и шествие.

Согласно законодательству Республики Кыргызстан в юридической сфере действуют следующие определения:

- «Митинг – это массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно политического характера»;

- «Демонстрация – организованное публичное выражение общественных настроений группой граждан с использованием во время передвижения плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации»;

- «Шествие – массовое прохождение граждан по заранее определенному маршруту в целях привлечения внимания к каким-либо проблемам»²¹³.

Легко заметить, что в официальных документах не проводится четкое разграничение между понятиями «демонстрация» и «шествие», которые, по сути, толкуются одинаково.

Опыт аксайских событий лег в основу организации и проведения протестных акций в феврале-марте 2005 г. В указанном периоде сошлись многие силовые линии кыргызской политики. От исхода парламентских выборов в марте 2005 г. прямо зависело будущее правящей группы (клана Акаевых) – результаты президентских выборов, назначенных на октябрь 2005 г.

Для того чтобы обеспечить победу пропрезидентской партии «Вперед, Кыргызстан» (центральное место в ней занимали близкие и дальние родственники А. Акаева), действующая власть использовала самые разнообразные средства от легальных до незаконных. Масштаб последних был чрезвычайно велик. Одновременно активизировались протестные силы, которые выдвинули собственных кандидатов в депутаты, сразу же начавших привлекать сторонников из своих земляков, родственников, друзей, которые были

²¹³ Министерство юстиции Кыргызской Республики. Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203664?cl=ru-ru> (дата обращения: 05.02.2023).

недовольны характером проведения выборов. Так возникли первые региональные центры гражданской политической мобилизации. Помимо родственных, дружеских и земляческих отношений большую роль в мобилизации недовольных сыграла и материальная мотивация.

По официальным итогам выборов из 75 мест 65 оказались у пропрезидентской партии. Это стало сигналом для оппозиции, которая начала объединяться под общим лозунгом свержения режима.

В самом начале протестное движение в Республике Кыргызстан пыталось организоваться по давно опробованной схеме и делало ставку на консолидации оппозиционных политических партий, некоммерческих и неправительственных организаций, правозащитников, медиа. Однако уже вскоре стало ясно, что этот путь не приведет к успеху.

В событиях 2005 г. большинство участников уличных акций составляла молодежь из южных регионов страны, которую организовано доставляли на автобусах. Оппозиционные лидеры устраивали большие митинги, на которых открыто провозглашали лозунги с использованием звукоусиливающей аппаратуры, демонстрировали символику, плакаты, флаги и прочие.

Пожалуй, основным требованием протестующих в марте 2005 г. было прекращение коррумпированного правления семейного клана Акаевых. Под этим лозунгом выступило большинство оппозиционно настроенных граждан и групп интересов. Возмущение наблюдалось и ранее, но именно в этот электоральный цикл эмоциональный накал достиг предела. Схожим образом дело обстояло и в следующий электоральный цикл в апреле 2010 г., когда градус общественного напряжения снова зашкалил, и политический протест нацелился как против уже знакомых коррупции и семейственности, так и против многочисленных нарушений гражданских прав граждан, практически полного отсутствия социальных лифтов и так далее.

Продолжавшиеся месяц политические протесты марта 2005 г. не привели к смене политического режима, к замене власти и кардинальным социальным трансформациям. Отошедшие от акаевской группы К. Бакиев и его сторонники

во многом продолжили политическую линию нетерпимости к оппонентам и сохранили неопатримониальный характер системы. В период с 2005 по 2010 г. в Республике Кыргызстан гонения не прекращались в отношении несогласных, преследовались неправительственные СМИ: многие лидеры оппозиции были арестованы, часть вынуждена была выехать за пределы страны, некоторые пропали без вести, многие независимые издания были закрыты, журналисты, в них работавшие, умирали при странном стечении обстоятельств, более десяти крупных общественных деятелей, включая пять членов, были убиты.

Эти проблемы привели к новому этапу политического протеста в Республике Кыргызстан в 2010 г., который также совпал с очередным электоральным циклом. Однако, в отличие от предыдущего, пик его активности длился не месяц, а всего два дня. Кроме того, использовались иные методы.

Избежать повышения протестных настроений в кыргызском обществе не удалось ни декоративными изменениями конституции, ни переменами в законодательном собрании, ни объявлением о введении совещательной демократии. Эти и другие попытки К. Бакиева замирить население в реальности только обострили обстановку и все более отдаляли его и его семью от общественности.

События развивались стремительно. 7 апреля 2010 г. сотни протестующих собрались у штаба оппозиционной социал-демократической партии. Туда же были стянуты полицейские подразделения. Между сторонниками перемен и полицией завязалась борьба, в результате которой противники действующей власти захватили оружие и направились к зданию кыргызского правительства. Военные и полиция открыли огонь по демонстрантам, десятки людей были убиты. Однако этот беспрецедентный акт насилия не остановил протестное движение, напротив, усугубил политический протест, вызвал еще большее недовольство граждан, спровоцировал рост гражданской мобилизации. Ряды протестующих резко пополнились новыми участниками. Информация о протесте передавалась по сетям в Интернете, по мобильной связи между друзьями, родственниками, знакомыми, студентами вузов, многие приходили на

поддержку, заслышав звуки пальбы и взрывов. Основную массу протестующих составили, как и в 2005 г., молодые люди, которые прибыли на манифестацию из бедных районов Бишкека и близлежащих сел на общественном транспорте. Как видно, если в 2005 г. массовая мобилизация происходила на базе патронажных сетей и традиционных институтов, то в 2010 г. основания вовлечения стали совсем другими, а именно – горизонтальный устный обмен информацией в неформальных социальных сетях.

Также в отличие от событий 2005 г., в массовых протестах 2010 г. практически не использовалась какая-либо символика (политические эмблемы, флаги и так далее). Еще одним отличием стали преимущественно добровольный и бескорыстный характер участия и низкое значение материального стимулирования. Пожалуй, основным поводом стечения людей стало всеобщее возмущение неоправданно жестокими мерами по отношению к протестующим со стороны правительства и полиции, убийствами мирного населения. По словам очевидцев и экспертов (например, об этом писали А. Темиркулов и М. Ривз)²¹⁴, люди были в ярости от того, что их соотечественников расстреляли по приказу утративших доверие народа кыргызских чиновников, открыто попиравших закон, нарушавших гражданские права, присвоивших основные блага²¹⁵.

Отстраненные от власти в ходе зачистки политического поля оппозиционеры из северных кланов накапливали силы и приобретали имидж единственной дееспособной политической альтернативы. Их успех в этом направлении во многом был обеспечен с помощью, так называемых батыров, представляющих особое явление в политическом протесте Республики Кыргызстан. «Батырщина» в республике называют региональные молодежные движения, чаще всего возглавляемые криминальными авторитетами. Социальная база этих движений – это многочисленная сельская молодежь, не

²¹⁴ Temirkulov A. Kyrgyz “revolutions” in 2005 and 2010: comparative analysis of mass mobilization // Nationalities Papers. 2010. Vol. 38. № 5. P. 589-600; Ривз М. Переломный момент: почему кыргызы потеряли терпение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2010/04/22/reeves/> (дата обращения 14.02.2023).

²¹⁵ Шукуралиева Н. Феномен цветных революций // PolitBook. 2017. № 17. С. 16-29.

имеющая средств, перспектив, не удовлетворенная своим текущим статусом. Исторические корни «батырщины» находятся в практике прошлых веков, когда населяющие горные ущелья кыргызские племена нападали друга на друга и соседей, грабили, уводили скот и женщин, что считалось признаком доблести²¹⁶.

Ввиду изложенного эксперты отмечают, что политический протест в Республике Кыргызстан нуждается в качественной трансформации, нацеленной на культивирование мирного и ненасильственного характера, ставку на креативные информационные кампании, которые могут быть столь же эффективны, как традиционные и потенциально насильственные формы протеста (захват административных зданий, перекрытие дорог и так далее)²¹⁷.

Автор полагает, что характер и формат политических событий в РК 2005 и 2010 гг. вопреки широко распространенному мнению не позволяет назвать их революциями. Для объяснения целесообразно воспользоваться классификацией Д. Лэйна, который выделяет следующие типы политических изменений: путч, переворот и революцию. Это разделение проведено по четырем основаниям:

- критерий организации политических действий;
- критерий уровня участия общественности;
- критерий намерения протестующих и контрэлиты;
- последствия протестных действий²¹⁸.

Применяя данные критерии Д. Лэйна к анализу кыргызских событий 2005 и 2010 гг., можно увидеть, что так называемая тюльпановая революция в Республике Кыргызстан не была дворцовым путчем, так как имела намного больший масштаб. С другой стороны, ее вряд ли можно считать революцией, так как ведущими силами в тех протестах была не протестующая общественность (хотя уровень ее участия был очень высок), а части расколовшейся действующей правящей группы во главе с кланом Акаевых. По сути, дело шло о

²¹⁶ Звягельская И.Д. Протестный пейзаж и политические режимы (Арабские государства и страны Центральной Азии) // Уральское востоковедение. 2018. Вып. 8. С. 51-69.

²¹⁷ Ногойбаева Э.А. Проблемы и перспективы политической коммуникации в современном Кыргызстане // Известия ВУЗов. Серия: социально-гуманитарные науки. 2011. № 4. С.31 -36.

²¹⁸ Lane D. „Coloured revolutions” as a political phenomenon // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2009. Vol. 25. № 2-3.

внутриэлитном противостоянии, в котором с одной стороны оказались А. Акаев, его родственники и сторонники, а с другой – К. Бакиев, Р. Отунбаева, Ф. Кулов и примкнувшие к ним другие представители правящей группы. Последним удалось наиболее успешно разыграть карту массового политического протеста: они мобилизовали и вывели на улицы массы недовольных, мотивировали их протест и управляли их политическим поведением. Реальным итогом борьбы стала поверхностная реконфигурация правящей группы, но отнюдь не трансформация политического режима. Изменения оказались довольно незначительны, они не затронули характер и логику функционирования политической системы, коснулись только некоторых направлений государственной политики, в особенности внешних отношений и участия в международных организациях. Не была сформулирована новая идеология. Не последовали глубокие социальные преобразования, стимулирующие дальнейшую конструктивную политическую активность граждан. Иными словами, после «тюльпановой революции» в Республике Кыргызстан у власти не встали новые люди, не произошли масштабные структурные преобразования и не были проведены глубокие социальные реформы, что характерно для революции. По существу, в структуре власти Республике Кыргызстан происходит лишь ротация северных и южных региональных кланов, которые составляют два крыла остающегося неизменным правящего класса.

Ввиду изложенного события в марте 2005 г. и в апреле 2010 г. в Республике Кыргызстан с наибольшей уверенностью можно назвать переворотом, имевшим революционный характер (революционный переворот, как называет это явление Д. Лэйн.), так как произошла замена верхушки правящей группы, сопровождавшаяся высоким уровнем гражданского участия.

К числу важных факторов протестной мобилизации в Республике Кыргызстан относятся следующие. Во-первых, слабое финансирование бюрократического аппарата и силовых органов: чиновники получали маленькую заработную плату, военные и полицейские вынуждены были покупать обмундирование за счет собственных средств, вследствие чего многие силовики

и госслужащие не стали оказывать поддержку клану А. Акаева, а протестующим был облегчен захват административных зданий в некоторых регионах страны. Скрытое недовольство и нехватка средств породили разногласия в самом МВД Республики Кыргызстан по вопросу о применении силы к протестующим, что также обеспечило победу оппозиционных сил. На взаимосвязь между уровнем разногласий по поводу применения силы военными и милицией и шансами на успех протестующих указал М. Макфол²¹⁹.

Во-вторых, А. Акаев и К. Бакиев не обладали поддержкой сильной партии. К. Бакиев опирался на довольно рыхлую коалицию, связанную весьма непрочными и неустойчивыми клиентелистскими отношениями²²⁰.

В-третьих, большую роль сыграло наличие независимых от государства олигархических групп, которые в ходе относительно свободной приватизации установили собственный контроль над большей частью экономики страны и имели большие ресурсы и средства, на которые рассчитывала оппозиция, и во многих случаях не ошиблась в своих расчетах. Поэтому обширный частный сектор экономики Республики Кыргызстан стал одним из условий успеха политического протеста. При этом группы как А. Акаева так и К. Бакиева стремились к сосредоточению в своих руках всех финансовых потоков, они не только довольно успешно эксплуатировали все возможные ресурсы (от продажи полезных ископаемых до продажи государственных должностей), но и осуществляли рейдерские захваты частных предприятий, накладывали на граждан и бизнесменов различного рода финансовые обременения, идущие на содержание правящей группы²²¹.

В обоих случаях массовых протестов в Республике Кыргызстан в 2005 г. и в 2010 г. действовал один и тот же политический режим, предполагающий внешнюю форму (точнее, имитацию, декорацию) конкурентных выборов, но по

²¹⁹ McFaul M. Transitions from postcommunism. *Journal of Democracy*. 2005. Vol. 16. № 3. P. 5-19.

²²⁰ Temirkulov A. Kyrgyz "revolutions" in 2005 and 2010: comparative analysis of mass mobilization // *Nationalities Papers*. 2010. Vol. 38. № 5. P. 589-600.

²²¹ Shukuraliyeva N., *The Family in Power: A New Past for an Old Country* // *Journal of Central Asian and Caucasian Studies*. International Strategic Research Organization, Ankara. 2012. Vol. 7. Issue 13. P. 30-56.

своей сути означающий ограниченное соперничество. Ввиду этого можно заключить, что электоральный авторитаризм является довольно рискованной политико-режимной формой, в которой не вполне удастся предусмотреть необходимый результат, в которой высока вероятность общественного политического протеста именно по причине расхождения между имитацией демократического института выборов и реальным политическим протестом ограниченного выбора. Если при этом правящая группа пытается легитимизировать посредством управляемых выборов непопулярную фигуру, используя административный ресурс, то население при совокупном действии других отмеченных выше факторов с очень высокой степенью вероятности выразит недовольство. Так и произошло, когда клан Акаевых попытался обеспечить победу на выборах в парламент (Жогорку Кенеш) сына и дочери А. Акаева – Айдара и Бермет Акаевых.

Особую роль в политическом протесте сыграло кыргызское молодежное движение «Кел-Кел». Его лидерам и сторонникам удалось сыграть на чувствах гражданственности, показать надежду на обновление и социально-политические перемены. Участники этого движения приложили заметные силы для привлечения на выборы избирателей из разных социальных групп, отдавших свой голос за оппозиционные силы, помогли самим оппозиционным кандидатам в действенной организационной работе с электоратом, проводили протестные митинги и другие мероприятия, обучали добровольцев ненасильственным протестным тактикам, способствовали расследованию и разглашению фактов фальсификации в периоды голосования и подсчета голосов.

С 2005 г. заметной в деле поддержки массового политического протеста становится и роль СМИ, хотя в Кыргызстане общенациональные медиа зависели от власти, а оппозиционная пресса была ослаблена в ходе проигранных судебных процессов и после выплаты назначенных штрафов. Тем не менее с расширением Интернета большую популярность приобрели интернет-издания и информационные сайты Fergana.ru, Azattyk.org, Centrasia.ru, и Parusk.info. Именно эти ресурсы были заблокированы накануне событий в апреле 2010 г.

ведущими провайдерами Республики Кыргызстан с целью подорвать свободный и информационный обмен. Однако информационная поддержка политического протеста в киберпространстве продолжилась, причем весьма успешно, на интернет-форумах и в личных блогах²²².

Спецификой политических протестов Республики Кыргызстан оказалось то, что ключевую роль в них играли не политические партии, молодежные движения или финансируемые из-за рубежа некоммерческие организации (НКО), а то, что политический протест осуществлялся на базе обширной сети патронажа и традиционных институтов. Еще одной особенностью стало то, что базой политического протеста оказались не столица и крупные города, а провинция, регионы, в основном – сельские поселения. Периферийный патронаж, клиентелы, традиционные сети стали ведущей силой политического протеста в Республике Кыргызстан. Они вступили во взаимодействие с упомянутыми выше институциональными игроками (НКО, политические партии и т.п.) и обеспечили массовую протестную мобилизацию, приведшую к уходу из власти клана А. Акаева.

В сравнении с предыдущим этапом политический протест в Республике Кыргызстан с 2010 г. по 2019 г. протекал без крупных потрясений и без массовых акций политического протеста. В основном, причиной этому стал мирный транзит власти. В 2011 г. глава временного правительства и президент переходного периода Р. Отунбаева осуществила передачу властных полномочий А. Атамбаеву.

А. Атамбаев разными способами сгладил противоречия между северными и южными кланами. Тем самым была достигнута видимость стабильности в кыргызском обществе, предпосылки для массовой политической мобилизации отсутствовали.

²²² Мониторинг нарушений свободы слова в Кыргызстане в марте 2010 года. Общественное объединение «Журналисты» [Электронный ресурс]. URL: <http://journalist.kg/monitoring/monitoring-smi-za-03-2010-g/> (дата обращения 12.02.2023).

В 2017 г. А. Атамбаев с расчетом на свое дальнейшее непубличное (закулисное) участие в политике обеспечил на выборах победу своему союзнику – представителю интересов южных кланов С. Жээнбекову.

Однако ставка А. Атамбаева не оправдалась. Новый глава государства начал преследование своих предшественников, организовал заключение под стражу А. Атамбаева и его сподвижников. С приходом к власти С. Жээнбекова в кыргызской политике все большую роль играет личный фактор и личные амбиции политических деятелей. Особенно это стало заметно по усилившейся коррупции, размах которой среди правящего класса приобрел невиданные даже для Республике Кыргызстан масштабы. Наметилась и еще одна важная тенденция – отход на второй план регионального кланового фактора (и партийного вместе с ним) и формирование групп интересов на основе конъюнктурных соображений.

Возобновившийся раскол в правящем классе, обострение борьбы в нем между новыми группировками Республики Кыргызстан закономерно обусловили нарастание социальной напряженности в стране. Дополнительным триггером стала пандемия COVID-19, в ходе которой стремительно выросла безработица, разорились многие предприятия малого и среднего бизнеса, значительно ухудшилась экономическая ситуация, заметно снизился и без того невысокий уровень жизни населения.

Важным отличием от предыдущего этапа стало ярко выраженное участие в политическом протесте Республики Кыргызстан иностранных акторов в лице представителей Великобритании и США. Так, накануне электорального цикла посол Великобритании Ч. Гаррет неоднократно встречался с лидерами оппозиционных партий. В мае 2019 г. Агентство США по международному развитию (USAID) анонсировало грант – финансовые средства на поддержку парламентских выборов в Республике Кыргызстан в размере 2,5 млн долларов, – планируемый направить местным организациям, которые будут наблюдать за организацией избирательного процесса и ходом голосования, анализировать влияние социальных сетей, составлять отчеты и публиковать их в СМИ. При

этом грантодатели отмечали, что получатели финансирования должны помогать гражданам и парламенту «выстраивать доверительные отношения» и после окончания выборов²²³.

Почти половину гранта – 1,2 млн. долларов – получила новообразованный фонд «Общее дело». Ее активисты сразу же начали проведение обучающих курсов и социологических исследования, сформировали групп общественных наблюдателей за избирательным процессом. Проправительственные СМИ сразу же назвали фонд «коллективным организатором и пропагандистом очередной цветной революции»²²⁴.

В первые три месяца пандемии в Республике Кыргызстан вернулось около двадцати тысяч трудовых мигрантов, которые стали резервом для политического протеста.

Главным поводом для массового политического протеста в октябре 2020 г., как в феврале-марте 2005 и в апреле 2010 г. стали итоги прошедших в республике 4 октября парламентских выборов, которые многие сочли нечестными и несправедливыми. Так, необходимый для прохождения в Жогорку Кенеш семипроцентный барьер преодолели только четыре партии из шестнадцати. Три партии из этих четырех впервые принимали участие в выборах, подавляющее большинство в них составляли представители южных кланов, в интересах которых, фактически, они и были созданы при помощи политических технологий. Повышенное недовольство было вызвано результатами партии брата действующего президента «Биримдик» («Единство»), набравшей 24,5% голосов, и партии «Мекеним Кыргызстан» («Родной Кыргызстан»), получившей 23,9%, за которой стоит бывший заместитель главы Таможенной службы Р. Матраимов. Указанные фигуры

²²³ США выделяют 2,5 млн долл. на поддержку парламентских выборов в Кыргызстане. – K-News, 13.05.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://knews.kg/2019/05/13/sshavdydyat-2-5-mln-na-podderzhku-parlamentskih-vyborov-v-kyrgyzstane-...> (дата обращения 02.02.2023).

²²⁴ Кто дирижирует попыткой переворота в Киргизии? // Военно-политическая аналитика. 07.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://vpoanalytics.com/2020/10/07/kto-dirizhruet-popytkoy-perevorota-vkirgizii/> (дата обращения 02.02.2023).

известны как крупнейшие коррупционеры республики. Только Р. Матраимов вывел за рубеж более 700 млн. долларов²²⁵.

Особенно скандальным оказалось то, что двенадцать партий, якобы, не набравших необходимого количества голосов, являлись действительно влиятельными силами на политическом поле Республики Кыргызстан: «Ата Мекен», «Республика», «Бил Бол», «Социал-демократы» и другие. Лидеры этих партий сразу же заявили о несогласии с итогами парламентских выборов, сообщили о многочисленных фактах неприкрытого подкупа избирателей, потребовали отмены результатов и проведения нового голосования.

Эти заявления стали сигналом для массового политического протеста, начавшегося 5 октября 2020 г. Сторонники не прошедших в парламент партий собрались на митинги, которые перешли в столкновения с полицией и прорыв в Белый дом, где расположены парламент республики и администрация президента, вскоре охваченные пожаром²²⁶.

На сторону протестующих перешли многие должностные лица и полицейские. На фоне разрастания кризисной ситуации мэр г. Бишкека подал в отставку, а его место занял представитель оппозиционных сил.

Протестные настроения охватили и юг Республики Кыргызстан, вопреки мнению о том, что южные регионы – это база С. Жээнбекова. Во многих южных городах местные администрации были свергнуты, на их месте возникли самоорганизованные правительства. Лишь в родном для действующего президента г. Оше была предпринята слабая попытка проведения митинга в его поддержку, однако, ее остановили оппозиционеры.

Как считает М. Сариев, столь стремительный захват власти протестующими на юге, почти не встретивший сопротивления, свидетельствует об уменьшении различий и конфликтов между северными и южными регионами Кыргызстана. Подтверждением этому стало и то, что не был вновь поставлен

²²⁵ Кальник О. В Кыргызстане очередная революция: почему протестующие победили так быстро и при чем тут кланы и коррупция. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tut.by/world/703029.html> (дата обращения 03.02.2023).

²²⁶ Ионова Е. О смене власти в Киргизии // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 4. С. 73-86.

вопрос о создании южной республики, столь актуальный в период нахождения у власти К. Бакиева²²⁷.

В ответ на поддержанные большим количеством протестующих граждан требования политическая система Кыргызстана вынуждена был действовать и издавать соответствующие нормативные правовые акты. Так, 6 октября 2020 г. Центральная избирательная комиссия постановила признать итоги состоявшихся парламентских выборов недействительными. Правительство заявило о проведении новых выборов. Однако эта инициатива не успокоила недовольное население, не стало решением конфликта. Массовые акции протеста продолжались, которыми поспешили воспользоваться криминальные элементы, совершившие нападения на завод «Кыргызское золото», аэропорт «Манас», месторождение золота Джеруй. Был создан координационный комитет, в состав которого вошли наиболее известные оппозиционные кыргызские политики. Под давлением общественности 6 октября 2020 г. были освобождены из заключения бывший президент А. Атамбаев (позже его вновь заключили под стражу), бывший премьер-министр С. Исаков (сразу же выехавший за рубеж), а также бывший депутат Жогорку Кенеш и сторонник К. Бакиева, бывший директор агентства по предупреждению коррупции С. Жапаров. 16 октября 2022 г. С. Жээнбеков из-за неутихающих волнений вынужден был сложить с себя президентские полномочия.

В этих обстоятельствах во многом благодаря поддержке на улицах на передний план выдвинулся С. Жапаров. На него сделал ставку упомянутый выше координационный комитет, члены которого предложили ему пост премьер-министра. После некоторых разногласий, трудностей, противоречий и рокировок (в том числе – отказ действующего спикера Жогорку Кенеш К. Исаева от исполнения обязанностей президента согласно конституции и его уход в отставку), обусловленных общей нестабильностью и не самой высокой организованностью и сплоченностью оппозиционных сил, С. Жапаров

²²⁷ Киргизский переворот. Война кланов или влияние США // Life. 07.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://life.ru/p/1348722> (дата обращения 05.02.2023).

приступил к временному исполнению обязанностей президента Кыргызстана. Обязанности спикера парламента были возложены на Т. Мамытова, близкого друга С. Жапарова.

С. Жапаров энергично взялся за процесс урегулирования политического кризиса и за прекращение массовых протестов. Он, будучи родом с севера страна, первым делом посетил южные регионы, где укрепил свои и без того довольно сильные позиции. В первую очередь, это ему удалось за счет данного в г. Оше (откуда родом С. Жээнбеков) обещания предоставить своему предшественнику гарантии неприкосновенности и льготы, а также благодаря выраженной националистической позиции, которая импонирует консервативным южанам, ориентированным на традиционный социальный уклад. Например, известен случай, когда в 2010 г. С. Жапаров с оружием в руках выступил на стороне кыргызов в узбекско-кыргызском конфликте в Ошской и Джалал-Абадской областях. Кроме того, он выступил за легализацию многоженства, а также за национализацию золоторудного месторождения Кумтор²²⁸.

Среди населения северных регионов Республики Кыргызстан положение С. Жапарова еще более прочное, что логично, учитывая его происхождение из этих мест. Дополнительным фактором является то, что он принадлежит к старинной и наиболее многочисленной народности бугу, которая компактно проживает около озера Иссык-Куль в северной части Республике Кыргызстан²²⁹.

Важным средством снижения протестных настроений в Республике Кыргызстан стали явно популистские обещания, сделанные С. Жапаровым на следующий же день после вступления в должность премьер-министра, состоявшие из девяти пунктов, а именно: «Стабилизация обстановки в стране; защита инвесторов, малого и среднего бизнеса, а также разработка планов

²²⁸ Даниил Кислов: «Киргизия на пороге диктатуры – безраздельной власти Жапарова» // Бизнесonline, 18.10.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://m.businessgazeta.ru/article/484937> (дата обращения 06.02.2023).

²²⁹ Что происходит в Киргизии и к чему приведет очередной переворот. Реальное время. 24.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://realnoevremya.ru/articles/191742-chto-proishodit-v-kirgizii-i-k-chemuprivedet-ocherednoy-perevorot?utm_source=campaign... (дата обращения 02.02.2023).

мероприятий по облегчению ведения бизнеса; своевременная выплата социальных пособий и зарплат; обеспечение продовольственной безопасности страны; привлечение к ответственности всех чиновников, затем замеченных в коррупционных действиях; проведение отопительного сезона и сокращение дефицита электроэнергии; проведение переговоров по пролонгации и реструктуризации внешнего долга; проведение последовательной и прозрачной кадровой политики по принципу «сильные кадры – сильная страна»; пересмотр соглашений по разработке месторождений Джеруй, Кумтор и других в целях пополнения бюджета»²³⁰.

Большая часть протестующих жителей Республики Кыргызстан не заметили явный популистский характер этой программы, что говорит о низкой компетентности граждан.

Ряд оппозиционных партий, среди которых «Мекен Ынтымагы», «Реформа», «Социал-демократы», «Бутун Кыргызстан» и другие не удовлетворились действиями С. Жапарова и 28 октября 2021 г. создали общественно-политическое движение «Умут» для продвижения своих интересов. Одним из их требований стало проведение парламентских выборов 20 декабря 2020 г. вместо переноса на неопределенный срок.

В Кыргызстане также наблюдаются совмещенные с укреплением позиции президента С. Жапарова довольно существенные изменения политической системы, проходящей на фоне противостояния политических групп (северных и южных кланов). Казалось бы, еще недавно наибольшие преференции получил С. Жээнбеков и его сторонники, которым удалось, удачно лавируя, усилить влияние своего клана и в целом южного представительства. Однако серьезная ошибка была допущена в ходе выборов в парламент в 2020 г., в которых административный ресурс был использован слишком грубо, в результате чего подавляющее большинство получили три партии – пропрезидентская «Биримдик» и две сверхлояльные «Мекеним Кыргызстан» и «Кыргызстан».

²³⁰ Садыр Жапаров обратился к кыргызстанцам // Sputnik Кыргызстан. 11.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://m.ru.sputnik.kg/> (дата обращения 02.02.2023).

Оппозицию представила лишь «Бутун Кыргызстан». Остальные двенадцать партий, участвовавших в электоральном цикле, остались ни с чем. Это стало триггером так называемой третьей кыргызской революции, на волне которой к власти пришел С. Жапаров, предпринял меры по урегулированию противоречий между северными и южными кланами в надежде объединить их вокруг себя.

Судя по публичным заявлениям и действиям нового президента, он симпатизирует президенту В.В. Путину, нацелен на более тесное сотрудничество с Россией, придерживается традиционных ценностей и намерен стабилизировать политическое положение путем прекращения «экспериментов с демократией». С. Жапаров выступает за сильную центральную власть. Показательны инициированные им поправки в Конституцию, направленные на сокращение численности кыргызского парламента и на расширение полномочий президента (например, взятие правительства под полный контроль).

Кыргызское общество обладает весьма специфической политической культурой, в которой сочетаются современные и традиционные элементы.

С одной стороны, в ходе советской модернизации возник обширный слой образованных людей новой формации, во многих местах Республики Кыргызстан успешно прошла урбанизация и индустриализация, с начала 2000-х гг. многие, в особенности молодежь, приобщились к новым информационным и цифровым технологиям, вовлеклись в современные формы общественной жизни, стали менее религиозными. С другой стороны, крепкими, тесными и закрытыми остаются кланово-семейные связи, которые продолжают служить основанием и важным фактором социализации и жизнедеятельности. До сих пор большое значение для жизненного пути кыргызов имеют семья, авлод (расширенная семья, ближний круг), мужские объединения, землячества и т.п. Эти группы базируются на глубокой преданности и лояльности, на взаимовыручке своих членов, в них действует сложная система взаимных обязательств²³¹. Участники таких групп обязаны откликаться на просьбы друг

²³¹ Иманбеков У.Т. Специфика социального протеста в Кыргызстане и его влияние на национальную безопасность страны // Известия НАН КР. 2021. № 6. С. 32-37.

друга, в ответ они вправе рассчитывать на поддержку. Из этих закрытых традиционных структур – групп социальной солидарности – формируется т.н. ближний круг, внутренние правила которого детерминируют процесс принятия решений в политической системе. На основе этих внутренних правил образуются неформальные практики, действующие за фасадом формальных институтов. Поэтому для постороннего наблюдателя во многих случаях остаются неясными многие мотивы и механизмы политической деятельности, в том числе протестной. Можно только догадываться, какие именно региональные, клановые, племенные интересы сыграли важную роль в том или ином событии, при принятии того или иного решения. Поэтому мы имеем дело с закрытыми политическими структурами, участие в которых носит эксклюзивный характер. Аналогичным образом дело обстоит и с государственной системой. Вследствие изложенного выборы в Республике Кыргызстан – это имитация, скрывающая результат договоренностей между кланами. Многопартийность также представляет собой условность, партийная система отражает регионально-клановый расклад политических сил.

Через большинство исследований массовых политических протестов в Кыргызстане красной нитью проходит тезис о том, что главными причинами недовольства большей части населения, не сумевшей извлечь преимущества из меняющихся условий, являются следующие:

- высокий уровень коррупции;
- сильное социальное расслоение;
- отсутствие элементарных личных прав и свобод;
- отстранение периферийной части политического класса от власти и связанных с ней благ²³².

Эти обстоятельства усиливаются в ходе расширения глобализации, большего вовлечения Республики Кыргызстан в мировые экономические связи, в процессе постепенной эрозии традиционного уклада жизни.

²³² Мукамбетова Н.К. Массовый митинг, демонстрация, шествие как феномен социально-политического протеста в современном Кыргызстане // Известия НАН КР. 2021. № 6. С. 117-122.

Анализ политических событий в последнем десятилетии позволяет выделить три основных тенденции политического протеста в Республике Кыргызстан.

Первая тенденция состоит в том, что с увеличением своей интенсивности и масштаба политический протест теряет свою действенность и значимость. Причин этому несколько:

- переутомление гражданских активистов от длительной политической мобилизации;
- снижение порога чувствительности граждан и правительства к протесту, который начинает восприниматься как рутинное мероприятие;
- неспособность структур власти быстро и адекватно реагировать на требования общественности;
- перегруженность медиа многочисленными сообщениями о разных протестных акциях;
- недостаток компетентности у общественности, не осознающей значение того или иного выдвигаемого требования.

Снижение влияния политического протеста на структуры власти подталкивает наиболее активных его участников к радикализации.

Вторая тенденция современного политического протеста в Республике Кыргызстан заключается в постепенной дифференциации массы участвующих в уличных акциях гражданских активистов по группам интересов и выдвигаемым требованиям. Наиболее сплоченными и дееспособными оказываются те, кто объединяется на основе местных узких интересов, - это, прежде всего, жители локальных сообществ, родственники и ближайшие сторонники местных лидеров, а также трудовые коллективы. Именно эти группы острее всех реагируют на ущемление своих прав, наиболее организованны, готовы к продолжительным и радикальным акциям и сильно мотивированы, в отличие от тех, кто выступает под более общими лозунгами социально-политических преобразований и борьбы с масштабными проблемами, которые, к тому же, не

всегда находят поддержку у широкой общественности, отличающейся политической апатичностью²³³.

Третья тенденция современного политического протеста в Республике Кыргызстан состоит в радикализации большинства протестных выступлений, даже тех, которые начинаются с умеренных требований и не касаются крупных политических вопросов. Эта особенность отмечалась выше, как характерная черта кыргызского политического протеста и как следствие снижения влияния протестующих. Еще одной причиной радикализации является распространенная практика объединения в коалиции вышедших на улицы гражданских активистов для достижения своих целей, которые могут быть самыми разными. К таким объединениям примыкают и радикалы, которые, хотя и малочисленны, однако, громче всех заявляют о себе, привлекают других обещаниями достичь результатов скорейшим образом. Часто эти новообразованные движения солидаризируются с требованиями системной политической оппозиции.

Незрелость и рыхлость гражданской культуры в Республике Кыргызстан обуславливает довольно низкую эффективность политического протеста рядовых граждан. Еще одним негативным фактором является очень слабое влияние общественности на формирование политической повестки дня, на ее реализацию, на принятие ключевых решений. Во многом именно поэтому традиции гражданского политического участия в Республике Кыргызстан до сих пор не сформированы.

Несмотря на довольно большой опыт политического протеста в Республике Кыргызстан (в сравнении с другими странами северной части Центральной Азии, возможно, самый большой), до сих пор здесь не сложилось действительно независимого устойчивого консолидированного оппозиционного движения, возглавляемого лидером, представляющим убедительную альтернативу действующей власти.

²³³ Дуйшалиева А. Специфика изучения феномена политического протеста и его культурного общественного восприятия в Кыргызстане // Известия вузов. 2013. № 4. С. 231-233.

Разобщенность и рыхлость протестного движения в Республике Кыргызстан позволяет структуре власти сохранять преимущественное положение в политике. Сам политический протест не представляется большой угрозой статусу-кво действующей власти (хотя «тюльпановая революция» и события апреля 2010 г. служат постоянным предостережением), пока она не позволяет разрастаться неблагоприятным факторам.

Протестное движение в Республике Кыргызстан, в основном, используется системной политической оппозицией как инструмент давления на правительство снизу. При этом все дивиденды получают политические партии и их лидеры, а ставшие причиной волнений потребности общественности, как правило, остаются без должного удовлетворения.

М. Казакпаев характеризовал период 2010 гг. как время относительного разочарования широких слоев общественности в массовом протесте как способе политического оппонирования и способе давления на власть, указывал на признаки постепенного спада и кризиса массовой протестной активности²³⁴.

В ходе авторского опроса было установлено, что на внутренние дела Республики Кыргызстан (как впрочем, и в других странах северной части Центральной Азии) большое влияние оказывают внешние, иностранные акторы: «Как показывают квазиреволюционные события, имевшие место... на пространстве СНГ, участниками внутригосударственной борьбы за власть и конфликтов на данной почве является множество различных субъектов, обеспечивающих продвижение геополитических интересов других держав»²³⁵.

В ходе массовых политических протестов в марте 2005 и в апреле 2010 г. очень четко обозначилось фрагментация кыргызского общества по региональному признаку. В основном, разделение произошло по границе между севером и югом. Так, выдвижение политических требований оппозиционными

²³⁴ Казакпаев М.С. Специфика деятельности политической оппозиции в Кыргызстане. // Материалы научно-практической конференции «Политические процессы в странах ЦА». Алматы: КазГНУ им. Аль-Фараби, 2010. С.45-53.

²³⁵ Сариев М. Кыргызский переворот. Война кланов или влияние США // Life. 07.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://life.ru/p/1348722> (дата обращения 05.02.2023).

группами южных регионов Республики Кыргызстан (где проживает электоральное большинство) активизировало представителей интересов северных регионов, отличающихся консерватизмом и поддерживаемых действующей властью. Дифференциация между севером и югом Республики Кыргызстан складывается как естественным образом, так и при помощи политических технологий, широко используемых для сохранения раскола в кыргызском обществе. При этом массы рядовых граждан с обеих политических сторон практически никак не оформлены, не институционализированы, весьма аморфны, не располагают ясно сформулированным идейного обоснованием. Какие-либо видимые очертания они принимают лишь в ходе борьбы между правительственными и оппозиционными группами интересов севера и юга Республики Кыргызстан, мобилизующими их для решения своих задач.

В Кыргызстане, в отличие от Казахстана, городское население занимает заметно меньшее место. Кстати, даже в советский период существовали различия между городскими кыргызами и приезжими русскими, не преодоленными даже в ходе модернизации. В 1990-е гг. вследствие оттока русских произошло резкое уменьшение и без того не самого значительного числа горожан, особенно интеллигенции. Города заполнились сельчанами. Но если в Казахстане массив городских жителей не первого поколения был довольно существенен и смог сохранить свое демографическое лицо и социальный статус, то в Кыргызстане в социальном измерении сегодняшний город во многом напоминает сельскую местность.

Таким образом, самостоятельный потенциал кыргызских протестных движений (как всей совокупности противостоящих действующей власти граждан и групп интересов) очень невысок. Их мобилизационная самоорганизация находится на довольно низком уровне.

На сегодня протестные движения пока не способны сформулировать перечень требований, который мог бы стать привлекательной повесткой дня для большинства населения. До сих пор не преодолена противоречивость и спорность политических требований, не достигнут консенсус относительно

общей цели, к которой устремляются все участники протеста, не созданы общенациональные площадки для публичного обсуждения наиболее значимых проблем и для согласования позиций, для создания совместных организационных структур.

В результате исследования установлены следующие особенности политических протестов в современной Республике Кыргызстан:

- Республике Кыргызстан – лидер среди стран Средней Азии по количеству и масштабу массовых выступлений граждан и групп интересов, стремящихся повлиять на политический процесс и принятие решений, а также изменить систему власти;

- массовые протесты проходили в рамках внутриэлитной клановой борьбы политиков запада и юга страны и формата, в том числе, электорального авторитаризма;

- протесты имели сразу политическую окраску, отличались волнообразностью, затяжным характером, перманентной незавершенностью и очередной сменой власти;

- протесты, при всей ожесточенности, характеризовались меньшим, чем в Казахстане, силовым давлением на протестующих, большей информационной открытостью, возможностью к самоорганизации и институционализации – были видны лидеры, мобилизационные организации, предлагались некие программы перемен;

- участниками кыргызских политических протестов стало все многонациональное население страны, в то время как в Казахстане – только этнические казахи.

Отмечая различия массовых политических протестов в Казахстане и Республике Кыргызстан, необходимо видеть то общее, что их объединяет. На наш взгляд можно выделить следующие общие для Казахстана и Республики Кыргызстан факторы массовых политических протестов. К ним относятся:

- социально-экономическая нестабильность, диспропорции в развитии регионов;

- растущее социальное расслоение и неравенство, охватившее значительную часть населения (ключевыми выгодополучателями экономического роста в Казахстане стали олигархические группы, а не большинство населения);

- повсеместная коррупция, разъедающая общество;

- политический режим, исключавший реальное разделение властей и функционирование системы сдержек и противовесов, развитие институтов гражданского общества, демократические процедуры представительства и учета интересов всех социальных групп, реализацию прав и свобод граждан, разрешение возникающих конфликтов в рамках правового государства, демократически ориентированного политического участия и мирного выражения политического протеста;

- раскол политических элит и внутриэлитная борьба;

- клановость (включая силовые структуры) и неэффективность государственных институтов и государственной политики при запредельной бюрократизированности госаппарата;

- недовольство критической массы населения положением дел в стране, депривация, ощущение фрустрации и несправедливости, отсутствие возможности влияния общественности на государственную политику;

- чрезмерные препятствия и запреты для проявления гражданской активности, подавление всех форм политического протеста, нетерпимость к любым альтернативным инициативам оппозиции.

Протесты в обеих странах происходили в контексте проблем постсоветского развития, транзита политических систем с неопределенным вектором конечного пункта трансформации. Вышеуказанные протесты не соответствовали современным стандартам демократического гражданского протеста. Насильственный характер действий, как власти, так и ее оппонентов в ходе протестов свидетельствует о неразвитости демократических институтов, предусматривающих цивилизованные формы влияния на власть без насилия и крови путем конструктивного диалога, взаимных уступок и компромисса. В этих

странах не сложилась консолидированная независимая оппозиция во главе с лидером, представляющим убедительную альтернативу действующей власти, что позволяет последней не принимать в расчет позицию и интересы своих оппонентов. При этом власть продемонстрировала неспособность быстро и адекватно реагировать на требования общества. С другой стороны, нельзя игнорировать известную патриархальность социальной структуры в Казахстане и Кыргызстане, а также присутствие в общественном сознании населения этих стран все еще сильных кланово-семейных, религиозных, племенных связей и интересов, которые сыграли важную роль в политических протестах.

Для реальной завершенности протестов в их нынешнем формате необходимы соответствующие предпосылки в виде созревших объективных условий и формирования элит, способных взять и удерживать власть, опираясь на поддержку и доверие большинства свободных в своем выборе граждан

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя общие итоги исследования, можно сделать следующие основные выводы.

Современное аналитическое рассмотрение политического протеста в политических системах северной части Центральной Азии основывается на трех теоретико-методологических подходах. Первый – это концепции политического поведения и участия Э. Даунса, А. Лансело, Р. Инглхарта, Р. Мертона и другие. Второй – это раскрывающие специфику политического протеста теоретические положения Э. Хоффера, Ч. Тилли, Дж. Шарпа и другие. Третий – это неопатримониальный подход Ш. Эйзенштадта, А. Фисуна и другие. Интегративное сочетание этих теоретико-методологических оснований позволяет получить релевантные и достоверные выводы об особенностях политического протеста в странах северной части Центральной Азии.

В целом политический протест целесообразно рассматривать как вид политического поведения и политического участия, особенностью которого является выражение общественного недовольства деятельностью структур государственной власти, общим ходом дел, социально-экономическим состоянием и тому подобное.

К основным факторам формирования политического протеста в ходе диссертационного исследования автором выделены основные общие для Казахстана и Республики Кыргызстан факторы массовых политических протестов. К ним относятся:

- социально-экономическая нестабильность, диспропорции в развитии регионов
- растущее социальное расслоение и неравенство, охватившее значительную часть населения (ключевыми выгодополучателями экономического роста в Казахстане стали олигархические группы, а не большинство населения);

- повсеместная коррупция, разъедающая общество;
- политический режим, исключавший реальное разделение властей и функционирование системы сдержек и противовесов, развитие институтов гражданского общества, демократические процедуры представительства и учета интересов всех социальных групп, реализацию прав и свобод граждан, разрешение возникающих конфликтов в рамках правового государства, демократически ориентированного политического участия и мирного выражения политического протеста;
- раскол политических элит и внутриэлитная борьба;
- клановость (включая силовые структуры) и неэффективность государственных институтов и государственной политики при запредельной бюрократизированности госаппарата;
- недовольство критической массы населения положением дел в стране, депривация, ощущение фрустрации и несправедливости, отсутствие возможности влияния общественности на государственную политику;
- чрезмерные препятствия и запреты для проявления гражданской активности, подавление всех форм политического протеста, нетерпимость к любым альтернативным инициативам оппозиции.

При характеристике казахстанских массовых политических протестов установлено, что политическое пространство Казахстана практически закрыто для оппозиционных сил. Действующие запреты на несанкционированные органами власти митинги, шествия, демонстрации, пикеты, а также полная зависимость СМИ от государства сильно затрудняют массовое или индивидуальное публичное выражение какого-либо социального и/или политического недовольства. Крупной проблемой для общественности Казахстана и одним из заметных источников протестных настроений является постоянно расширяющаяся и углубляющаяся коррупция, которая видоизменяется и принимает новые формы. Представленные в Мажилисе формально оппозиционные партии Казахстана, а также политические партии, допущенные к участию в парламентских выборах, находятся под контролем

действующей власти, фактически, аффилированы с системой власти, что на сегодняшний день мало для кого является секретом. Поэтому протестные группы населения все чаще проникаются неверием в возможность что-то изменить путем голосования, предпочитают не участвовать в выборах, которые считают марионеточными. Наиболее недовольные граждане примыкают к радикальным группировкам, использующим самые крайние методы политической борьбы.

Специфическими чертами современного массового политического протеста в Казахстане, как показывает исследование, являются: инициирование по экономическому и трудовому поводам с дальнейшим присоединением политических мотивов; сильное давление на протестующих и нетерпимость к альтернативным голосам со стороны системы власти; кровопролитность; криминализация; радикализация на основе исламского фундаментализма; децентрализация и цифровизация; усталость от несменяемости власти; неоднородность и размытость состава протестующих; стихийный, во многом спонтанный, даже иррациональный характер протестов с плохо осознанными целями и средствами их достижения; отсутствие общенационального организующего начала в виде публичной политической силы (партии, движения) и авторитетного (харизматического) лидера; этническая однородность (подавляющее преобладание казахов).

В свою очередь Республика Кыргызстан является лидером среди стран Средней Азии по количеству и масштабу массовых выступлений граждан и групп интересов, стремящихся повлиять на политический процесс и принятие решений, а также изменить систему власти.

В ходе исследования выделены следующие особенности современного политического протеста в Кыргызстане: переутомление гражданских активистов от длительной политической мобилизации; снижение порога чувствительности граждан и правительства к протесту, который воспринимается как рутинное мероприятие; неспособность структур власти быстро и адекватно реагировать на требования общественности; перегруженность медиа многочисленными сообщениями о разных протестных акциях; недостаток компетентности у

общественности, не осознающей значение того или иного выдвигаемого требования; постепенная дифференциация участвующих в уличных акциях гражданских активистов по группам интересов и выдвигаемым требованиям; радикализация большинства протестных выступлений, даже тех, которые начинаются с умеренных требований и не касаются крупных политических вопросов.

Примечательно, что кыргызские массовые политические протесты, при всей ожесточенности, характеризовались меньшим, чем в Казахстане, силовым давлением на протестующих, большей информационной открытостью, возможностью к самоорганизации и институционализации – были видны лидеры, мобилизационные организации, предлагались некие программы перемен. Кроме того, участниками кыргызских политических протестов стало все многонациональное население страны, в то время как в Казахстане – только казахи.

Сравнительные различия в современном политическом протеста в Казахстане и Кыргызстане состоят в неодинаковой интенсивности и охвате политического протеста (в Кыргызстане таковой выражается более сильно), в неодинаковости политических условий (в Кыргызстане у общественности заметно больше возможностей для самоорганизации), степени давления системы власти (в Казахстане прессинг гораздо более ощутим).

Вместе с тем автор выделяет ряд общих черт в массовых политических протестов в Казахстане и Кыргызстане. Во-первых, протесты в обеих странах происходили в контексте проблем постсоветского развития, транзита политических систем с неопределенным вектором дальнейшей трансформации. Вышеуказанные протесты не соответствовали современным стандартам демократического гражданского протеста. Во-вторых, насильственный характер действий как власти, так и ее оппонентов в ходе протестов свидетельствует о неразвитости демократических институтов, предусматривающих цивилизованные формы влияния на власть без насилия. В-третьих, в этих странах не сложилась консолидированная независимая оппозиция во главе с

лидером, представляющим убедительную альтернативу действующей власти, что позволяет последней не принимать в расчет позицию и интересы своих оппонентов. В-четвертых, системы власти этих стран оказались неспособны быстро и адекватно реагировать на требования общества. Наконец, в-пятых, в этих странах наличествует патриархальность социальной структуры, в обществах этих стран присутствуют сильные кланово-семейные, религиозные, племенные связи и интересы, которые сыграли важную роль в политических протестах. На сегодня протестные движения пока не способны сформулировать перечень требований, который мог бы стать привлекательной повесткой дня для большинства населения. До сих пор не преодолена противоречивость и спорность политических требований, не достигнут консенсус относительно общей цели, к которой устремляются все участники протеста, не созданы общенациональные площадки для публичного обсуждения наиболее значимых проблем и для согласования позиций, для создания совместных организационных структур.

В качестве перспективных направлений изучения темы можно выделить трансформацию форм политического протеста в условиях цифровизации; влияние региональных и местных особенностей (клиентелизм, клановость и так далее) на мотивацию и мобилизацию участников политического протеста; причины низкой эффективности политического протеста в странах северной части Центральной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев Т. М. Бедность в Казахстане // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 12. – С. 105–115.
2. Арентс Х. Истоки тоталитаризма. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
3. Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П. Сеть или текст? факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 73-91.
4. Ахременко А.С., Бродовская Е.В. Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 6 (166). – С. 4-27
5. Ашимбаев Д. Электоральные предпочтения населения Казахстана в период избирательных кампаний 2004—2005 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://nomad.su/?a=2-200604040313>, свободный (дата обращения: 27.09.2022 г.).
6. Баранов Н. А. Политический протест в контексте современных теорий социального действия // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2021. – № 14. – С. 18–21.
7. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. – СПб.: Изд-во К.Л. Рикера, 1903. – 144 с.
8. Более тысячи человек стали участниками массовых беспорядков на западе Казахстана. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/1043216> (дата обращения: 27.09.2022 г.).
9. В Казахстане участники «газовых» протестов призвали Назарбаева уйти из политики. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/01/04/ket/> (дата обращения: 27.09.2022 г.).
10. Гаеткулов Э.Н. Политический протест в цифровую эпоху: основные способы самоорганизации граждан // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 7 (96). – С. 27-30.

11. Гаекулов Э.Н. Особенности современного политического протеста в западных регионах Казахстана // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 1 (74). – С. 97-101.
12. Дорожкин Ю.Н., Гаекулов Э.Н. Цифровая трансформация гражданского протестного участия в современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – № 12 (2). – С. 115-121.
13. Гельман В. Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории) // Полис. – 2001. – № 1. – С. 15-29.
14. Гельман В. Политические режимы переходного периода: российские регионы в сравнительной перспективе. – СПб.: Европейский университет, 2000. – 35 с.
15. Горбачев М.В., Бронников И.А., Гераскин И.И. Цифровые каналы коммуникации протестующих: национальная специфика и возможности межстранового функционирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2022. – Т. 22. – № 2. – С. 206-214.
16. Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция. – М.: ГУ ВШЭ, 2010. – 288 с
17. Данливи П. Политическое поведение: институциональный и эмпирический подходы // Политическая наука: новые направления. – М.: Вече, 1999. – С. 281-295.
18. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. – М.: ГУ ВШЭ, 2010. – 314 с.
19. Даркеев Б. Назарбаев потребовал наказать провокаторов, поднявших шум вокруг продажи земель. [Электронный ресурс]. – URL: <https://informburo.kz/novosti/nazarbaev-potreboval-nakazat-provokatorov-podnyavshih-shum-vokrug-prodazhi-zemel.html> (дата обращения: 27.09.2022 г.).
20. Дементьева И. Н. Модели и факторы формирования социального протеста в зарубежных и отечественных концепциях // Проблемы развития территории. – 2013. – № 6 (68). – С. 73 – 82.

21. Депутат Европейского парламента поддержал нефтяников Каражанбаса. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vesti.kz/society/deputat-evropeyskogo-parlamenta-podderjal-neftyanikov-87923/> (дата обращения: 27.09.2022 г.).

22. Дмитриева М. О., Давыдов З. В. Кризис в Казахстане: предварительные итоги, анализ причин, реакции зарубежных партнеров // Известия Восточного института. – 2022. – № 1. – С. 112-122.

23. Дуванов С. Куда делись бледнолицые? // Республика. – 2016. – 29 апреля. – С. 3.

24. Дуйшалиева А. Специфика изучения феномена политического протеста и его культурного общественного восприятия в Кыргызстане // Известия вузов. – 2013. – № 4. – С. 231-233.

25. Звягельская И.Д. Протестный пейзаж и политические режимы (Арабские государства и страны Центральной Азии) // Уральское востоковедение. – 2018. – Вып. 8. – С. 51-69.

26. За 25 лет в Казахстан прибыло почти миллион оралманов. [Электронный ресурс]. – URL: <https://kapital.kz/gosudarstvo/47713/pochti-million-oralmanov-pribylo-v-kazakhstan-za-25-let.html> (дата обращения: 27.09.2022 г.).

27. За провокации в Казахстане хорошо заплатили. Первый канал Казахстана [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/video-48479267_456239019 (дата обращения: 27.09.2022 г.).

28. Звенья одной цепи. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ortcom.kz/ru/ism/1642262903> (дата обращения: 27.09.2022 г.).

29. Зубов А. Где в Казахстане жить хорошо, или рейтинг городов страны по стоимости жизни. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dknews.kz/ru/eksklyuziv-dk/203860-gde-v-kazahstane-zhit-horosho> (дата обращения: 27.09.2022 г.).

30. Зубов А. Кризис наступает: в Казахстане продолжают увольнения работников. [Электронный ресурс]. – URL: <https://365info.kz/2016/04/krizis->

nastupaet-v-kazahstane-prodolzhayutsya-uvolneniya-rabotnikov (дата обращения: 27.09.2022 г.).

31. Иванов Е.А., Малков С.Ю. Анализ уровня социально-политической нестабильности в Казахстане и Кыргызии: современное состояние и прогноз // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – М.: УРСС, 2020. – С. 592–614.

32. Илебаева А. К., Батанова М.К. Клань современной Центральной Азии // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2021. – Т. 21. – № 11. – С. 147-151.

33. Илеуова, Г. Анализ угроз национальной безопасности РК на среднесрочную перспективу. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ofstrategy.kz/index.php/ru/research/politic-research/item/189-analiz-ugroz-natsionalnoj-bezopasnosti-rk-na-srednesrochnuyu-perspektivu/> (дата обращения: 27.09.2022 г.).

34. Иманбеков У.Т. Специфика социального протеста в Кыргызстане и его влияние на национальную безопасность страны // Известия НАН КР. – 2021. – № 6. – С. 32-37.

35. Инглхарт Р. Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. – М.: Европа, 2010. – С. 170-172.

36. Интеллигенция призывает Назарбаева быть осторожным. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rus.azattyq.org/a/zemelny-vopros-obraschenie-k-nazarbaevu/27680758.html>. (дата обращения: 27.09.2022 г.).

37. Ионова Е. Казахстан: тенденции политического развития // Россия и новые государства Евразии. – 2018. – № 1. – С. 68-81.

38. Ионова Е. О смене власти в Кыргызии // Россия и новые государства Евразии. – 2020. – № 4. – С. 73-86.

39. Исабаева Э. Политические предпосылки дихотомии «Север-Юг» в Кыргызстане // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 4. – С. 10–19.

40. Казакпаев М.С. Специфика деятельности политической оппозиции в Кыргызстане. // Материалы научно-практической конференции «Политические процессы в странах ЦА». – Алматы: КазГНУ им. Аль-Фараби, 2010. – С.45-53.
41. Кальник О. В Кыргызстане очередная революция: почему протестующие победили так быстро и при чем тут кланы и коррупция. [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.tut.by/world/703029.html> (дата обращения 03.02.2023).
42. Как зачищали парк Гези // Коммерсант. – 16 июня 2013.
43. Каримов Д. Параллельная реальность // Экономика Кыргызстана. Российская газета. – 16 мая 2018. – № 10 3(7566).
44. Керимов А. А., Алещенко П.С. Анатомия политических кризисов на постсоветском пространстве (на примере январских событий 2022 г. в Казахстане) // СССР и его наследие: проблемы мировой политики и международных отношений: V Чемпаловские чтения, посвященные 100-летию образования СССР: сборник научных статей и сообщений. – Екатеринбург: УрФУ, 2023. – С. 42 – 46.
45. Керимов А. А., Луговцов М. М. Политический протест: теоретико-методологические подходы и интерпретации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2020. – Т. 20. – Вып. 2. – С. 202–206.
46. Керимов А. А., Кабадиев М. Ш. Этническая составляющая политической идентичности современного Казахстана // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2022. – № 4. – С. 42-45.
47. Кинсбургский А. В., Топалов М. Н. Два условия роста массовой протестной активности // Россия реформирующаяся. – М.: 2002. – С. 272-279.
48. Киргизский переворот. Война кланов или влияние США // Life. 07.10.2020. [Электронный ресурс]. – URL: <https://life.ru/p/1348722> (дата обращения 05.02.2023).
49. Кислов Д.: «Киргизия на пороге диктатуры – безраздельной власти Жапарова» // Бизнесonline, 18.10.2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://m.businessgazeta.ru/article/484937> (дата обращения 06.02.2023).

50. Климов И. А. Респонсивность власти как баланс суверенитета и социальной поддержки // Социолог. журн. – 2006. – № 3-4. – С. 69-88.
51. Кондорский Б. М. Сравнительный анализ современной социально-политической ситуации в Казахстане и Украине с позиций революционной концепции исторического развития // Ноосферные исследования. – 2022. – № 2. – С. 75–89.
52. Крувель А. Теория «партий-картелей» неверна // Русский журнал. – 2008. – № 10.
53. Кто дирижирует попыткой переворота в Кыргызии? // Военнополитическая аналитика [Электронный ресурс]. – URL: <https://vpoanalytics.com/2020/10/07/kto-dirizhiruet-popytkoy-perevorota-vkirgizii/> (дата обращения 02.02.2023).
54. Левада Ю. А. Сочинения: Проблема человека. – М.: Карпов, 2011. – 526 с.
55. Летняков Д. Э. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // Мир России. Социология. Этнология. – 2016. – Т. 25. – № 2. – С. 144–167.
56. Лим, В., Илеуова, Г.: Оппозиция до сих пор не может прийти в себя [Электронный ресурс]. – URL: <https://nomad.su/?a=3-200512311210> (дата обращения: 27.09.2022 г.).
57. Липсет С. М. Политический человек: социальные основания политики. – М.: Мысль, 2016. – 611 с.
58. Макаренко К.М., Бардаков А.И. Насилие или ненасилие: инструментальный характер протестной мобилизации // Право и политика. – 2020. – № 11. – С. 10-17.
59. Мамонов М. В. Возможности применения депривационного подхода при изучении протестных настроений // Мониторинг обществен. мнения: эконом. и социальные перемены. – 2010. – № 6. – С. 49-54.

60. Мамырайымов Т. Протестный потенциал в Казахстане: риски и прогнозы [Электронный ресурс]. – URL: <https://cabar.asia/ru/protestnyj-potentsial-v-kazahstane-riski-i-prognozy-2> (дата обращения: 27.09.2022 г.).

61. Мамытбеков ушел с поста министра сельского хозяйства [Электронный ресурс]. – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/ministr-selskogo-hozyaystva-asyiljan-mamyitbekov-podal-293985/ (дата обращения: 27.09.2022 г.).

62. Массовые протесты в Казахстане. Главное [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.currenttime.tv/a/31640230.html> (дата обращения: 27.09.2022 г.).

63. Министерство юстиции Кыргызской Республики. Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203664?cl=ru-ru> (дата обращения: 05.02.2023).

64. Морозов Ю. В. Внутренние и внешние факторы событий в Казахстане в начале 2022 года и возможные стратегии Запада и России в республике // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2022. – № 1. – С. 6-16.

65. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // Полис. – 2002. – № 1. – С. 7-15.

66. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. – М. Прогресс, 1966. – С. 299-313.

67. Мониторинг нарушений свободы слова в Кыргызстане в марте 2010 года. Общественное объединение «Журналисты» [Электронный ресурс]. – URL: <http://journalist.kg/monitoring/monitoring-smi-za-03-2010-g/> (дата обращения 12.02.2023).

68. Московичи С. Век толп. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – 480 с.

69. Мукамбетова Н.К. Массовый митинг, демонстрация, шествие как феномен социально-политического протеста в современном Кыргызстане // Известия НАН КР. – 2021. – № 6. – С. 117-122.

70. Мурзакулова А. Д. Проблемы развития политических процессов в Кыргызстане // Известия ВУЗов. Серия: социально-гуманитарные науки. – 2011. – № 4 – С.26-31.
71. Н. Назарбаев: Девальвации не будет, как работали, так и работаем [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zakon.kz/4706930-n.nazarbaev-devalvacii-ne-budet-kak.html> (дата обращения: 27.09.2022 г.).
72. Назарбаев отчитал министров за их закрытость [Электронный ресурс]. – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-otchital-ministrov-za-ih-zakryitost-293913/ (дата обращения: 27.09.2022 г.).
73. Назарбаев: Трудовой спор нефтяников нельзя смешивать с деяниями бандитов [Электронный ресурс]. – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-trudovoy-spor-neftyanikov-smeshivat-deyaniyami-204074/ (дата обращения: 27.09.2022 г.).
74. Ногойбаева Э.А. Проблемы и перспективы политической коммуникации в современном Кыргызстане // Известия ВУЗов. Серия: социально-гуманитарные науки. – 2011. – № 4. – С.31 -36.
75. Олсон М. Логика коллективных действий. – М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. – 174 с.
76. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2002. – 509 с.
77. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
78. Патрушев С.В. Доверие, гражданское действие, политика: опыт «старых» и «новых» демократий // Россия реформирующаяся. – 2008. – Вып. 7. – С. 518-540.
79. Патарая К.И., Крымова К.М. Национальные сценарии цифровизации политического протеста Конфликтология // Nota Bene. – 2022. – № 3. – С. 42-59.
80. Половинко, В., Глушкова, С. Министерство информации или «министерство правды»? [Электронный ресурс]. – URL: <https://rus.azattyq.org/a/ministerstvo-informacii-i-kommunikacij-kazakhstan-dauren-abaev/27719688.html> (дата обращения: 27.09.2022 г.).

81. Пропагандистское напряжение [Электронный ресурс]. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/05/18/68642-propagandistskoe-napryazhenie> (дата обращения: 27.09.2022 г.).

82. Программу Первого канала Казахстана высмеяли в соцсетях [Электронный ресурс]. – URL: <https://informburo.kz/novosti/programmu-pervogo-kanala-kazahstana-vysmeyali-v-socsetyah-.html> (дата обращения: 27.09.2022 г.).

83. Протесты в Казахстане: революция, бунт или госпереворот? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dw.com/ru/protesty-i-besporjadki-v-kazahstane-revoljucija-bunt-ili-gosperevorot/a-60401290> (дата обращения: 27.09.2022 г.).

84. Пулями протест не залечишь [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/news/510056> (дата обращения: 27.09.2022 г.).

85. Ривз М. Переломный момент: почему кыргызы потеряли терпение [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polit.ru/article/2010/04/22/reeves/> (дата обращения: 14.02.2023).

86. Садыр Жапаров обратился к кыргызстанцам // Sputnik Кыргызстан. 11.10.2020. [Электронный ресурс]. – URL: <https://m.ru.sputnik.kg/> (дата обращения 02.02.2023).

87. Савченко И. А. Политический протест в современном обществе: технологический подход // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 252-255.

88. Сатпаев: властям следовало заниматься экстремистами, а не митингующими [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.sputnik.kz/20160605/11129.html> (дата обращения: 27.09.2022 г.).

89. Смагулов, К., Насимова, Г. Анализ протестных настроений в западных областях Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2016. – Т. 19. – № 3. – С. 42-51.

90. Смысловских Е. А., Колесников И. В., Новиков В. А., Слав М., Коротаяев А. В. Урбанизация и терроризм: опыт количественного анализа. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11;

Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаяев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2020. – С. 265–302.

91. Селле П. J-кривая Дэвиса // Теория и методы в соврем. полит. науке: первая попытка теоретического синтеза. – М.: Росспэн, 2009. – С. 371-387.

92. Сикорский И.А. Использование цифровых технологий в политической коммуникации на евразийском пространстве // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2020. – Т. 2. – № 9. – С. 236-239.

93. Сорокин П. А. Социология революции. – М.: РОССПЭН, 2005. – 704 с.

94. Социальная активность молодежи Казахстана в современных социально-политических реалиях. Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2014. – 168 с.

95. США выделяют 2,5 млн долл. на поддержку парламентских выборов в Кыргызстане [Электронный ресурс]. – URL: <https://knews.kg/2019/05/13/sshavydelyat-2-5-mln-na-podderzhku-parlamentskih-vyborov-v-kyrgyzstane-...> (дата обращения 02.02.2023).

96. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. – М.: Территория будущего, 2009. – 328 с.

97. Туррен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.

98. Толеуханова А. Казахстан: «Земельные протесты» — отражение недовольства общим положением дел в стране? [Электронный ресурс]. – URL: <https://eurasianet.org/kazakhstan-land-issue-foundation-wider-anger> (дата обращения: 27.09.2022 г.).

99. Умбеталиева Т., Ракишева Б., Тешендорф П. Молодежь Центральной Азии. Казахстан. На основе социологического опроса. Под научным руководством проф. Клауса Хуррельманн. – Алматы: Представительство фонда им. Фридриха Эберта в Казахстане, 2016. – 281 с.

100. Фролов А. В Казахстане временно оказались заблокированы крупнейшие соцсети и мессенджеры [Электронный ресурс]. – URL: <https://vc.ru/flood/15628-kaz-block> (дата обращения: 27.09.2022 г.).

101. Франц В.А. «Мягкая сила» культуры политического протеста: теоретико-методологические основания исследования Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2020. – № 2 (28). – С. 92-101.

102. Хоффер Э. Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2017. – 206 с.

103. Ценности и идеалы независимого Казахстана; под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. – 332 с.

104. Что происходит в Кыргызии и к чему приведет очередной переворот. – Реальное время. 24.10.2020. [Электронный ресурс]. – URL: https://realnoevremya.ru/articles/191742-chto-proishodit-v-kirgizii-i-k-chemuprivedet-ocherednoy-perevorot?utm_source=campaign... (дата обращения 02.02.2023).

105. Шакеева, Б., Шайкемелев, М., Айтымбетов, Н. Родовые отношения в Казахстане: Возрождающаяся традиция или социальный инструмент? / Б. Шакеева, М. Шайкемелев М., Н. Айтымбетов // Центральная Азия и Кавказ. – 2020. – Т. 23. – № 4. С. 36-45.

106. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. – М.: Новое издательство, 2012. – 72 с.

107. Шибутов М. Индекс социальной напряженности в Казахстане в апреле [Электронный ресурс]. – URL: https://vlast.kz/obsshestvo/indeks_socialnoj_naprjazhennosti_v_kazahstane_v_aprele-582.html (дата обращения: 27.09.2022 г.).

108. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 414 с.

109. Шукуралиева Н. Феномен цветных революций // PolitBook. –2017. – № 17. – С. 16-29.
110. Яковлев М. В. Идеи демократии в политической мысли стран СНГ / М. В. Яковлев. – Уфа: Альфа – реклама, 2016. – 352 с.
111. About ACLED [Электронный ресурс]. – URL: <https://acleddata.com/about-acled/> (дата обращения 12.11.2022).
112. Alvarez M., Cheibub J., Limongi F., Przeworski A. Classifying Political Regimes // *Studies in Comparative International Development*. – Vol. 31. – № 2. – P. 3-36.
113. Aveni A.F. The not-so-lonely crowd: Friendship groups in collective behavior // *Sociometry*. – 1977. – № 40. – Pp. 96–99.
114. Benford R. D. An insider’s critique of the social movement framing perspective // *Sociological Inquiry*. – 1997. – Vol. 67. – № 4. – Pp. 409–430.
115. Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2002. – P. 462.
116. Beyme K. von Party Leadership and Change in Party Systems: Towards a Postmodern Party State? // *Government and Opposition*. – 1996. – Vol. 31. – № 2. – P. 149-150.
117. Blumer H. Elementary collective groupings // *Principles of Sociology*. – N.Y.: Barnes and Noble, 1946. – Pp. 178–198.
118. BTI Transformation Index [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bti-project.org/> (дата обращения 02.02.2021);
119. Bogaards M. How to classify hybrid regimes? Defective democracy and electoral authoritarianism // *Democratization*. – 2009. – Vol. 16. – № 2. – P. 399–423.
120. Cohen J.L. Strategy or identity: New theoretical paradigms and contemporary social movements // *Social Research*. – 1985. – Vol. 52. – № 4. P. – 663–716.
121. Cohen M. Urbanization and Conflict: Trends, Impacts, and Challenges for Development Assistance // *International Affairs Working Paper*. New

School [Электронный ресурс]. – URL: https://milanoschool.org/wp-content/uploads/2013/04/Cohen_2009-09.pdf (дата обращения: 28.06.2023).

122. della Porta D. Eventful Protest, Global Conflicts // *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*. – 2008. – Vol. 9. – № 2. – Pp. 27–56.

123. Downs A. *Economic theory of democracy*. – Harper and Row, 1957. – 320 pp.

124. Drury J., Reicher S., Stott C. Shifting boundaries of collective identity: Intergroup context and social category change in an anti-roads protest: British Psychological Society Social Psychology Section Conference. – University of Surrey, 1999.

125. Eisinger P. K. The Conditions of Protest Behavior in American Cities // *American Political Science Review*. – 1973. – Vol. 67. – № 1. – P. 11–28.

126. Ekstein H. *A theory of stable democracy*. – Princeton University, 1961. – 50 p.

127. *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition* / ed. by A. Schedler. – Boulder, CO, and London, UK : Lynne Rienner Publishers, 2006. – 268 p.

128. Gamson W.A. *The Strategy of Social Protest*. – Homewood: Dorsey, 1975. – 217 p.

129. Gandhi J. *Political Institutions under Dictatorship*. – N.Y.: Cambridge University Press, 2008. – 258 p.

130. Geddes B., Wright J., Frantz E. New Data on Autocratic Regimes // *Perspective on Politics*. – 2014. – № 12. – P. 313-331.

131. Gilbert L., Mohseni P. Disabling Dissent: the Colour Revolutions, Autocratic Linkages, and Civil Society Regulations in Hybrid Regimes // *Contemporary Politics*. – 2018. – 24(4). Pp. 454–480.

132. Ginsberg B., Lowi T., Weir M. *We the People: An Introduction to American Politics*. – W. W. Norton & Company, 2012. – 608 pp.

133. Gourinchas P. O. Flattening the Pandemic and Recession Curves // *Mitigating the COVID Economic Crisis: Act Fast and Do Whatever*. 2020. 31.
134. Goffman E. *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. – Cambridge: Harvard University Press, 1974. – 600 p.
135. Greenstein F. *Personality and Politics: Problems of Evidence, Inference, and Conceptualization*. – Chicago: Markham Publishing Company: 1969. – 200 p.
136. Hale H. Regime Cycles Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*. 2005. – Vol. 58. – Issue 1. – Pp. 133-165.
137. Hutter S. Protest Event Analysis and Its Offspring // della Porta D. (ed.). *Methodological Practices in Social Movement Research*. – Oxford: Oxford University Press. – P. 335–367.
138. Howard M. and Roessler Ph. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*. – 2006. – Vol. 50. – № 2. – Pp. 365-381.
139. Ignazi P. The Crisis of Parties and the Rise of New Political Parties // *Party Politics*. – 1996. – Vol. – 2. – № 4. – P. 549-556.
140. Jenkins J. C., Klandermans B. *The politics of social protest. Comparative perspectives on states and social movements*. – USA: University of Minnesota Press; UCL Press, 1995. – 392 p.
141. Jørgen Møller. *Post-communist Regime Change. A Comparative Study*. – Routledge, 2013. – 192 p.
142. Klandermans B. Mobilization and participation: Social psychological expansions of resource mobilization theory // *American Sociological Review*. – 1984. – Vol. 49. – № 5. – Pp. 583-600.
143. Klandermans P.G. Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and the Dynamics of Protest // *Political Psychology*. – 2014. – Vol. 35. – № 1. – Pp. 1–22.
144. Lane D. „Coloured revolutions” as a political phenomenon // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. – 2009. – Vol. 25. – № 2-3.

145. Lancelot A. L'abstentionnisme électoral en France. – Paris: Armand Colin, 1968. – 290 p.
146. Le Bon G. The Crowd: A Study of the Popular Mind. – Loki's Publishing, 2016. – 138 p.
147. Leijphart A. Language, Religion, Class and Party Choice // Electoral Participation. A comparative analysis. – L., 1988. – P. 283 – 327.
148. Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. – Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2010. – 536 p.
149. Louis W. Collective action - and then what? // Journal of Social Issues. 2009. – Vol. 65. – № 4. – P. 727–748.
150. McFaul M. Transitions from postcommunism. Journal of Democracy. – 2005. – Vol. 16. – № 3. – P. 5-19.
151. Mair P. Continuity, Change and the Vulnerability of Party // West European Politics. – 1989. – Vol. 12. – № 1. P. 29-45.
152. McAdam D. Political Process and the Development of Black Insurgency 1930–1970. – Chicago: University of Chicago Press, 1982. – 346 p.
153. McCarthy J.D., Zald M. Resource Mobilization and Social Movements // American Journal of Sociology. – 1977. – Vol. 82. – № 6. – Pp. 1212–1241.
154. McPhail C. The Myth of the Madding Crowd. New York: Aldine de Gruyter, 1991.
155. Mead G. H. The Philosophy of the Act. – Chicago: University of Chicago Press, 1938. – 696 p.
156. Melucci A. Challenging codes. Collective action in the information age. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 441 p.
157. Milbrath L. W. Political Participation: Milbrath L. W. Political Participation. Chicago : Rand McNally, 1965.. Chicago : Rand McNally, 1965. – 195 p.
158. Moore B. The Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant hi the Making of the Modern World. – Boston: Beacon Press, 1993. – 592 p.

159. Neil D.M. A further examination of anonymity, contagion, and deindividuation in crowd and collective behavior // *Sociological Focus*. – 1993. – Vol. 26. – № 2. – Pp. 93–107.
160. O'Donnell G., Schmitter Ph. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. – Baltimore, 2013. – 120 p.
161. Opp K-D. Collective identity, rationality and collective political action // *Rationality and Society*. – 2012. – Vol. 24. – № 1. – Pp. 73-105.
162. Opp K. *Theories of Political Protest and Social Movements: A Multidisciplinary Introduction, Critique, and Synthesis*. – L.: Routledge, 2009. – 422 p.
163. Ortiz D., Myers D., Walls E., Diaz M.-E. Where Do We Stand with Newspaper Data? // *Mobilization: An International Quarterly*. – 2005. – Vol. 10. – № 3. – P. 397–419.
164. Patel R. B., Burkle Jr F. M. Rapid Urbanization and the Growing Threat of Violence and Conflict: a 21st Century Crisis // *Prehospital and Disaster Medicine*. – 2012. – 27(2). P. 194.
165. Rosenzweig S. Converging approaches to personality: Murray, Allport, Lewin // *Psychological Review*. – 1944. – Vol. 51(4). – P. 248-256.
166. Rucht D., Ohlemacher T. Protest Event Data: Collection, Uses and Perspectives // Diani M., Eyerman R. (eds.). *Studying Collective Action*. – 1992. – L.: Sage. – P. 76–106.
167. Schedler A. The logic of electoral authoritarianism // *Electoral Authoritarianism : The Dynamics of Unfree Competition* / ed. by A. Schedler. – Boulder, CO, und London, UK : Lynne Rienner Publishers, 2006. – P. 1-23.
168. Shukuralieva N., *The Family in Power: A New Past for an Old Country* // *Journal of Central Asian and Caucasian Studies*. International Strategic Research Organization, Ankara. – 2012. – Vol. 7. – Issue 13. – P. 30-56.
169. Smelser N. *Theory of collective behavior*. – Free Press, 1962. – 436 p.

170. Simon B., Loewy, M., Stürmer, S., Weber, U., Freytag, P., Habig, C. et al. Collective identification and social movement participation // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1998. – Vol. 74. – № 3. – P. 646–658.
171. Snow D., Moss D. Protest on the Fly: Toward a Theory of Spontaneity in the Dynamics of Protest and Social Movements // *American Sociological Review*. – 2014. – Vol. 79. – № 6. – P. 1122-1143.
172. Snyder R. Beyond Electoral Authoritarianism: The Spectrum of non-Democratic regimes // *Electoral Authoritarianism*. – Lynne Rienner Publishers, 2006. P. 229.
173. Snyder D., Tilly C. Hardship and Collective Violence in France, 1830–1960 // *American Sociological Review*. – 1972. – Vol. 37. – № 5. – P. 520-532.
174. Tarrow S. Cycles of Collective Action: Between Moments of Madness and the Repertoire of Contention // *Social Science History*. – 1993. – Vol. 17. – № 2. – P. 281–307.
175. Tilly Ch. Event Catalogs as Theories // *Sociological Theory*. – 2002. – Vol. 20. – № 2. – P. 248–254.
176. Temirkulov A. Kyrgyz “revolutions” in 2005 and 2010: comparative analysis of mass mobilization // *Nationalities Papers*. – 2010. – Vol. 38. – № 5. – P. 589-600
177. Travaglino G.A. Social sciences and social movements: the theoretical context // *Contemporary Social Science*. – 2014. – Vol. 9. – № 1. – P. 1–14.
178. Tufekci Z. The medium and the movement: Digital tools, social movement politics, and the end of the free rider problem // *Policy & Internet*. – 2014. – Vol. 6. – Is. 2. – P. 202-208.
179. Turner R. *Collective behavior*. – Prentice-hall, New Jersey, 1987. – P. 35-50.
180. Verba S., Nie N. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. – University of Chicago Press, 1987. – 452 p.